ВОСПОМИНАНІЯ В. Н. ПОГОЖЕВА.

ЕЧАТАЕМЫЯ здѣсь воспоминанія инженеръ-маіора В. Н. Погожева интересны въ двухъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, они рисуютъ мелкія и характерныя подробности жизни средняго класса людей въ Россіи въ первую половину отживаемаго нами столѣтія, и эта обрисовка тѣмъ болѣе колоритна, что авторъ воспоминаній, представляя собою типъ очень обыкновеннаго человѣка того времени и высказывая свои взгляды, служитъ какъ бы отраженіемъ взглядовъ переживаемой имъ эпохи. Во-вторыхъ, воспоминанія В. Н. Погожева говорятъ о жизни и развитіи двухъ маленькихъ, безвременно погибшихъ знаменитостей, пьянистокъ Вѣры и Натальи Погожевыхъ, обратившихъ на себя въ 40-хъ и 50-хъ годахъ большое вниманіе въ музыкальныхъ сферахъ не только Петербурга и Москвы, но и Лейпцига, гдѣ въ то время музыка вообще особенно процвѣтала подъ вліяніемъ знаменитаго Мендельсона Бартольди, основавшаго Лейпцигскую консерваторію и до смерти бывшаго ея директоромъ. Кое-какія подробности объ этой консерваторіи, о Веймарскомъ дворѣ, о волненіяхъ въ Германіи въ 1848 году такъ же не безъинтересны въ воспоминаніяхъ Погожева.

Къ сожалѣнію, отрывочность воспоминаній не даетъ цѣльной картины, а представляетъ только эскизныя, хотя и очень интересныя по фактамъ, картинки описываемаго времени.

Ред.

I.

Вступленіе. — Происхожденіе моихъ родителей. — Начало ученія. — Манифестъ 1812 года и бѣгство изъ Москвы. — Нападеніе разбойниковъ на возвратномъ пути въ Москву. — Поѣздка въ Петербургъ. — Поступленіе въ 1-й кадетскій корпусъ. — Кадетскія шалости. — Нарушеніе дисциплины. — Арестъ. — Кадетская тюрьма. — Неожиданное появленіе на хорахъ лютеранской церкви въ похоронномъ костюмѣ. — Новая продѣлка во время дежурства и вторичный арестъ. — Гуманность штабсъ-капитана Мердера. — Производство въ офицеры. — Неистовый восторгъ кадетъ. — Объясненіе съ директоромъ корпуса. — Тяжкое взысканіе по жалобѣ архіепископа Филарета. — Радостное свиданіе съ матушкою.

Я пишу, что чувствовалъ и видѣлъ. Пишу мои записки и описываю мою жизнь, дабы ошибки и заблужденія мои послужили кому либо урокомъ. Думаю, что изъ этихъ записокъ всѣ возросты могутъ извлечь пользу. Юноши увидятъ, какъ вредно слушаться ложныхъ сужденій сверстниковъ-лѣнтяевъ и шалуновъ. Молодые люди узнаютъ изъ моего опыта, какъ портится карьера нашей службы отъ ложнаго самолюбія, отъ нетерпѣнія перенести хладнокровно нѣкоторые непріятные случаи въ жизни. Люди совершеннаго возроста пожелаютъ, по примѣру моему, наслаждаться истиннымъ семейнымъ счастьемъ и, подобно мнѣ, воспитывать своихъ дѣтей. Наконецъ, старецъ утвердится въ вѣрѣ въ промыслъ Божій и, согласно съ моими понятіями о будущей жизни и наградѣ здѣсь и тамъ за добро и зло, будетъ запасаться добрыми дѣлами, чтобы оставить по себѣ вѣчную память.

Я родился 19-го января 1802 года въ Москвѣ. Отецъ мой былъ сынъ купца, именитаго гражданина города Великаго Устюга (Вологодской губерніи), а въ то время званіе именитаго гражданина было особенно почетно, и таковыхъ было не много. Дѣдъ мой былъ умный и дѣльный человѣкъ въ свое время, но къ концу жизни, по несчастному стеченію обстоятельствъ, лишился всего состоянія. Въ то время отечество наше только что начинало просвѣщаться, и даже дворяне неохотно отдавали дѣтей своихъ учиться; но дѣдъ мой отвезъ двухъ своихъ сыновей въ Голландію, гдѣ они и получили отличное образованіе. По возвращеніи въ Россію, старшій сынъ, Левъ Даниловичъ, служилъ въ статской службѣ и кончилъ жизнь свою, состоя начальникомъ отдѣленія въ департаментѣ податей и сборовъ. Второй сынъ, Николай (отецъ мой), сначала служилъ въ военной службѣ, а потомъ въ московскомъ правительствующемъ сенатѣ и скончался на 32-мъ году, состоя въ должности оберъ-секретаря.

Мать моя, урожденная Горева, дочь коллежскаго совѣтника, вышла замужъ 14-ти лѣтъ. Нынѣ этого не можетъ быть, потому что высочайшимъ указомъ запрещено вѣнчать дѣвицъ ранѣе 16-ти лѣтъ. На 22-мъ году она уже осталась вдовою съ тремя сыновьями.

Мнѣ, старшему, было тогда пять лѣтъ; второму, Петру, было два года, и третьему, Александру, полгода. Живо помню, какъ скончался мой отецъ; помню, что когда его клали въ гробъ, въ то время сенатскій курьеръ привезъ ему орденъ св. Владиміра 4-й степени. Когда мнѣ минуло шесть лѣтъ, отдали меня учиться въ школу. Очень помню, какъ мнѣ не хотѣлось ходить туда. Бывало, матушка выпроводитъ меня изъ дому, но я, подойдя къ школѣ, ухвачусь за тумбу и не иду далѣе. Провожавшая меня нянька Анна должна была тащить меня въ школу насильно, какъ мясникъ тащитъ барана. Потомъ отдали меня въ пансіонъ нѣмецкой кирки, и тутъ-то меня за лѣность сѣкли розгами каждую субботу и отпускали домой, гдѣ маменька и бабушка встрѣчали меня нѣжными ласками и пичкали разными сластями.

Говорятъ, что будто острота, бойкость и понятливость ребенка означаютъ признакъ ума. Не знаю, можно ли съ этимъ согласиться. По крайней мѣрѣ, на опытѣ моей жизни я удостовѣрился, что шалуны и рѣзвые мальчики рѣдко дѣлали хорошую карьеру по службѣ. Напротивъ того, почти всѣ вялые, повидимому, малопонятливые или тупоумные, выходили, какъ говорится, въ люди прилежаніемъ, терпѣніемъ и трудолюбіемъ. Я былъ острый мальчикъ съ отличнѣйшими способностями, но безъ терпѣнія и хладнокровія не далеко ушелъ по службѣ.

Ученіе мое въ пансіонѣ продолжалось два года; но когда одинъ изъ учениковъ, не помню въ ссорѣ или играя, разрубилъ мнѣ фехтовальною саблею одно ухо, то меня взяли совсѣмъ домой. Вскорѣ поступилъ я въ московскій пансіонъ Дельсаля, гдѣ пробылъ годъ. Потомъ жилъ я нѣсколько времени въ одномъ знатномъ домѣ, гдѣ всѣ, даже няньки, горничная и барскій камердинеръ, говорили по-французски. Отсюда въ 1812 году поступилъ я въ пансіонъ при Московскомъ университетѣ, гдѣ и оставался до вступленія французовъ въ Москву.

11-го іюля 1812 года обнародованъ былъ высочайшій манифестъ императора Александра Павловича о вступленіи непріятелей въ Россію, и москвичи узнали, что государь самъ пріѣдетъ въ тотъ же день въ Москву. Съ умиленіемъ вспоминаю силу вѣры и единодушіе русскаго народа. Все вооружилось и вооружалось. Студенты и пансіонеры университета, даже и малолѣтніе пансіонеры, оживились воинственнымъ духомъ и, вооружившись кто чѣмъ могъ, просили гувернеровъ вести ихъ на защиту Москвы.

Мнѣ было тогда одиннадцать лѣтъ, и теперь мнѣ смѣшно вспомнить, какъ мы, прицѣпивъ сабли и сдѣлавъ пики изъ половыхъ щетокъ, пришпилили къ нашимъ фуражкамъ булавками кресты изъ лоскутковъ сукна, на подобіе ополченцевъ. Гувернеры улыбались, смотря на наши приготовленія къ защитѣ Москвы, и мы, пошумѣвъ и покричавъ, поужинали и легли спать.

Это было 1-го сентября. Вдругъ ночью будятъ меня, я протираю глаза и вижу передъ собою матушку; съ нею была ея горничная. Матушка мнѣ сказала, что мы уѣзжаемъ изъ Москвы. Я одѣлся и вышелъ изъ пансіона. У воротъ насъ дожидалась телѣга, запряженная въ одну лошадь: лучшаго экипажа не могли достать, а своего матушка не имѣла. Въ телѣгѣ сидѣли уже моя больная тетка, Е. Н. Быховцева, съ четырьмя малолѣтними дѣтьми и мои два маленькіе брата. Меня тоже посадили, а матушка съ горничною пошли пѣшкомъ. Протащившись 50 верстъ, мы остановились, не помню, въ какой-то деревнѣ. Вечеромъ, часу въ одиннадцатомъ, мы увидали зарево московскаго пожара; большіе плакали, а мы, дѣти, глядя на нихъ, тоже. Всѣ проклинали Наполеона, называя его антихристомъ, злодѣемъ, клятвопреступникомъ... Когда непріятельскіе отряды начали разсѣиваться по окрестностямъ Москвы, то матушка со мною и двумя братьями моими отправилась въ нашу костромскую деревню, гдѣ мы и прожили до октября мѣсяца 1813 года. Въ это время ничего съ нами особеннаго не случилось, и мы жили въ такой глуши, что не видали почти никого, кромѣ партій рекрутовъ. Однако же, эти послѣдніе дѣлали намъ много неудовольствій. Всегда пьяные, буйные, своевольные; одна партія ихъ до того кричала и бѣсновалась, обступя нашъ домъ и требуя вина, что больная сестра моей матушки, Анна Михайловна, отъ испуга скончалась.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ матушка, взявъ меня съ нянькой Прасковьей, поѣхала въ Москву. Верстъ за 30-ть до Троицы-Сергія, въ одномъ селѣ, насъ уговаривали остаться ночевать и многіе предостерегали, что ночью ѣхать лѣсомъ не безопасно. Но матушка моя, не повѣривъ ихъ словамъ, полагая, что ее уговариваютъ остаться ночевать для своихъ выгодъ, приказала кучеру нашему ѣхать далѣе. Мы ѣхали въ кибиткѣ на тройкѣ своихъ деревенскихъ лошадей. Отъѣхавъ верстъ 15, мы увидали выѣзжающихъ прямо къ намъ на дорогу изъ лѣсу двухъ крестьянъ или торговцевъ, въ синихъ армякахъ, въ санкахъ въ одну лошадь. Въ саняхъ лежало что-то, покрытое рогожею. Поровнявшись съ нами, два молодца старались заглянуть въ нашу повозку, вѣроятно, желая узнать, кто и сколько сидитъ людей. Матушка моя вспомнила о предостереженіи крестьянъ и, догадываясь, что эти два молодца хотятъ разглядѣть, мужчины или женщины сидятъ въ повозкѣ, высовывала мою голову впередъ, а сама съ нянькою моею Прасковьей пряталась, дабы тѣмъ показать, что сидятъ мужчины; на мнѣ же была мѣховая шапка съ длинными ушами.

Въ то время уже стемнѣло; наши спутники старались завести разговоръ съ кучеромъ. Ровняясь съ нашею повозкою, одинъ изъ нихъ почти всовывалъ голову свою къ намъ въ повозку, желая разглядѣть насъ, но кучеръ ударялъ по лошадямъ, и мы уѣзжали

впередъ. Но и наши молодцы не отставали отъ насъ. Маленькая вороненькая ихъ лошадка стрѣлой догоняла нашу тройку. Это еще болѣе намъ было подозрительно, чтобы у крестьянъ или мелочныхъ торговцевъ была такая хорошая и прыткая лошадь, рысакъ, за котораго въ Москвѣ дали бы большія деньги.

Мы не на шутку перепугались; матушка поблѣднѣла и молилась; нянька моя призывала всѣхъ святыхъ на помощь. Наконецъ, при спускѣ съ горы повозка наша раскатилась, и такъ какъ кучеръ гналъ лошадей, то мы и опрокинулись. Тутъ-то молодцы на насъ наѣхали... Матушка лишилась чувствъ, нянька и кучеръ были ни живы, ни мертвы. Что со мною было, не помню, но мнѣ казалось, что изъ саней, изъ-подъ рогожи, вылѣзали еще люди. Вдругъ съ противоположной горы послышались колокольчики, и мигомъ нѣсколько повозокъ съ конвоемъ казаковъ подъѣхало къ намъ. Наши молодцы разбранили насъ, прибавивъ: «счастливъ вашъ Богъ», и быстро скрылись въ ближайшемъ лѣсу. Казачій конвой проводилъ насъ до перваго селенія, гдѣ былъ какой-то трактиръ или харчевня, куда и внесли матушку, бывшую еще въ сильномъ обморокѣ. Спасители наши были казаки, провожавшіе казенныя деньги.

Когда мы въѣхали въ Москву, я помню, что матушка и нянька горько плакали, видя обгорѣлые дома и церкви. Нашъ домъ тоже сгорѣлъ, и мы лишились всего имущества, зарытаго въ землю въ саду. Тогда матушка рѣшилась прибѣгнуть къ покровительству знатныхъ дамъ, членовъ вновь образовавшагося Патріотическаго общества. Матушкѣ дано было порученіе отвезти нѣсколько воспитанницъ въ Петербургъ, во вновь учрежденный Патріотическій институтъ. Онѣ отправились въ нѣсколькихъ кибиткахъ; меня съ двумя братьями, привезенными къ тому времени изъ деревни, помѣстили съ ними. По пріѣздѣ въ Петербургъ, мы съ матушкою остановились у моего дяди Льва Даниловича. Матушка представила воспитанницъ въ институтъ, а объ опредѣленіи меня въ учебное заведеніе дядя мой просилъ начальника своего, бывшаго въ то время директора департамента податей и сборовъ, Ѳедора Петровича Опочинина, который и ходатайствовалъ у великаго князя Константина Павловича объ опредѣленіи сына моего дяди и меня въ императорскій лицей. Но великій князь спросилъ:

— Есть ли еще у нихъ братья?

Опочининъ ему отвѣчалъ, что у госпожи Погожевой есть еще двое сыновей, но они слишкомъ малолѣтни, 6-ти и 7-ми лѣтъ, и мать не желаетъ ихъ еще опредѣлять въ корпусъ.

— Вретъ она, баба дура! — возразилъ его высочество, — сына Льва Погожева опредѣлить въ лицей, а троихъ сыновей вдовы Погожевой — въ Первый кадетскій корпусъ.

Итакъ, 22-го января 1814 года мы, трое братьевъ, были отве-

зены въ корпусъ. Я поступилъ въ резервную роту, а братья въ малолѣтнее отдѣленіе. Едва матушка и дядя уѣхали изъ корпуса, какъ меня окружили кадеты. Иные разспрашивали меня о домѣ и родныхъ, другіе дѣлали мнѣ гримасы и старались завести ссору, нѣсколько человѣчковъ обрывали пуговицы съ моей куртки. И теперь еще помню, что кадетъ Троицкій, выгнанный впослѣдствіи изъ корпуса за лѣность и наклонность къ воровству, снялъ съ меня сапоги и оторвалъ отъ каблуковъ мѣдныя подковки, съ которыми въ то время носились сапоги. Смѣшно вспомнить эти ребяческія продѣлки.

Инспекторъ классовъ, Михаилъ Степановичъ Перскій, впослѣдствіи генералъ-лейтенантъ и директоръ Перваго кадетскаго корпуса, очень любилъ французскій языкъ, а такъ какъ я говорилъ довольно бойко пофранцузски, то инспекторъ обратилъ на меня свое вниманіе и назначилъ въ 6-й средній классъ, а черезъ годъ перевелъ въ 6-й верхній и въ гренадерскую роту. Тутъ-то обнаружилась зависть моихъ товарищей и сверстниковъ. Меня стали называть шпіономъ, фискаломъ, наушникомъ и пересказчикомъ (кадетскія выраженія). Мнѣ казалось это обиднымъ, и чтобъ оправдать себя передъ товарищами, я пересталъ прилежно учиться, сталъ шалить и вскорѣ сдѣлался дурнымъ ученикомъ, худымъ кадетомъ во мнѣніи начальства, но молодцомъ и славнымъ товарищемъ между кадетами. Вотъ почему 1815, 1816 и 1817 годы просидѣлъ я въ одномъ классѣ; въ 1818 году былъ переведенъ въ 4-й верхній, а въ 1819 году по математическимъ наукамъ поступилъ въ третій, по словесности же, или, какъ въ корпусѣ называли, «по языкамъ», въ первый верхній классъ. Но такъ какъ шалости мои не выходили изъ обыкновеннаго круга, то-есть я не былъ грубіянъ или воришка, а просто острый мальчикъ, то меня произвели въ унтеръ-офицеры въ 1-ю мушкатерскую роту. Мнѣ слѣдовало выйдти изъ корпуса въ 1820 году, но передъ самымъ назначеніемъ къ выпуску я поколотилъ одного кадета и за это былъ исключенъ изъ списковъ кадетъ, представленныхъ въ офицеры. Наконецъ, 30-го января 1821 года былъ я выпущенъ въ Софійскій пѣхотный полкъ. Отъ представленія до выпуска со мною было много непріятностей; недѣли двѣ я просидѣлъ въ тюрьмѣ и даже едва не попалъ въ солдаты. Во время обѣда, ефрейтору моей части, тоже выпускному въ офицеры, князю Енгалычеву, пришла мысль катать отъ одного стола до другаго деревянный кружокъ, который клался на столъ подъ суповую миску. Бывшій въ то время дежурнымъ по корпусу подполковникъ Гераковъ, хромоногій человѣкъ, очень добрый, но съ нѣкоторыми странностями, вздумалъ самъ ловить катящійся по полу кружокъ. Корпусные офицеры едва удерживались отъ смѣха, а кадеты громко хохотали. Тутъ и съ другихъ столовъ покатились кружки. Подполковникъ не успѣвалъ ихъ ловить; хохотъ увеличи-

вался. Наконецъ, подполковникъ замѣтилъ, что кружокъ брошенъ съ моего стола, подошелъ ко мнѣ и спросилъ:

— Кто это у васъ, г. унтеръ-офицеръ, бросаетъ кружки?

Разумѣется, я не выдалъ товарища и отвѣчалъ, что не знаю. Тогда подполковникъ приказалъ мнѣ идти подъ арестъ. Я бодро прошелъ по столовой залѣ, гордясь своимъ нелѣпымъ геройствомъ, и вмѣсто хохота меня сопровождалъ одобрительный шепотъ тысячи кадетъ.

Явившись на гауптвахту, я прямо прошелъ въ арестантскую, не желая объясняться съ прапорщикомъ Нартовымъ, тоже моимъ товарищемъ, выпущеннымъ годомъ прежде меня изъ корпуса. Онъ же, намѣреваясь оскорбить, унизить меня и показать свое офицерство, громко спросилъ:

— Кто тамъ пришелъ? Поди сюда!

— Пойди самъ ко мнѣ,—гордо взглянувъ на него, отвѣчалъ я.

Вотъ какія понятія имѣлъ я о военной дисциплинѣ. Прапорщикъ смолчалъ, но немедленно пожаловался дежурному по корпусу, а тотъ, и безъ того будучи сердитъ на меня, доложилъ обо мнѣ директору корпуса, и меня черезъ полчаса посадили въ тюрьму. Эта тюрьма была особая комнатка или каморка на чердакѣ возлѣ лютеранской церкви, съ деревянною кроватью, на которой лежалъ соломенный тюфякъ. Возлѣ кровати стоялъ столикъ съ кружкою воды и кускомъ ржанаго хлѣба. По приводѣ сюда, на меня надѣли сѣрый кафтанъ и оставили одного. Двойная дверь заперлась на ключъ и двойнымъ запоромъ. Мнѣ страшно стало одному въ каморкѣ. Я воображалъ себя заживо погребеннымъ. Будущность меня не страшила, но мнѣ грустно было вспомнить, какъ этотъ арестъ огорчитъ мою матушку...

Въ горѣ бросился я на постель и заснулъ. Но какъ ни ужасался я своего дѣйствительнаго положенія, будучи посаженъ въ тюрьму и ожидая еще худшаго наказанія за дерзость противъ офицера, но состояніе мое во снѣ было еще ужаснѣе. Разгоряченное воображеніе представляло мнѣ страшныя сновидѣнія. Я просыпался въ холодномъ поту, но страхъ мой еще болѣе увеличивался отъ какого-то визга, писка и стукотни. И наяву мнѣ чудилось, что въ углу шевелится что-то огромное и черное. Я сѣлъ на постель, сталъ молиться, крестясь и читая: «да воскреснетъ Богъ, и расточатся врази его»...

Въ тюрьмѣ было темно. Былъ ли то вечеръ или ночь, не могъ я разобрать; ни свѣчки, ни ночника у меня не было. Ободренный молитвою, встаю и иду въ уголъ. И что же? Тамъ стояли похоронные факелы и лежали принадлежности похоронной процессіи: черныя мантіи, шляпы и попоны для лошадей. Страхъ мой внезапно прошелъ, и я расхохотался. Приподнялъ рукою одну изъ попонъ, и изъ-подъ нея выскочило нѣсколько огромныхъ крысъ—

причина слышаннаго мною шума, бѣготни и писка. Успокоясь отъ напраснаго страха, я снова легъ и проспалъ долго. Проснувшись, я услышалъ скрипъ дверей; вошелъ сторожъ съ огромной корзиной пироговъ и булокъ. Товарищи меня не забыли, и весь корпусъ кадетъ не ѣлъ по утру булокъ, а за обѣдомъ пироговъ, и, подкупивъ сторожа, прислали мнѣ ихъ въ тюрьму. Это называлось «передавать», и вотъ какъ это дѣлалось. При роздачѣ по утру булокъ или за обѣдомъ пироговъ кто нибудь изъ старыхъ кадетъ говорилъ:

— Господа! Погожеву въ тюрьму передавать булки и пироги.

И это воззваніе, какъ электрическою струею, сообщалось всѣмъ кадетамъ, и никто изъ нихъ не ѣлъ ни пироговъ, ни булокъ. Сторожа подкупали отдачею ему половины провизіи. Но горе сторожу, если бы онъ не согласился передать булки и пироги; ему не было бы житья, его бы стали безъ пощады преслѣдовать, разливали бы носимое имъ для себя изъ кухни кушанье, подставляли бы ему ноги, и онъ падалъ бы, колотили бы его въ шею, засыпали бы ему глаза пескомъ,—и все это внезапно, набѣгомъ, партизански. Кромѣ булокъ и пироговъ, присланы были мнѣ бумага, перья, чернила, свѣчи, табакъ и трубка. Но при всемъ этомъ изобиліи я терзался мыслью, что огорчилъ матушку. Сторожъ мой однажды забылъ запереть двери; я выхожу на чердакъ и слышу звуки органа. Это напомнило мнѣ, что въ этотъ день было воскресенье, и что теперь совершается въ лютеранской церкви богослуженіе.

Однако со мною случилось смѣшное приключеніе, едва не навлекшее мнѣ большихъ непріятностей. Я такъ въ три дня привыкъ къ похоронным принадлежностямъ, что мнѣ нравилось лучше носить на себѣ черную мантію, нежели сѣрый, грубый, зловонный, наполненный насѣкомыми, армякъ. Итакъ, прогуливаясь по чердаку въ черной мантіи и похоронной шляпѣ, я подошелъ къ стѣнѣ лютеранской церкви послушать органъ, прислонился спиною къ стѣнѣ, и вдругъ очутился на хорахъ. Сначала все въ церкви переполошилось и перепугалось, но кадеты узнали меня и захохотали. Я самъ перепугался. Мнѣ представлялось, что я облокотился о стѣну, а тутъ была маленькая дверь на хоры, которую я спиною и открылъ. Это происшествіе кончилось тѣмъ, что меня черезъ часъ перевели въ другую тюрьму. Здѣсь мнѣ было лучше и свободнѣе, потому что ко мнѣ впускали нѣкоторыхъ товарищей. Наконецъ, меня выпустили изъ тюрьмы, и я былъ встрѣченъ единодушнымъ восторгомъ кадетъ.

Однажды, состоя дежурнымъ по ротѣ, когда кадеты улеглись спать, а я ожидалъ только прохода главнаго рунда, чтобъ и самому лечь, вздумалъ я выкурить трубку табаку. Хожу и курю. Вдругъ слышу за собою шаги, бросаю въ испугѣ трубку въ первую кровать, но бывшій въ тотъ день главнымъ рундомъ штабсъ-

капитанъ (впослѣдствіи генералъ-адъютантъ и дядька наслѣдника престола и великаго князя Александра Николаевича) К. К. Мерперъ сердито закричалъ:

— Что вы это? Вѣдь вы сдѣлаете пожаръ!

Я былъ посаженъ подъ арестъ, но поутру честнѣйшій и благороднѣйшій Мерперъ самъ пришелъ ко мнѣ въ арестантскую и, объяснивъ безразсудство моего поступка, приказалъ выпустить меня изъ-подъ ареста.

Въ одинъ вечеръ пронесся слухъ, что производство наше въ офицеры уже подписано государемъ императоромъ. Восторгъ выпускныхъ былъ неописанный. Вся наша рота, даже и маленькіе кадеты, вздумали кричать «ура», такъ громко, что ѣхавшій въ то время куда-то въ гости генералъ Перскій, услыхавъ необычайный крикъ, воротился домой и послалъ за дежурнымъ по ротѣ. Дежурнымъ былъ я. Опасаясь какого нибудь несчастія отъ запальчивости генерала, который имѣлъ привычку своими руками бить кадетъ, я твердо рѣшился не допустить себя бить, особенно, зная о производствѣ въ офицеры.

Но думая и раздумывая, я, всетаки, долженъ былъ явиться къ директору. Едва только я вошелъ въ залъ, какъ генералъ Перскій, сверхъ ожиданія моего, ласково спросилъ меня:

— Quelle tapage on fait dans votre compagnie? Et j'en suis bien sur, que vous avez commencé ce vacarme...

Я хотѣлъ было отвѣчать, но генералъ мнѣ сказалъ порусски:

— Не отвѣчай. Я знаю, что вы радуетесь производству въ офицеры... Поздравляю!... Но усмири бѣшеный восторгъ твоихъ сотоварищей.

На другой день намъ объявили о производствѣ, сняли съ насъ мѣрки для шитья офицерскаго платья, а черезъ недѣлю нарядили насъ на смотръ генерала Перскаго. Въ прежніе годы водили вновь произведенныхъ въ офицеры кадетъ къ государю императору, но его величества не было въ то время въ Петербургѣ. Генералъ Перскій объявилъ намъ, что черезъ три дня мы будемъ присягать на вѣрность службы. Лишь только мы возвратились со смотра въ наши роты, какъ нѣкоторые изъ насъ, и, признаюсь, первый былъ я зачинщикъ, не снимая офицерскаго платья, вышли изъ корпусныхъ воротъ и отправились по своимъ домамъ. Нашему выходу никто не препятствовалъ, и генералъ Перскій, узнавъ объ этомъ, махнулъ рукою и приказалъ дать свободу выходить изъ корпуса. Мнѣ это было особенно пріятно, потому что меня цѣлый годъ не увольняли домой, и вотъ по какому случаю.

У меня былъ пріятель — юнкеръ лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка, Полетаевъ. Двоюродный братъ его, Деблицевъ, служилъ штабсъ-капитаномъ въ лейбъ-гвардіи Московскомъ полку. Я съ ними по субботамъ ходилъ ко всенощной на Ярославское подворье,

гдѣ въ то время жилъ архіепископъ Филаретъ, впослѣдствіи митрополитъ московскій. Но насъ привлекало въ церковь не великопостное служеніе архіерейское, не превосходный хоръ пѣвчихъ... Нѣтъ! Каюсь, грѣшный, чистосердечно: мы ходили смотрѣть на хорошенькихъ богомолокъ и, разумѣется, дурачились. Высокопреосвященный Филаретъ насъ замѣтилъ и, узнавъ наши фамиліи, сообщилъ о штабсъ-капитанѣ и юнкерѣ въ полки, гдѣ они служили, а обо мнѣ директору корпуса. Тѣхъ обоихъ перевели тѣмъ же чиномъ въ армейскіе полки, а меня цѣлый годъ, впредь до производства въ офицеры, не отпускали домой изъ корпуса.

Итакъ, я былъ вполнѣ счастливъ. Я почти бѣжалъ домой въ офицерскомъ платьѣ. Приходу моему матушка моя очень обрадовалась. Она плакала отъ радости, видя меня офицеромъ.

II.

Присяга и празднованіе именинъ при производствѣ въ офицеры. — Первая любовь. — Кумовство, разстроившее мечты о женитьбѣ. — Выборъ полка по билетикамъ. — Пріѣздъ въ Ярославль. — Недовольство фронтовой службой. — Архимандритъ Гавріилъ. — Командировка въ военно-офицерское училище въ Могилевѣ. — Цѣль этого учрежденія. — Удачный экзаменъ. — Неоправдавшіяся надежды. — Возвращеніе обратно въ полкъ. — Сельская школа М. А. Огарева.

Въ день моего ангела, 30-го января 1821 года, я сталъ настоящимъ офицеромъ, потому что присягнулъ на вѣрность службѣ царю и отечеству. О, сколько надежды на будущее! Какія пріятныя мечты лелѣетъ мое воображеніе! Я — гражданинъ. Я — офицеръ русской арміи. Помоги, Господи, въ новомъ періодѣ жизни.

Матушка моя праздновала мои именины и мое производство въ офицеры. У насъ были гости, и въ томъ числѣ баронесса Дистерло съ дочерью, умною, ловкою дѣвушкою, не болѣе какъ полгода выпущенною изъ Екатерининскаго института. Много было обожателей у этой прекрасной дѣвушки. Чуть ли не весь Васильевскій Островъ сходилъ съ ума отъ маленькой ножки и узкой тальи Лизы Д. Почти всѣ наши корпусные офицеры, особенно молодежь, ухаживали за нею; даже и самъ директоръ, генералъ Перскій, былъ неравнодушенъ къ васильеостровской богинѣ. Но чудно, до какой степени простирается прихоть женскаго сердца. Эта дѣвушка предъ всѣми ея обожателями и поклонниками оказывала предпочтеніе молодому человѣку, чуть-чуть еще не мальчику, короче сказать, кадету 1-го кадетскаго корпуса, мнѣ, Василію Погожеву. Почти со дня выхода ея изъ института началась между нами эта симпатія сердецъ. Мы любили другъ друга глазами, блаженствовали въ передаваемыхъ тайно письмахъ и были счастливы, встрѣчаясь по воскресеньямъ и праздникамъ въ домѣ ея подруги или у насъ. Она

учила меня танцовать, я ее училъ играть на гитарѣ. Однимъ словомъ, я мечталъ, по выходѣ изъ корпуса въ офицеры, жениться. Но эти мечты разрушила благоразумная предусмотрительность матушки моей.

Въ день моего ангела и день выпуска изъ корпуса въ офицеры, 30-го января, у нашей горничной женщины родился сынъ, котораго назвали Василіемъ. Матушка моя пожелала, чтобъ малютку окрестили въ тотъ же день. И вотъ, когда собрались у насъ гости, пришелъ священникъ, принесли купель, и матушка поставила меня кумомъ, а Елизавету Д.—кумою. Мы, ничего не зная, что̀ такое кумовство, радовались только случаю покумиться и весело стояли у купели. Но, когда обрядъ кончился, матушка моя, поздравивъ насъ, громко засмѣялась, сказавъ, что мы теперь въ духовномъ родствѣ, а потому мнѣ невозможно уже жениться на Елизаветѣ Михайловнѣ.

По успѣхамъ въ наукахъ, то-есть по классамъ, надлежало мнѣ быть выпущеннымъ изъ корпуса въ артиллерію, но мнѣ не нравился этотъ родъ службы: воображеніе рисовало мнѣ блестящіе виды въ будущности, исполненія которыхъ я не могъ ожидать, служа въ артиллеріи. Однообразная жизнь и невозможность перейти въ другой родъ службы ужасали мой вѣтренный характеръ.

На экзаменѣ я притворился незнающимъ необходимыхъ для артиллерійскаго офицера частей математики. Инспекторъ корпуса, генералъ-маіоръ Перскій, подозрѣвая меня въ притворствѣ, говорилъ мнѣ, что я послѣ буду раскаиваться въ моемъ малодушіи; но я твердъ былъ въ моемъ намѣреніи. Слова инспектора сбылись со мною. Меня изъ корпуса назначили было въ саперные офицеры, но, видя явное мое нехотѣніе, назначили въ армію.

Итакъ, надлежало мнѣ выбрать полкъ. Въ это же время корпусный поручикъ Кайгородовъ (Иванъ Ивановичъ) намѣревался перейти въ армію. Мы съ нимъ согласились служить въ одномъ полку. Однажды, когда мы вмѣстѣ съ Кайгородовымъ были на вечерѣ въ одномъ знакомомъ домѣ, дамы спрашивали насъ, въ какомъ полку мы будемъ служить. Пользуясь этимъ случаемъ, а болѣе желая пошутить, стали мы перебирать полки по названіямъ. Одна дѣвица, веселенькая, рѣзвая, только-что выпущенная изъ Смольнаго института, предложила намъ сдѣлать нѣсколько билетиковъ и, написавъ на нихъ названія полковъ, положить къ образамъ и потомъ вынуть по одному. Такъ мы и сдѣлали. Кайгородову вышелъ Астраханскій гренадерскій, а мнѣ Капорскій пѣхотный. На этомъ мы было и остановились, потому что полкъ находился въ извѣстной въ то время дивизіи Сипягина. Но гармонія слова Капорскій противна была слуху прелестныхъ ушей, и мнѣ пришла въ голову мысль избрать въ той же дивизіи Софійскій

полкъ, въ память хорошенькой Софьи, предложившей выборъ полка по билетикамъ.

Я уѣхалъ въ Софійскій пѣхотный полкъ, который квартировалъ въ г. Мологѣ Ярославской губерніи. Признаюсь, мнѣ не понравилась армейская фронтовая служба. Вставать рано на ученье; быть свидѣтелемъ жестокаго обращенія ротнаго командира, фельдфебелей и капральныхъ унтеръ-офицеровъ съ солдатами; ходить въ караулъ и дежурить — было мнѣ непріятно. Съ большимъ удовольствіемъ узналъ я, что въ Ярославлѣ находится настоятелемъ монастыря Толгской Божіей Матери, архимандритъ Гавріилъ, бывшій въ послѣднее мое время въ корпусѣ законоучителемъ. Онъ меня очень любилъ въ корпусѣ за прилежное ученіе Закона Божія, часто приглашалъ къ себѣ на чай, бесѣдовалъ со мною о священномъ писаніи. Архимандритъ очень обрадовался, увидавъ меня въ своемъ монастырѣ.

Этотъ благочестивый, умный и любезный человѣкъ такъ меня пристрастилъ къ духовному монашескому званію, что я, 20-ти лѣтъ отъ роду, желалъ постричься въ монахи. Но преосвященный со слезами уговаривалъ меня оставить это намѣреніе и служить царю и отечеству. Онъ откровенно мнѣ говорилъ о трудности монашескаго званія, взялъ съ меня честное слово не думать о монастырѣ, благословилъ на поприще службы и жизни свѣтской, и мы разстались.

Въ Мологѣ, однако, я недолго оставался: черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по прибытіи въ полкъ, меня съ нѣсколькими офицерами командировали въ г. Могилевъ на Днѣпрѣ, въ главную квартиру 1-й арміи, въ составъ вновь учреждаемаго военно-офицерскаго училища. Итакъ, снова надо было приниматься за ученіе.

Цѣль учрежденія офицерскаго училища, основаннаго начальникомъ штаба 1-й арміи барономъ Дибичемъ, была самая благодѣтельная и полезная — образовывать и подготовлять офицеровъ генеральнаго штаба. Положено было выбирать нѣсколько молодыхъ офицеровъ для усовершенствованія ихъ въ знаніи военныхъ наукъ. Курсъ наукъ должно было кончить въ два года, послѣ чего по экзамену распредѣлять такимъ образомъ: первоклассныхъ въ квартирмейстерскую часть, а второклассныхъ адъютантами къ бригаднымъ, дивизіоннымъ и корпуснымъ командирамъ. По истеченіи года баронъ Дибичъ сдѣлалъ испытаніе молодымъ офицерамъ, остался очень доволенъ успѣхами ихъ и, желая современемъ распространить офицерское училище, упрочить его методу преподаванія и имѣть, изъ числа выпускаемыхъ офицеровъ, способныхъ для преподаванія военныхъ наукъ, приказалъ выбрать изъ учащихся офицеровъ помощниковъ къ каждому преподавателю и профессору (они были по большей части штабъ-офицеры квартирмейстерской части). Эти, такъ называемые, адъюнкты или репетиторы должны были преподавать

предварительно въ нижнемъ классѣ, подъ руководствомъ самого профессора, а по убыли профессоровъ современемъ занимать ихъ мѣста. Такимъ образомъ и я назначенъ былъ адъюнктомъ къ профессору фортификаціи, инженеръ-капитану Кобелякову. Вышло, однако, совсѣмъ иначе. Въ 1823 году баронъ Дибичъ былъ вызванъ императоромъ Александромъ Павловичемъ въ Петербургъ и вступилъ въ должность начальника штаба его величества. Вмѣстѣ съ нимъ всѣ наши надежды и всѣ будущіе виды мгновенно исчезли. Генералъ-квартирмейстеръ гвардейскаго штаба, баронъ Толь, поступилъ начальникомъ штаба 1-й арміи. Хотя онъ и казался къ нашему заведенію благосклоннымъ, но мы предвидѣли разрушеніе прежнихъ предположеній. Курсъ продлился болѣе положеннаго полугодомъ. Наконецъ, назначенъ былъ экзаменъ, въ присутствіи главнокомандующаго, графа Сакена, начальника артиллеріи князя Яшвиля, начальника штаба и многихъ другихъ генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ, находящихся при главной квартирѣ. Испытаніе производилось въ продолженіе двухъ недѣль, по программѣ и по назначенію вопросовъ начальникомъ штаба. Слѣдовательно, никому нельзя было сдѣлать послабленія. При всемъ томъ офицеры отвѣчали весьма удовлетворительно, такъ что никто изъ учащихся и изъ учащихъ не ожидалъ такого успѣшнаго экзамена. Я былъ такъ увѣренъ, что буду переведенъ въ генеральный штабъ, что выписалъ уже изъ Москвы шитье на воротникъ и эксельбанты. Но «человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ».

При главной квартирѣ (1824 года) было обыкновеніе, чтобы каждый воскресный и праздничный день состоящіе при штабѣ ходили по утру съ поздравленіями къ своему генералу, у кого состояли въ вѣдѣніи, потомъ къ дежурному генералу арміи, къ начальнику штаба и, наконецъ, къ главнокомандующему. Въ слѣдующее воскресенье послѣ экзамена пришелъ я къ начальнику штаба. Здѣсь уже были: дежурный генералъ арміи, генералъ-квартирмейстеръ, начальникъ учебныхъ заведеній, директоръ госпиталей, генералъ-штабъ-докторъ, начальникъ канцеляріи главнокомандующаго, штабъ и оберъ-офицеры генеральнаго штаба, всѣ старшіе адъютанты штаба, дежурство и чиновники канцеляріи главнокомандующаго.

Спустя четверть часа вышелъ баронъ Толь. Раскланявшись со всѣми и поговоривъ съ генералами, взглянулъ онъ на меня, потомъ обратился къ генералъ-квартирмейстеру и сказалъ:

— Генералъ! Рекомендую подпоручика Погожева—это отличный офицеръ будетъ по вашей части. Другой—товарищъ его Брауншъ. Впрочемъ, еще есть нѣсколько офицеровъ, которыхъ я замѣтилъ.

Малодушіе и самолюбивое ослѣпленіе мое было столь велико, что я отъ этихъ ласкательныхъ словъ пришелъ въ такое смяте-

ніе, что едва могъ скрыть душевный восторгъ, невольно обнаружившійся на лицѣ моемъ. Я уже не помню, что послѣ того говорили, но лишь только начальникъ штаба ушелъ въ свой кабинетъ, какъ я былъ окруженъ всѣмъ находившимся въ залѣ собраніемъ. Всѣ, даже генералы, пожимали мою руку, поздравляя съ будущимъ счастьемъ.

— Вотъ, господа, такого лестнаго отзыва танцами не заслужишь,—сказалъ штабъ-докторъ Баталинъ.

Но, ахъ! всѣ блестящія мои надежды исчезли. Нѣсколько дней спустя встрѣтился я съ адъютантомъ главнокомандующаго, гвардіи капитаномъ Дмитріевымъ. Послѣ обыкновенныхъ привѣтствій онъ сказалъ мнѣ:

— А знаете ли, что надежда ваша перейти въ свиту не сбудется?

Слова эти сильно поразили меня, но я еще былъ такъ самонадѣянъ, что имѣлъ дерзость въ гордости и кичливости сказать, что скорѣе солнце совратится съ пути своего, нежели я буду служить въ армейскомъ полку. На это Дмитріевъ отвѣчалъ слѣдующимъ стихомъ Державина:

«Изрекъ—и превратился въ прахъ!»

Затѣмъ, мы разстались. На другой день получаемъ приказъ: «всѣмъ гг. офицерамъ сдать свои учебныя книги и тетради, исключая подпоручиковъ Погожева и Браунса». Изъ числа 10 человѣкъ первоклассныхъ тремъ, въ томъ числѣ и мнѣ, выданы были аттестаты объ окончаніи курса высшихъ военныхъ наукъ. Черезъ нѣсколько дней всѣ офицеры училища отправлены были въ свои полки, а мы съ Браунсомъ назначены преподавателями въ юнкерской школѣ: онъ—математики, я—словесности и россійской исторіи.

Быть всѣми уважаемому, получать двойное жалованье, хорошую квартиру, удостоиться лестнаго названія наставника юношей, наконецъ, быть въ виду первыхъ генераловъ арміи и имѣть блестящія надежды въ будущности, конечно, для каждаго должно бы казаться счастливымъ состояніемъ. Но я считалъ себя обиженнымъ, ропталъ, ссорился съ инспекторомъ юнкерской школы и просился въ полкъ. Начальникъ учебныхъ заведеній совѣтовалъ мнѣ спокойно ожидать моего перевода въ генеральный штабъ, совѣтовалъ быть терпѣливымъ, показывая представленіе меня къ наградѣ орденомъ. Но должность моя была преутомительная, и школярная жизнь мнѣ наскучила. Одинъ день я долженъ былъ преподавать въ юнкерской школѣ, а другой—давать уроки дѣтямъ начальника учебныхъ заведеній.

Здоровье мое отъ сидячей жизни разстроивалось, грудь болѣла, зрѣніе слабѣло. Я твердо рѣшился при первомъ удобномъ случаѣ отказаться отъ должности моей и ѣхать въ полкъ. Этотъ случай

скоро представился. Изъ учебнаго карабинернаго полка назначено было нѣсколько унтеръ-офицеровъ въ пѣхотные полки. По осмотрѣ ихъ главнокомандующимъ, надобно было этихъ унтеръ-офицеровъ распредѣлить по дивизіямъ. Армейскихъ офицеровъ при главной квартирѣ не было, а такъ какъ въ то время были каникулы, то насъ съ Браунсомъ и командировали. Пользуясь этою временною командировкою, я просилъ объ отправленіи меня въ полкъ и, къ удовольствію моему, получилъ на это разрѣшеніе. Итакъ, я возвратился въ полкъ, въ первобытное состояніе. Товарищи, остававшіеся въ полку, болѣе меня выиграли по службѣ: узнали въ совершенствѣ фронтовую службу; вошли въ довѣріе начальства; многіе командовали уже ротами; а что всего важнѣе, сохранили здоровье и душевное спокойствіе.

Въ 1825 году мнѣ, между прочимъ, пришлось быть свидѣтелемъ восхитительнаго зрѣлища. Съ нѣкоторыми офицерами нашего полка я былъ приглашенъ къ помѣщику Михаилу Алексѣевичу Огареву въ день рожденія жены его. По обычаю Тамбовской губерніи, какъ только гости соберутся, то карты въ руки и всѣ садятся за ломберные столы. Обыкновеніе выгодное для хозяевъ, потому что освобождаетъ ихъ отъ скучнаго этикета занимать гостей, — для тѣхъ, которыхъ умъ ограничивается вистомъ и бостономъ, и для лакеевъ дома, получающихъ по пяти рублей ассигнаціями за игру картъ, т. е. за двѣ колоды. Послѣ обѣда хозяинъ предложилъ гостямъ присутствовать при экзаменахъ въ его деревенскомъ училищѣ. Крѣпостной человѣкъ М. А. Огарева, лѣтъ 50-ти отъ роду, съ профессорской важностью вывелъ на середину зала нѣсколько мальчиковъ и дѣвочекъ, пріятной наружности и опрятно одѣтыхъ. Испытаніе началось съ Закона Божія; потомъ заставляли нѣкоторыхъ читать, иныхъ писать. Многіе изъ этихъ сельскихъ питомцевъ бѣгло рѣшали задаваемыя имъ ариеметическія задачи изъ первыхъ четырехъ правилъ, умно и скоро отвѣчали на всѣ дѣлаемые имъ вопросы. Учителемъ ихъ былъ вышесказанный крѣпостной человѣкъ. Въ заключеніе говорены были рѣчи, сочиненныя почтеннымъ наставникомъ, котораго я просилъ приказать для меня списать ихъ. И вотъ онѣ слово въ слово:

Одна дѣвочка:

«Въ сей хижинѣ живетъ
«Наукъ словесныхъ показатель,
«Не хочетъ въ землю скрыть талантъ,
«Который далъ ему Создатель».

Одинъ изъ мальчиковъ (обращаясь къ посѣтителямъ и къ господину):

«Сколь много обязаны мы вашимъ вожделѣннымъ присутствіемъ, за которое приносимъ вамъ наичувствительнѣйшую нашу признательность. А паче обязаны вамъ, милостивый господинъ нашъ, за

ученіе насъ и благодаримъ васъ, со всѣмъ любезнѣйшимъ семействомъ вашимъ, за открытіе намъ сего малаго просвѣщенія, изъ котораго мы уже научились познавать Бога, почитать государя и повиноваться господамъ нашимъ и всякой узаконенной власти».

(Обратясь къ товарищамъ):

«А вы, любезные сверстники, научитесь твердо содержать всѣ наставленія въ вашей памяти и исполнять оныя въ жизни дотолѣ, доколѣ Царь славы и Творецъ нашъ воззоветъ насъ въ ту страну, гдѣ Самъ обитаетъ».

Этимъ кончилось испытаніе. Это зрѣлище истиннаго патріотизма и отеческой любви къ своимъ крестьянамъ было пріятнѣе всѣхъ баловъ и спектаклей.

III.

Жизнь въ городѣ Моршанскѣ.—Свадьба полковаго командира.—Генералъ-адъютантъ Н. М. Сипягинъ.—Выступленіе полка изъ Моршанска.—Неудобства походной жизни. — Прибытіе въ Рязань. — Случайное приглашеніе на свадьбу. — Командировка въ Москву.

Прекрасный и, должно быть, богатый городъ Моршанскъ! Я въѣзжалъ въ него въ праздничный день. Все веселилось. Купцы и мѣщане прогуливались; иные сидѣли на скамейкахъ у воротъ своихъ домовъ. При первомъ взглядѣ узнаешь, что это торговый городъ. Чистые тротуары, красивые дома, большею частью каменные; богатыя лавки, множество народа; рѣка, покрытая барками и судами; набережная, загроможденная балаганами съ хлѣбомъ: вотъ что мнѣ представилось при въѣздѣ въ Моршанскъ. Здѣшніе купцы и мѣщане богаты, но большая часть изъ нихъ — молокане (особая секта), и живутъ скупо. Главный промыселъ моршанскихъ жителей заключается въ переторжкѣ хлѣба, сала, скота и въ отдачѣ домовъ въ наймы коммиссіонерамъ и иногороднымъ купцамъ, пріѣзжающимъ для закупки хлѣба. А потому зимою всѣ дома наполняются пріѣзжими, и квартиры бываютъ дороги. На дворахъ и на набережной строятъ большіе балаганы (шалаши) для складки хлѣба, который весною отправляется водою на баркахъ. Близъ Моршанска находится примѣчательная мельница графа Кутайсова, которая ежедневно вымалываетъ до 1.000 кулей ржи. Впрочемъ, у каждаго почти здѣшняго купца и мѣщанина имѣется своя домашняя машина, которая мелетъ лошадьми. Весною съ набережной представляется пріятный видъ на разнообразные флаги судовъ и безчисленное множество мелькающаго народа. Бурлаки, или люди, провожающіе барку, отличаются лентою на шляпѣ. Забавно видѣть ихъ, въ ожиданіи отплытія судовъ, шатающихся по городу и на все съ любопытствомъ зѣвающихъ.

Когда же бываетъ полковой разводъ на площади, то этихъ бурлаковъ толпится нѣсколько тысячъ человѣкъ. Барки отваливаютъ отъ берега съ особенною церемоніей. Сначала священникъ служитъ молебенъ, потомъ начинаются угощенія, и наконецъ, при стеченіи на берегу множества любопытныхъ зрителей, барка съ громкими и радостными криками бурлаковъ отчаливаетъ отъ берега.

Крестьяне Моршанскаго уѣзда — весьма зажиточны, особенно изобилуютъ хлѣбомъ, и многіе имѣютъ свои домашніе конскіе заводы. Избы курныя, рѣдко-рѣдко встрѣтите съ трубою; но зато во всякой избѣ можно всегда найти пиво или брагу, которая не переводится круглый годъ. Крестьяне — добры, честны, смирны, богобоязливы. Супружеская вѣрность и со стороны женъ не строго соблюдается; особенно дѣвки въ экономическихъ селеніяхъ живутъ развратно. Села большія, отъ 300 до 3.000 душъ, и многія имѣютъ по двѣ и болѣе церквей. Голова, земскій или писарь, сотскіе, десятскіе и понятые составляютъ сельскую полицію, имѣютъ свое правленіе, гдѣ каждый день бываетъ присутствіе. Порядокъ и устройство въ селахъ отличные, и на случай пожаровъ имѣются пожарные снаряды.

Общество города Моршанска было хорошее и дружелюбное. Я былъ рекомендованъ во всѣхъ лучшихъ домахъ полковымъ нашимъ адъютантомъ, моимъ пріятелемъ и товарищемъ по корпусу. Всѣ жители принимали живѣйшее участіе въ радости военныхъ, по случаю полученія монаршаго благоволенія за только что оконченные маневры, и по этому случаю были нѣсколько дней сряду балы и званые обѣды. Гостепріимство — главная отличительная черта моршанскаго общества, но для меня странно казалось видѣть въ уѣздномъ городѣ чрезмѣрную роскошь въ обѣдахъ и винахъ. Шампанское пилось, какъ квасъ. Полковой командиръ нашего полка и нѣсколько офицеровъ, въ томъ числѣ и я, приглашены были на балъ въ усадьбу генеральши Адамовичевой, гдѣ совершалось сватовство нашего полковника. Мѣстоположеніе села Рыбнаго—прелестное; господскій домъ и садъ въ изящномъ вкусѣ; комнаты великолѣпно убраны, и во всемъ видно было изобиліе и даже роскошь. Нигдѣ не видалъ я такого порядка, какъ въ домѣ генеральши Адамовичевой. Какіе ловкіе и благовидные лакеи! Какъ они внимательны, услужливы и вѣжливы! Кажется, какъ будто угадываютъ желанія по глазамъ каждаго гостя. Балъ былъ великолѣпнѣйшій. Вездѣ видно было непритворное удовольствіе и веселость. Сельская простота и непринужденность отличали его отъ шумныхъ, тѣсныхъ столичныхъ баловъ и собраній. Черезъ нѣсколько дней послѣ бала, госпожа Адамовичева съ дочерью переѣхала въ городъ. Въ день дѣвичника былъ обѣдъ для мужчинъ у полковника. Послѣ обѣда шаферы пошли въ домъ невѣсты укладывать приданое, а какъ я въ этотъ день тоже обѣдалъ у пол-

ковника, то и мнѣ онъ предложилъ идти туда же. Въ 5 часовъ послѣ обѣда мы отправились въ домъ невѣсты, гдѣ уже были многія городскія барышни. По всѣмъ комнатамъ разложено было на столахъ богатое и блестящее приданое. Начали все укладывать въ большіе кованые и обитые краснымъ сафьяномъ сундуки, а серебро и прочія вещи на серебряные подносы. Приданое перевозилось въ домъ жениха на дрогахъ, покрытыхъ персидскими коврами и запряженныхъ въ четыре лошади цугомъ, съ форейторомъ. Около дрогъ и лошадей шли по четыре лакея въ красныхъ ливреяхъ. За этою процессіею ѣхала парадная карета, въ которой сидѣла горничная невѣсты съ ключами отъ приданаго на золотомъ блюдѣ. Въ 7 часовъ вечера гости, со стороны невѣсты и жениха, выѣхали на набережную. Здѣсь на водѣ спущенъ былъ великолѣпный и блестящій фейерверкъ. По возвращеніи въ домъ невѣсты, хоръ пѣвчихъ и полковая музыка встрѣтили жениха и невѣсту, которые открыли балъ, продолжавшійся почти до утра. Свадьба была сыграна безъ особенной пышности. Посаженнымъ отцемъ былъ начальникъ 6-й дивизіи генералъ-адъютантъ Н. М. Сипягинъ, а матерью—княгиня Голицына. Былъ хорошій ужинъ, шампанское лилось въ изобиліи, и только танцевъ не было. На третій день послѣ свадьбы новобрачные давали балъ. Время пролетѣло весело и незамѣтно. Я полагалъ, что мы только часа три танцовали, но на другой день ноги мои напомнили мнѣ этотъ балъ.

Гдѣ я былъ? Не въ странѣ ли волшебной? Не въ области ли духовъ?—спрашивалъ я самъ себя, возвратясь съ бала дивизіоннаго нашего командира. Предметы были столь поразительны, что я все считалъ за сонъ... Я обвороженъ, восхищенъ и теряюсь въ мысляхъ...

Вечеромъ въ день бала домъ дивизіоннаго командира былъ блестяще иллюминованъ. У подъѣзда стояли жандармы; трубачи давали сигналъ трубою, когда кто пріѣзжалъ. По этому знаку адъютанты генерала встрѣчали гостей и провожали въ гостиную. Генералъ со всѣми былъ такъ вѣжливъ, такъ внимателенъ, что восхитилъ собою всѣхъ. Залъ освѣщенъ былъ, въ полномъ смыслѣ слова, блестяще и блистательно; стѣны украшены были жалонерскими разноцвѣтными значками, киверами, тесаками, ружейными штыками, что̀ дѣлало вмѣстѣ съ освѣщеніемъ великолѣпнѣйшій видъ. Генералъ танцовалъ со всѣми дамами польскій и былъ душею всего собранія. За ужиномъ самъ хозяинъ не садился за столъ, но безпрестанно потчевалъ всѣхъ. Послѣ ужина танцы продолжались. Генералъ былъ въ такомъ веселомъ расположеніи духа, что танцовалъ гроссъ-фатеръ и вальсировалъ съ молодою нашею полковницею.

Вѣчная память добрѣйшему, умнѣйшему, благороднѣйшему и любезнѣйшему Николаю Мартьяновичу Сипягину! Это былъ на-

чальникъ благоразумный, умѣвшій кротко и деликатно образовывать молодыхъ офицеровъ, и даже исправлялъ строптивыхъ и порочныхъ. Зато, во время командованія дивизіею генералъ-адъютанта Сипягина, 6-я пѣхотная дивизія была въ родѣ гвардейской, особенно полки Невскій, Софійскій и Нарвскій.

Вотъ одинъ изъ случаевъ, доказывающихъ деликатность и умъ генерала Сипягина. Однажды, когда я являлся генералу въ ординарцы, замѣтилъ онъ у меня высунувшійся сверхъ мундирнаго воротника воротничекъ цвѣтнаго жилета. Генералъ проситъ меня разстегнуть мундиръ, похвалилъ цвѣтъ и доброту матеріи жилета, спросилъ съ сардоническою улыбкою, гдѣ и почемъ покупалъ я эту матерію, присовокупляя, что и онъ бы себѣ сдѣлалъ такую же жилетку, еслибъ военнымъ не было запрещено носить цвѣтныя жилетки. Я стоялъ какъ бы на раскаленномъ желѣзѣ, и это насмѣшливое замѣчаніе начальника такъ сильно подѣйствовало на меня, что я сдѣлался исправнѣе по службѣ и аккуратнѣе въ соблюденіи формы.

Маршанское дворянство наперерывъ другъ передъ другомъ старалось отличиться балами. Два мѣсяца протекли такъ скоро, что я въ вихрѣ свѣтскихъ удовольствій не замѣчалъ полета времени. Но и городскимъ жителямъ, и пріѣхавшимъ изъ деревень помѣщикамъ разсѣянная жизнь наскучила. Все шумное исчезло, и прежній порядокъ въ жизни возобновился. Бывали тихіе и скромные вечера съ полковою музыкою, на которыхъ молодежь вертѣлась; бывали каждый день катанья по городу, и опять всѣ принялись за вистъ. Трудно повѣритъ, чтобы въ уѣздномъ городѣ выходило картъ въ годъ на сумму до 10-ти тысячъ рублей ассигнаціями. Но это мною вѣрно вычислено.

Вскорѣ намъ пришлось проститься съ Моршанскомъ. Въ день выступленія, почти съ разсвѣтомъ, барабанный бой съ воинственными звуками сигнальныхъ рожковъ и музыки возвѣстилъ о времени выступленія въ походъ. Когда весь полкъ собрался на площади противъ собора, полковой священникъ при знаменахъ отслужилъ молебенъ, по окончаніи котораго штабъ и оберъ-офицеры подходили къ кресту, нижнихъ же чиновъ священникъ окроплялъ святою водою, ходя по рядамъ. Оставалось только барабанамъ ударить фельдмаршъ, но полковой командиръ, обратясь къ батальоннымъ колоннамъ, сказалъ:

— Граждане моршанскіе благодарятъ насъ за дружелюбное и спокойное квартированіе и просятъ выпить по чаркѣ водки.

Эти слова произвели пріятное волненіе между рядами солдатъ и всеобщее удовольствіе. Въ одну минуту ружья составлены были въ козлы, ранцы сняты, впереди явились столы съ калачами, привезена сороковая бочка вина, и началась распивка отъ чистаго сердца.

Офицерамъ также приготовлена была закуска, и когда бокалы наполнились шампанскимъ, то первый тостъ провозглашенъ былъ, при радостныхъ восклицаніяхъ солдатъ, за дравіе государя императора и его августѣйшаго семейства. Потомъ городской голова громогласно сказалъ: «за здоровье Софійскаго пѣхотнаго полка!» — а мы обратно отблагодарили тостомъ за здоровье моршанскихъ жителей.

Городничій, уѣздный судья, исправникъ, чиновники и проживающіе въ городѣ дворяне были при этомъ угощеніи. Многія дамы удостоили своимъ присутствіемъ наше прощанье съ городомъ, нѣкоторыя изъ нихъ тайкомъ утирали невольно катившіяся изъ глазъ слезы. Но вотъ пиръ кончился; полкъ собрался въ путь и проходилъ черезъ городъ съ церемонію, то-есть съ музыкою.

— Простите, прощайте,—попеременно раздавалось во взводахъ.

Начало похода было весьма непріятно. Грязь была несносная, такъ что даже солдаты съ трудомъ вытаскивали ноги и не шли, а, лучше сказать, плыли. Погода была самая непостоянная и обманчивая, впрочемъ такъ и должно было быть въ апрѣлѣ мѣсяцѣ. Поперемѣнно то шелъ дождь, то градъ, то снѣгъ, то вдругъ на нѣсколько минутъ дѣлалось ясно.

Такъ добрались мы до Рязанской губерніи, гдѣ я получилъ назначеніе принять уроки для полка по шоссейной дорогѣ. Это меня обязывало ѣхать въ Москву, что̀ я принялъ съ восторгомъ. Въ Москвѣ я во очію долженъ былъ убѣдиться, что 13 лѣтъ, протекшія послѣ ухода французовъ, еще не уничтожили слѣдовъ пожара и разоренія.

IV.

Большой Петровскій театръ.—Неудачный дебютъ Молинари. — Сильное впечатлѣніе, произведенное на меня драмой «Отецъ и дочь».—В. В. Самойловъ.—Мои родные.—Нравы и обычаи Москвы.—Свѣтская жизнь.—Церкви и монастыри.—Зашнурованныя монахини.—Даниловскій монастырь.—Русскій аббатъ.—Анекдотъ объ Офросимовой. — Праздничныя катанія. — Загородныя гулянья, бульвары и сады.—Отъѣздъ изъ Москвы.

На другой день моего пріѣзда въ Москву, былъ я въ театрѣ. Большой Петровскій театръ есть одно изъ зданій, украшающихъ Москву и удивляющихъ каждаго своею смѣлою архитектурою. Передній фасадъ выходитъ на площадь, и верхній барельефъ изображаетъ колесницу, запряженную четырьмя лошадьми, которыми правитъ Аполлонъ. Внутри театра отдѣлка изящная; ложи висячія, въ четыре яруса. Этотъ театръ болѣе Петербургскаго, но жаль, что внутри не соблюдена акустика, отчего не вездѣ хорошо слышно произносимое на сценѣ. Играли, или, какъ говорится театральнымъ

языкомъ, давали трагедію «Танкредъ» и водевиль «Человѣкъ въ тридцать тысячъ». Въ трагедіи въ первый разъ дебютировала въ роли Аменаиды дѣвица Молинари, дочь извѣстнаго петербургскаго кондитера. Игра ея вообще не понравилась зрителямъ. Слабый голосъ, принужденная мимика и дикція, изысканныя жестикуляціи дѣлали ее весьма смѣшною. Въ одномъ концѣ театра зрители начинали со смѣхомъ аплодировать, въ другомъ шикали. Актеры смѣшались и старались скорѣе окончить пьесу, и, признаюсь, что если бы не поддерживала ихъ игра Мочалова, то произошелъ бы удивительный безпорядокъ. По окончаніи пьесы начали вызывать Молинари на сцену. Долго она не выходила, но стукъ креселъ и палокъ, топанье ногъ и крики зрителей наконецъ принудили ее показаться. Едва выступила она на авансцену, вмѣсто восторженнаго крика браво раздались шиканье и свистъ. Въ водевилѣ «Человѣкъ въ тридцать тысячъ, или находка хуже потери» Щепкинъ игралъ превосходно. Вотъ это актеръ по призванью, а не по ремеслу. Другія дѣйствующія лица были сносны. Вообще о Московскомъ театрѣ можно сказать, что на немъ комедіи, водевили и балеты въ хорошемъ состояніи, особенно балеты въ совершенствѣ, но опера въ упадкѣ.

На слѣдующій день былъ я чрезвычайно разстроенъ. Я опять былъ въ театрѣ. Давали оперу «Отецъ и дочь», передѣланную изъ романа Сесильи. Авторъ вывелъ на сцену несчастнаго отца, который сошелъ съ ума отъ побѣга дочери съ молодымъ офицеромъ. Сумасшествіе отца доходитъ до бѣшенства; онъ содержится въ сумасшедшемъ домѣ, откуда бѣжалъ въ лѣсъ, разорвавъ цѣпи. Его преслѣдуютъ; громъ, молнія и потоки дождя свирѣпствовали въ природѣ. Безумный скрывается въ лѣсу. Люди, посланные за нимъ въ погоню, послѣ тщетныхъ поисковъ возвращаются. Въ это же самое время молодая женщина съ ребенкомъ тоже была застигнута бурею въ лѣсу. Она встрѣчается съ безумнымъ; блѣдное лицо его, мрачный и дикій взоръ, безпорядокъ въ платьѣ, остатокъ цѣпей на рукахъ, приводятъ эту женщину въ ужасъ. Она всматривается въ лице безумнаго и содрогается. Лице ея выражаетъ страхъ, ужасъ и отчаяніе... Хочетъ приблизиться къ нему, но онъ, скрежеща зубами, кричитъ ей: «Прочь, прочь! Я не люблю дѣтей! Я не люблю дѣтей!» Ребенокъ на рукахъ матери заплакалъ; мать скрываетъ его за деревомъ; сама съ трепетомъ во всѣхъ членахъ подходитъ къ сумасшедшему и узнаетъ въ немъ злополучнаго отца своего. То была преступная дочь, которая, будучи брошена своимъ соблазнителемъ, скиталась по свѣту съ плодомъ порочной любви своей. Сцена между отцемъ и дочерью была претрогательная. Онъ не узнавалъ ея, но, казалось, голосъ природы вѣщалъ въ душѣ его, что это дочь его. Онъ то невольно призывалъ ее къ себѣ, то опять отвергалъ, говоря: «Нѣтъ, нѣтъ у меня дочери! Она бросила

меня... Она подарила мнѣ эти цѣпи... Нѣтъ, она умерла!» —сказалъ онъ, заплакавъ и закрывъ лице свое руками. Роль отца игралъ Василій Васильевичъ Самойловъ, артистъ С.-Петербургскаго театра. Его мелодичный голосъ въ пѣніи, естественная игра произвели сильное волненіе въ душѣ моей. Я сострадалъ несчастному отцу и до того забылся, что плакалъ, горько плакалъ, едва удерживая рыдавія. Хорошо еще, что кресло мое было въ самомъ углу, и близъ меня никто не сидѣлъ, а то бы я обратилъ на себя непріятное вниманіе и даже, можетъ быть, вызвалъ бы насмѣшки. И, дѣйствительно, странно въ нашъ эгоистическій вѣкъ видѣть въ театрѣ плачущаго молодаго офицера.

Вотъ развязка этой пьесы. Злополучный старецъ перевезенъ въ свой домъ, и докторъ приказалъ, чтобъ въ саду, гдѣ онъ по утрамъ прогуливался, былъ прежній порядокъ. Безумный ходитъ по саду, и каждый кустъ, каждое дерево, каждая скамейка дѣлаетъ потрясеніе въ его нервахъ. Управительница приноситъ ему обыкновенный его утренній завтракъ; онъ удивляется, не вѣритъ самъ себѣ и спрашиваетъ, что̀ все это значитъ. Ему отвѣчаютъ, что все попрежнему, и что дочь его въ бесѣдкѣ своей поетъ его любимый романсъ. Звуки голоса доходятъ до него; онъ спѣшитъ къ бесѣдкѣ, расположенной по ту сторону пруда; всходитъ на мостъ, и люди по приказанію доктора бросаютъ больнаго въ воду... Потомъ вытаскиваютъ, и жестокое потрясеніе всего его физическаго состава, произведенное испугомъ и дѣйствіемъ воды, вмѣстѣ съ возвращеніемъ чувствъ, возвращаетъ ему разсудокъ.

Не смѣю ничего сказать въ похвалу г. Самойлова, слова мои будутъ недостаточны и слабы. Но я бы хотѣлъ постоянно слышать его голосъ, трогающій струны моего сердца, какъ бы кто игралъ на немъ или въ немъ, какъ по клавишамъ фортепьяно. Послѣ оперы данъ былъ дивертисментъ. Танцовщицы восхитительны; но, признаюсь, для меня кажутся нѣкоторыя позиціи современной Терпсихоры весьма соблазнительными; я полагаю, что у древнихъ она была скромнѣе.

Изъ моей жизни въ Москвѣ я вынесъ впечатлѣніе, что ея жители вообще скучны и чѣмъ-то недовольны. Улицы узки и грязны, мостовая избита и въ рытвинахъ, тротуаровъ почти нигдѣ нѣтъ. Однимъ словомъ, Москва мнѣ показалась большимъ селомъ съ барскими усадьбами. Высшій слой общества замѣтно теряетъ русскую національность; гостепріимство и русское хлѣбосольство постепенно исчезаютъ. Но скажите, пожалуйста, отчего Москва угрюма и скучна. Отчего даже въ театрахъ и другихъ увеселеніяхъ видимъ горькую улыбку и принужденную веселость? И народные хороводы, и русская пляска, и кулачные бои уменьшились и измѣняются противъ прежняго. Бывало на святкахъ гадали дѣвицы и вдовицы о женихахъ, подслушивая на улицѣ говоръ проходящихъ, спраши-

вая имена проходящихъ, садясь передъ зеркаломъ и т. п. Бывало, молодежь пѣла подблюдныя пѣсни, хоронила золото, играла въ веревочку съ колечкомъ, въ «сижу-посижу», мостила мостъ и т. п. А теперь всѣ чинны, всѣ важны, всѣ стараются скрывать себя, простодушіе и чистосердечіе улетѣли за «тридевять земель; въ тридесятое царство». Всѣ стараются обмануть другъ друга. Просвѣщеніе дало понятіе о комфортѣ жизни, и вотъ семейные люди начали жить сверхъ своего состоянія, а для этого надобно было изыскивать средства и способы, полупозволительные или даже беззаконные. Воспитаніе сыновей началось уже не для семейнаго счастія, а по новой методѣ пристроить сына. Дочерей стали образовывать подобно тому, какъ въ магазинахъ или мастерскихъ полируютъ стальныя или посеребренныя вещи. Амуръ снялъ повязку съ глазъ и сталъ уже смотрѣть, какъ говорится, въ оба, но смотрѣть и разсматривать не сердце и достоинства, а приданое и другіе матеріальные предметы. Начался торгъ сердцами и глазами. Грустно, право, становится, грустно видѣть современное просвѣщеніе и ложное образованіе.

— Какъ проводите вы въ Москвѣ лѣто?—спросилъ я при встрѣчѣ съ однокашникомъ моимъ, вышедшимъ въ отставку и живущимъ въ Москвѣ.

— По утрамъ бродимъ или толкаемся по городу [1]),— отвѣчалъ онъ,—потомъ гуляемъ по Александровскому саду, ѣздимъ въ театръ или въ Марьину рощу, или въ Сокольники, или на Воробьевы горы. Впрочемъ, лучшія семейства выѣзжаютъ въ подмосковныя деревни. А зимою все, что современное просвѣщеніе, роскошь и праздность могли придумать, все у нихъ въ Москвѣ въ употребленіи и составило искусство или науку, подъ названіемъ savoir vivre и égorger le temps. Утренніе визиты, званые и запросто обѣды, вечера, балы, собранія, театры и маскарады—вотъ времяпрепровожденіе лучшаго типа московскихъ людей и пріѣзжающихъ изъ деревень, съ супругами и дочками, съ тугонабитыми бумажниками и кошельками.

Прибавлю къ этому и мои наблюденія. Французскій языкъ въ большомъ употребленіи и, кажется, послѣ 1812 года распространился еще болѣе. Въ настоящее время, кто не говоритъ пофранцузски, долженъ отказаться отъ знакомства съ такъ называемымъ высшимъ обществомъ или тонными дамами. Молодой человѣкъ, желающій быть принятымъ въ большомъ свѣтѣ, необходимо долженъ имѣть слѣдующія качества: говорить пофранцузски, танцовать, знать хотя по названіямъ сочиненія новѣйшихъ авторовъ, судить о ихъ достоинствѣ, порицать старыхъ и все старое, разбирать играемыя на театрахъ піесы, умѣть завести споръ о му-

[1]) Городъ въ Москвѣ—значитъ «Гостиный дворъ».

зыкѣ, сѣсть за фортепіано и взять небрежно нѣсколько аккордовъ, или сыграть что нибудь затверженное или промурлыкать романсъ или арію; знать наизусть нѣсколько стишковъ любимаго дамами или моднаго современнаго поэта. Но главнѣе всего—это играть въ карты по большой и быть одѣтымъ по модѣ. Кто имѣетъ всѣ эти достоинства, тотъ можетъ съ честью явиться на сцену моднаго свѣта. Нынѣ не спрашиваютъ, есть ли у такого франта душа, а сколько именно душъ? Никто не хочетъ знать, откуда г. N. N. беретъ деньги на карточную игру и на прочія модныя жизненныя потребности. Все равно; старинное правило—не все то золото, что блеститъ—обратилось въ слѣдующую аксіому, или, лучше сказать, гипотезу: что блеститъ, то и золото. Посредствомъ картъ можно удобнѣе всего втереться въ богатый или знатный домъ, составить связи, знакомство даже съ вельможами и, составляя партіи въ карты, самому составить выгодную партію.

Пѣвчіе въ Шереметьевской больницѣ привлекаютъ въ церковь много богомольцевъ. Сюда простого народа не пускаютъ. Церкви Голицинской больницы, Коммерческаго училища, прихода Василія Блаженнаго, Вознесенія Господня, Всѣхъ Скорбящихъ Божьей Матери и Никиты Мученика наиболѣе посѣщаются высшимъ обществомъ. Вознесенскій и Алексѣевскій монастыри посѣщаются также; но мнѣ удивительнымъ показалось видѣть въ Алексѣевскомъ монастырѣ монахинь зашнурованными. Въ Даниловскій монастырь съѣзжается также много, особенно молодыхъ барынь, миленькихъ вдовушекъ и барышень. А для чего особенно? Вотъ для чего. Здѣсь есть молодой, красивый собою монахъ, постриженный въ это званіе изъ купцовъ. Всѣ желаютъ посмотрѣть на него, полюбоваться имъ. Его называютъ русскимъ аббатомъ. О, просвѣщеніе! О, времена!

Старушка Офросимова играетъ весьма значительную роль на сценѣ московскаго большого свѣта. Судитъ, рядитъ, поправляетъ всѣхъ, даетъ законы общежитія и нарядовъ, и все послушно ей и покорно. Но бывали случаи, что иные дерзали возставать противъ ея деспотизма. Такъ, напримѣръ, въ одномъ многолюдномъ и блестящемъ обществѣ г-жа Офросимова вздумала за что-то одному изъ модныхъ московскихъ франтовъ, извѣстному петиметру Асташевскому, дѣлать замѣчанія, но онъ осмѣлился рѣзко ей возразить. Тогда она сказала ему:

— Ахъ, батюшка, вишь какъ разсвирѣпѣлъ! Пожалуйста, не съѣшь меня.

— Будьте спокойны,—хладнокровно отвѣчалъ Асташевскій,—милостивая государыня, я—магометанинъ.

Большая часть гуляній происходитъ близъ монастырей. Въ старину всѣ гулянья сопровождались богомольемъ; и нынѣ любимѣйшее гулянье москвичей—это путешествія пѣшкомъ или въ эки-

пажѣ въ Троицко-Сергіевскую лавру. Наканунѣ Вербнаго Воскресенія бываетъ гулянье въ Кремлѣ. Въ этотъ день появляется новая мода на экипажи, лошадей, сбрую и ливрею лакеевъ, или, лучше сказать, возобновляется старое. Старинныя дамы ѣздятъ въ большихъ старомодныхъ, четверомѣстныхъ каретахъ, набитыхъ воспитанницами и моськами. Безчисленные ряды разныхъ новомодныхъ и старинныхъ каретъ, линеекъ, дрожекъ, колясокъ, телѣжекъ, съ утра до вечера двигаются около рядовъ «города». Подъ видомъ, чтобъ доставить дѣтямъ удовольствіе видѣть вербы и разныя игрушки, московскія и пріѣзжія изъ деревень барыни возятъ показывать свой живой товаръ, дочекъ-дѣвицъ. Въ праздникъ Пасхи цѣлую недѣлю народъ толпится подъ Новинскимъ, и тоже разные экипажи двигаются въ линіяхъ, соблюдаемыхъ полиціею. Какъ бы по мановенію волшебнаго жезла строятся лубочные театры и наполняются львами, тиграми, прыгунами на веревкѣ, ѣздоками, фокусниками и другими искусниками. На качеляхъ любители то возносятся горѣ, то спускаются долу. Эмблема жизни нашей! Спѣшимъ подняться вверхъ, — спускаемся и возвышаемся, и вновь падаемъ. Устроены деревянныя лошадки и колясочки. Карусели тоже изображеніе жизни человѣческой: вертимся по свѣту и опять возвращаемся на то же мѣсто, откуда отправились въ путь... Изъ земли взяты, въ землю и обратимся. Не одни маленькія дѣти катаются на каруселяхъ: я видѣлъ много взрослыхъ мужей, даже и стариковъ, съ сѣдыми бородами, съ веселымъ видомъ садящихся на деревянныхъ коней. Гулянья въ селѣ Всесвятскомъ, въ Петровскомъ паркѣ, въ Марьиной рощѣ, въ Сокольникахъ, на Воробьевыхъ горахъ, отличаются тѣмъ, что гуляющіе, возвращаясь въ Москву, особенно купечество, украшаютъ экипажи свои, лошадей и кучеровъ зеленью и цвѣтами. Страсть къ загороднымъ гуляньямъ у московскихъ жителей чрезмѣрная. Не только дворяне и богатые купцы нанимаютъ для себя лѣтнія квартиры (дачи), но и ремесленники съ женами и семействами отправляются за заставу обѣдать и дышать чистымъ воздухомъ. Это обыкновеніе весьма полезно, потому что воздухъ лѣтомъ бываетъ тяжелъ въ такомъ многолюдномъ городѣ, и надобно полагать, что какое-то особенное физическое чувство невольно влечетъ каждаго за городъ.

До нашествія французовъ, то-есть до 1812 года, гулянье на Прѣсненскихъ прудахъ было весьма многолюдно; съ тѣхъ же поръ, какъ устроенъ Александровскій садъ, здѣсь болѣе гуляющихъ. Садъ Нескучный обыкновенно посѣщается московскою публикою по воскресеньямъ, но Корсаковъ садъ приманиваетъ къ себѣ болѣе гуляющихъ. Въ обоихъ этихъ садахъ по воскресеньямъ играютъ въ разныхъ мѣстахъ оркестры музыки, пускаютъ фейерверкъ или воздушный шаръ. Въ Корсаковомъ саду фейерверкъ изображаетъ

какое либо огненное представленіе, какъ, напримѣръ, морское или воздушное сраженіе и т. п. Садъ Лафертовскій запущенъ, и мало въ немъ бываетъ гуляющихъ, кромѣ купечества и страстныхъ любовниковъ, скрывающихся отъ глазъ любопытной публики на островкахъ, подъ тѣнью густыхъ деревьевъ. Перова роща привлекаетъ къ себѣ много народа; она недавно сдѣлалась мѣстомъ публичнаго гулянья. Здѣсь по воскресеньямъ бываетъ звѣриная травля. На нѣмецкое кладбище по воскресеньямъ иностранцы пріѣзжаютъ обѣдать, пить кофе и чай. Это гулянье должно быть самое пріятное, потому что можно, восхищаясь природою, удаляясь отъ мірскаго шума, бесѣдовать на гробахъ родителей, супругъ и дѣтей. Здѣсь мысль о смерти и вѣчности дѣлаетъ человѣка возвышеннѣе духомъ и утишаетъ порывы страстей. Бульвары Тверской, Никитскій и Мясницкій посѣщаются болѣе по воскресеньямъ, и то весьма неохотно и мало. Тяжело мнѣ было разставаться съ Москвою и приниматься за службу, то-есть принимать отъ инженернаго офицера путей сообщенія поручика Кашперова уроки работы шоссе для нашего полка и наблюдать за производствомъ работъ.

V.

Село Ржевки.—Вторичная поѣздка въ Москву.—Непріятное приключеніе.—Домашній театръ въ усадьбѣ сенатора Постникова.—Новыя знакомства.—Деревенскія празднества.—Шарады.

Я познакомился съ помѣщицей генеральшей К. Дама лѣтъ 40, ловкая и свѣтская, живетъ открыто и, какъ замѣтно, старается выдать замужъ племянницу свою, 20-тилѣтнюю англичанку. Въ первой молодости генеральши, домъ ея былъ мѣстомъ собранія иностранцевъ, и одинъ изъ нихъ оставилъ на материнское попеченіе дочь свою—прелестную Фанни. Здѣсь полковникъ нашъ съ молодою женою и тещею и нѣсколько молодыхъ офицеровъ, въ томъ числѣ и я, бывали каждое воскресенье. Обѣдали, прогуливались по саду, по рощицамъ въ родѣ англійскихъ парковъ, бѣгали, рѣзвились, вечеромъ шли въ бесѣдку или на балконъ пить чай; потомъ танцовали и далеко за полночь возвращались домой. Въ будніе дни каждый вечеръ у полковника передъ окномъ играла полковая музыка. Мы съ семействомъ его прохаживались, слушали съ удовольствіемъ занимательные разсказы генеральши Адамовичевой и иногда восхищались пѣніемъ и игрою на фортепіано 17-ти-лѣтней хорошенькой полковницы нашей. Два мѣсяца такимъ порядкомъ прошли незамѣтно. Время, назначенное для работъ, кончилось; полкъ отправлялся въ Звенигородскій уѣздъ на отдыхъ, а я отпросился въ Москву. Нашего полка маіоръ Лялинъ

пригласилъ меня ѣхать съ нимъ въ его коляскѣ. Въ Москвѣ провелъ я время въ полномъ упоеніи, но въ день моего отъѣзда изъ Москвы случилось со мною не совсѣмъ пріятное происшествіе. Я собирался выѣхать по утру, но меня удержали обѣдать. Какъ не остаться, когда миленькія тетушки и кузины просятъ, даже приказываютъ. Послѣ обѣда лошади были поданы, и я распростился, но какая-то непостижимая сила удерживала меня и вынудила согласиться на приглашеніе остаться пить чай. Итакъ я приказалъ солдату, бывшему со мной (деньщикъ мой, незадолго до поѣздки моей въ Москву, убѣжалъ, обокравъ меня), закупивъ кое-что, дожидаться меня съ лошадьми у заставы. Наконецъ, часовая стрѣлка напомнила мнѣ, что уже время ѣхать. Прощаюсь, беру извозчика и ѣду къ заставѣ, но лошадей тамъ не нахожу. Я бросался отъ одной заставы къ другой, но нигдѣ не нахожу солдата съ лошадьми. Жестоко раздосадованный, заѣзжаю къ родственникамъ моимъ Соколовымъ, гдѣ нахожу всю ту компанію, которую часа за два передъ симъ оставилъ. Солдатъ возвратился поздно вечеромъ въ тотъ домъ, гдѣ я обыкновенно останавливался Оказалось, что онъ, не зная Москвы, заблудился, какъ онъ говорилъ, и, долго плутавъ, рѣшился опять возвратиться туда, откуда выѣхалъ. На другой день рано по утру я отправился изъ Москвы и по дорогѣ заѣхалъ къ маіору Лялину.

— А, кстати, пріѣхалъ,—сказалъ онъ мнѣ,—завтра у насъ въ сосѣдствѣ балъ. Я уже въ томъ домѣ знакомъ, мы поѣдемъ вмѣстѣ, и я тебя представлю.

Мнѣ очень не хотѣлось туда ѣхать, потому что надобно было поспѣшить явиться къ полковнику, тѣмъ болѣе, что я уже просрочилъ нѣсколько дней. Но всѣ эти затрудненія почтенный мой маіоръ уничтожилъ тѣмъ, что самъ на другой день обѣщался со мною ѣхать въ штабъ полка, а оттуда на обѣдъ и балъ вмѣстѣ со мною къ сенатору Постникову. Усадьба сенатора Постникова отъ города Звенигорода въ шести верстахъ. Въ часъ по полудни мы съ маіоромъ туда и отправились. Здѣсь нашли мы уже много гостей какъ изъ окрестностей, такъ и изъ Москвы. Хозяйка, женщина лѣтъ тридцати-пяти, разливала удовольствіе на все окружающее своею московскою болтливостью и французскою любезностью. Каламбуры сыпались со всѣхъ сторонъ. Въ этотъ день любезная сенаторша была именинница. Крестьяне съ семействами пришли поздравить госпожу свою, но у барыни была мигрень, почему она и опасалась въ ясный день 22-го іюля выйдти на балконъ отблагодарить добрыхъ крестьянъ за ихъ усердіе, а вмѣсто себя выслала французскаго учителя отпустить ихъ. Этотъ «французикъ изъ Бордо» съ важностью вышелъ на балконъ, объявилъ имъ, что барыня нездорова, сама не можетъ къ нимъ выйдти, но приказала ихъ благодарить. Добродушные поселяне не хотѣли

отойти отъ балкона, не увидавъ госпожи своей. Тогда французъ, ami de la maison, съ ироническою улыбкою, къ утѣшенію ихъ, сказалъ имъ пофранцузски:

— Retirez vous, coquins!

Близъ его стоявшіе полурусскіе громко захохотали и вынудили поселянъ отойти отъ балкона. Мнѣ показалось весьма оскорбительно, чтобъ какой либо, можетъ быть, бѣглецъ или преступникъ, избѣжавшій законовъ правосудія, такъ называлъ честныхъ, добрыхъ и трудолюбивыхъ русскихъ крестьянъ, снискивающихъ въ потѣ лица своего пропитаніе тщеславной барынѣ своей. Это меня такъ разстроило, что впродолженіе всего обѣда я сидѣлъ, какъ говорится, повѣсивши носъ. По окончаніи обѣда пошелъ я въ садъ, но едва прошелъ одну аллею, какъ услышалъ звонкій голосъ г-жи сенаторши, приглашающій въ театръ.

Итакъ, подавивъ въ самомъ себѣ чувство негодованія, произведенное во мнѣ наглымъ французомъ, побрелъ и я вслѣдъ за другими. Насъ привели въ сарай, откуда всѣ экипажи были вывезены; на одномъ концѣ сарая сдѣлана была сцена съ каррикатурной занавѣсью, а противъ этой сцены поставлены были кресла и стулья для зрителей.

Играли трагедію «Эсѳиръ» на французскомъ языкѣ. Роль Эсѳири исполнена была превосходно дѣвицею Кокошкиною, дочерью директора Московскаго театра. Ея костюмъ, голосъ, мимика, однимъ словомъ, все соотвѣтствовало плѣнительной ея наружности. Самая даже природа положила на лицѣ ея отпечатокъ меланхоліи. Прочія дѣйствующія лица представляли изъ себя болѣе комическаго, нежели трагическаго. Царь (французскій учитель) не зналъ наизусть своей роли; тѣлохранители и придворные шептали, а не декламировали свои роли, и при всей важности піесы, разсмѣшенные суфлеромъ-барышнею, не могли удерживаться отъ смѣха. Царскій министръ Артабай (нѣмецкій учитель) болѣе походилъ на пьянаго жида.

За трагедіею послѣдовала комедія «Новый Стернъ, или сентиментальный путешественникъ». Стернъ (учитель рисованія) на сценѣ былъ весьма смѣшонъ не по роли его, но по фигурѣ и неловкости. Онъ говорилъ отрывисто, съ замѣшательствомъ, и всѣ движенія его были не кстати. Роль слуги игралъ племянникъ Постниковыхъ, г. Копьевъ, и очень удачно. Роль маіора Сумина опять игралъ французскій учитель, и очень странно было слышать, чтобъ Суминъ, старый русскій маіоръ и патріотъ, худо говорилъ порусски.

Послѣ спектакля гости возвратились въ домъ пить чай. Молодежь начала танцовать, и я въ вихрѣ вальса съ сентиментальною Оленькою, племянницею хозяевъ, забылъ непріятное впечатлѣніе, произведенное во мнѣ и французомъ по утру, и спектаклемъ вечеромъ въ зловонномъ сараѣ.

Въ городѣ Звенигородѣ я имѣлъ удовольствіе познакомиться во многихъ домахъ, между прочимъ, и въ домѣ князя Голицына. Мѣстоположеніе вообще во всемъ уѣздѣ восхитительное, но усадьба князя Голицына превосходитъ всякое описаніе. Не доѣзжая до дому почти версту, начинается роща, въ которой сама природа такъ искусно разсѣяла всѣ украшенія, что легко можно эту рощу счесть за искусственный англійскій паркъ. Съ этою рощею соединяется изящно отдѣланный садъ. Человѣкъ лѣтъ 70-ти, небольшаго роста, съ добродушіемъ на лицѣ и съ какимъ-то непринужденнымъ, благороднымъ величіемъ, принялъ меня. Это былъ самъ князь, одѣтый въ такое платье, какое носили во время блаженной памяти Екатерины Великой. Все въ этомъ старикѣ показывало придворнаго человѣка и вельможу. Въ этотъ день семейства его не было дома, кромѣ одного сына, отставнаго гусарскаго полковника. Самъ князь словоохотливъ и разсказываетъ весьма занимательно. Онъ былъ лично знакомъ съ Вольтеромъ и даже нѣкоторое время гостилъ въ Фернейскомъ замкѣ его.

Въ одно воскресенье поѣхали мы съ маіоромъ Лялинымъ къ Постниковымъ. Это былъ второй мой визитъ; хозяйка приняла насъ привѣтливо и представила супругу своему, что̀ считалось за большое съ ея стороны благоволеніе, потому что въ ихъ домъ много ѣздитъ и такихъ гостей, которыхъ хозяинъ не знаетъ. Такъ водится въ московскомъ большомъ свѣтѣ: одни ѣздятъ къ хозяину, другіе къ хозяйкѣ, а часто ни тотъ, ни та не знаютъ гостя, что, впрочемъ, случается болѣе тогда, когда даютъ большой балъ. Тогда многіе привозятъ съ собою знакомыхъ своихъ, особенно танцующихъ кавалеровъ. Иногда подводятъ ихъ и рекомендуютъ хозяину или хозяйкѣ, а часто дѣло обходится и безъ рекомендацій. Мнѣ разсказывали, что однажды г-жа Постникова пригласила къ себѣ на обѣдъ какихъ-то извѣстныхъ французскихъ путешественниковъ, не предваривъ даже объ этомъ мужа своего, который, впрочемъ, и не зналъ французскаго языка. И вотъ сенаторъ выходитъ къ столу изъ своего кабинета; жена рекомендуетъ ему иностранныхъ гостей, но мужъ, будучи чѣмъ-то раздосадованъ, говоритъ женѣ:

— Что это ты, матушка, наводишь ко мнѣ всякой дряни, бродягъ?

Находчивая и умная сенаторша, нисколько не сконфузясь, обращается къ французамъ и говоритъ, что мужу ея весьма лестно ихъ посѣщеніе, но онъ сожалѣетъ, что не можетъ объясняться съ ними, не зная ихъ языка.

Я обязанъ забавному случаю за вниманіе ко мнѣ сенаторши. Въ день бала, за ужиномъ, мнѣ пришлось сидѣть за кавалерскимъ столомъ. Мы съ маіоромъ Лялинымъ говорили о театрѣ; въ нашъ разговоръ вмѣшался нашего полка поручикъ Клайгельсъ, любезный и хорошо образованный молодой человѣкъ. Разговоръ мало-

по-малу оживлялся и наконецъ нечувствительно сдѣлался общимъ. Я осмѣлился кое-что сказать о домашнихъ спектакляхъ: это дошло до г-жи сенаторши, и вотъ причина ея благосклоннаго ко мнѣ вниманія. Пріятельская связь моя съ маіоромъ Лялинымъ, который сочинялъ и печаталъ стихи, и меня сдѣлала авторомъ и театральнымъ критикомъ.

Въ этотъ день мы обѣдали въ оранжереѣ, что́ было весьма пріятно въ жаркій день. Послѣ обѣда г-жа Постникова, отозвавъ меня и маіора въ сторону, сказала вполголоса:

— Вамъ, господа, можетъ быть, покажется странно, что я, бывъ мало еще съ вами знакома, дѣлаю васъ участниками моей тайны.

Примѣтя же удивленіе наше, она прибавила, громко засмѣявшись:

— Не бойтесь, здѣсь нѣтъ никакой интриги,—и, сказавъ это, пригласила насъ съ собой въ садъ.

— Дѣло вотъ въ чемъ,—продолжала она:— 15-го августа будетъ рожденіе племянницы моей Маріи Ѳедоровны Кокошкиной, и мнѣ хочется сдѣлать ей сюрпризъ. Театра не будетъ, но я бы желала устроить живыя картины. Подайте мнѣ вашъ совѣтъ, помогите мнѣ въ этомъ дѣлѣ.

Мы охотно согласились и послѣ многихъ толковъ и предположеній рѣшили, чтобъ живыя картины представляли шарады: moquer (maux-choeur) и ballade (bal-l'ade). Любезный маіоръ своими поэтическими вымыслами привелъ въ восторгъ. Онъ обѣщалъ самъ написать соотвѣтственную празднику балладу. Но вышло иначе. Маіоръ долженъ былъ уѣхать въ деревню къ графу Хвостову, почему обѣщанной имъ баллады и не было написано. Я предлагалъ выбрать одну изъ балладъ сочиненія Жуковскаго; предложеніе мое было принято холодно, и я оставилъ на произволъ ихъ. Намѣревались было устроить маскарадъ, но въ Москвѣ не достали, какъ говорили, характерныхъ костюмовъ. Мы съ Копьевымъ хотѣли сыграть отрывокъ изъ какой либо комедіи и выбрали сцену изъ Чудаковъ—«дуэль Высоноса и Прилаза», но и это, не знаю, почему-то разстроилось. Погода наканунѣ праздника была дождливая и ненастная, но мы не теряли надежды на лучшую погоду въ день праздника. Изобрѣтательный геній Марьи Ивановны (нашей хозяйки) не унывалъ при малыхъ этихъ препятствіяхъ. Она бѣгала съ лѣстницы на лѣстницу, суетилась, гоняла въ рабочее время крестьянъ своихъ то въ Москву, то въ Звенигородъ, то къ сосѣдямъ. Напослѣдокъ, утомившись, бросилась на диванъ и удостоила меня своего довѣрія, сказавъ, что у нея въ домѣ и 50-ти рублей нѣтъ, а праздникъ, всетаки, будетъ.

— Не правда ли,—сказала она мнѣ:—что я теперь похожа на дитя? Занимаюсь такими мелочами; не смѣйтесь, пожалуйста, надъ моимъ малодушіемъ: всякая малѣйшая неудача трогаетъ меня и доходитъ до сердца.

Въ самомъ дѣлѣ, въ этотъ день было обширное поле для ея дѣятельности. Всѣ двѣнадцать барышень, жившія у нея въ домѣ, шили себѣ костюмы, а мы, молодые гости и родственники г-жи Постниковой, занимались украшеніемъ оранжереи. Наконецъ столь желанный день наступилъ. Казалось, самъ Фебъ, въ честь царицы праздника, украсилъ горизонтъ златоблестящими лучами солнца. Мелодическое пѣніе птицъ, нѣжное колебаніе зефиромъ листьевъ, тихое журчанье ручья, небесное благоуханіе цвѣтовъ: все, казалось, поздравляло 17-ти-лѣтнюю Флору съ днемъ ея рожденія. Мы всѣ были у обѣдни; новорожденная была просто, но со вкусомъ одѣта въ бѣломъ платьѣ, съ завитыми локонами. Это означало, что ей минуло 17-ть лѣтъ, и что она появится зимою въ собраніяхъ невѣстою, по обыкновенію лучшаго тона московскихъ жителей. Наконецъ, около полудни начали съѣзжаться гости, званые и незваные. Полковая музыка гремѣла, и послѣ обѣда, примѣтя на многихъ миленькихъ личикахъ желаніе попрыгать, я поднялъ на вальсъ меланхолическую новорожденную Марію, за мною послѣ довали другіе, и танцы незамѣтно продолжались.

Въ 7 часовъ вечера зала въ оранжереѣ была освѣщена люстрами и разноцвѣтными шкаликами, поставленными кругомъ итальянскихъ оконъ; боковыя галлереи были также освѣщены кенкетами; главныя аллеи въ саду иллюминованы плошками, и горѣлъ щитъ М. К. (Марія Кокошкина). Но вотъ всѣ гости собрались въ оранжереѣ, на всѣхъ лицахъ замѣтно нетерпѣливое ожиданіе. Наконецъ, двери въ боковую галлерею отворились, всѣ бросились туда, и мы увидали живыя картины. Въ позолоченной рамѣ, подъ бѣлымъ флеромъ, три барышни въ неподвижномъ положеніи изображали трехъ Парокъ. Одна изъ нихъ сидѣла за прялкою и пряла нить жизни человѣческой, другая наматывала эту нить, а третья сидѣла съ ножницами въ готовности пресѣчь, перерѣзать ту нить, но купидонъ сзади рукою своею удерживаетъ руку злой Парки. Картина восхитительная, вымыселъ изящный и самый поэтическій. Всеобщій восторгъ былъ неизъяснимый, и долго звуки музыки заглушаемы были апплодисментами и криками браво. Потомъ начались шарады. Въ концѣ другой боковой галлереи, въ уединенномъ гротѣ, сидѣлъ оракулъ (тоже барышня), который по приближеніи зрителей провозгласилъ таинственнымъ, то-есть тихимъ голосомъ, поздравленіе и предсказаніе счастливой жизни царицѣ праздника. Въ правой рукѣ оракула была ваза, изъ которой желающіе узнать судьбу свою вынимали билетики, и все это означало первую часть шарады «Maux». Послѣ сего всѣ возвратились въ прежнюю залу, гдѣ появился хоръ весталокъ, пѣвшихъ поитальянски. Хоръ состоялъ изъ барышень и нѣмецкаго учителя. Представьте себѣ высокую, худую фигуру, лѣтъ 45-ти, обросшую черными волосами, въ женскомъ платьѣ, съ вѣнкомъ изъ цвѣтовъ

на головѣ и поющую картавымъ басомъ. Этотъ хоръ означалъ вторую часть шарады—choeur, а вся шарада moquer.

Вотъ и другая шарада. Начался балъ польскимъ, послѣ котораго всѣ увидѣли прелестное зрѣлище. Хороводъ барышень, одѣтыхъ въ богатые сарафаны, съ блестящими повязками, выступилъ изъ боковой галлереи, неся на носилкахъ, украшенныхъ древесными листьями и гирляндами изъ цвѣтовъ, пятилѣтнюю дочь хозяйки, также одѣтую порусски. Она означала богиню Ладу. Хоръ пѣлъ извѣстную каждому любителю отечественную пѣсню:

«А мы просо сѣяли, сѣяли,
«Ой, дидъ Ладо, сѣяли» и проч.

Потомъ нѣмецкій учитель прочелъ вполголоса подъ названіемъ баллады сплетеніе нѣсколькихъ риѳмованныхъ фразъ на французскомъ языкѣ, какъ онъ говорилъ, имъ самимъ сочиненныхъ.

Все это заключилось танцами и ужиномъ, и тѣмъ кончился праздникъ, надѣлавшій столько шума своими громкими приготовленіями.

Н. В. Погожевъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНІЯ В. Н. ПОГОЖЕВА [1].

VI.

Страшное воспомпнаніе о 14-мъ декабря 1825 года.—Сновидѣніе.—Отъѣздъ изъ Москвы въ Моршанскъ.—Ѣзда на долгихъ.—Подавленное настроеніе моршанскаго общества.—Вторичная командировка полка на Московское шоссе.—Село Пузовцово.—Неудавшійся сговоръ.—Ссора съ капитаномъ.—Арестъ и тайная отлучка въ Москву.—Просьба о переводѣ въ корпусъ путей сообщенія.



ЩЕ ГОДЪ УТЕКЪ,—тяжелый годъ кончины государя императора Александра Благословеннаго. Мнѣ снова пришлось уѣхать изъ Москвы въ Моршанскъ. Я ѣхалъ на долгихъ, т. е. нанялъ одного извозчика изъ Москвы до города Моршанска. Это дешевле, чѣмъ на почтовыхъ, особенно кому незачѣмъ поспѣшать. Впрочемъ, я довольно скоро ѣхалъ, верстъ по восемьдесятъ въ сутки. Скучновато только дожидаться, пока извозчикъ кормитъ своихъ лошадей. На постоялыхъ дворахъ все довольно дорого, и роскошь замѣтно распространяется въ черномъ русскомъ народѣ. Представьте себѣ, что извозчику моему подали въ обѣдъ: щи съ мясомъ, свинину съ хрѣномъ, жаренаго гуся и поросенка, молочную лапшу, гречневую кашу съ масломъ и коровай съ медомъ.

Итакъ, я опять въ Моршанскѣ. Городъ все украшается новыми зданіями. Надо было отдать честь моршанскому обществу,

[1] Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LIII, стр. 700.

что оно свято чтитъ память въ Бозѣ почившаго императора Александра Павловича, и наложенный по этому случаю трауръ выполняется со всею точностью. Бывали только скромные вечера, на которые съѣзжались играть въ вистъ, и на этихъ вечерахъ дамы всегда были одѣты въ черныхъ платьяхъ. Можно также удивляться скромности моршанскихъ жителей, потому что въ продолженіе политическихъ непріятностей ни въ одномъ домѣ никогда не слышно было объ нихъ сужденій и разговоровъ. Конечно, много отъ этого отвлекали карты; слѣдовательно, карты и въ этомъ отношеніи полезны.

Вскорѣ полкъ нашъ снова былъ назначенъ на работы на Московское шоссе. По дорогѣ изъ-за дурной погоды намъ пришлось простоять дней десять въ селахъ Петрово и Пузово. Здѣшніе помѣщики жили между собою дружелюбно, и мы провели здѣсь время очень пріятно. Гдѣ завтракъ, гдѣ обѣдъ, въ иномъ домѣ вечеръ съ танцами и фантами. Не знаю—почему, я обратилъ особенное вниманіе на одну изъ барышень. Съ нею мы болѣе говорили, съ нею я болѣе танцевалъ, подлѣ нея мнѣ приходилось чаще сидѣть. Это замѣчали и прямо намекнули мнѣ, не желаю ли я на ней жениться. Дѣвушка мнѣ нравилась, она была сирота, имѣла пятьдесятъ душъ крестьянъ, почему-жъ, думалъ я, и не жениться? Я сдѣлалъ предложеніе. Немедленно созваны были сосѣди, послали за священникомъ, чтобъ обручить насъ; даже пито было шампанское, т. е. такъ называемое цымлянское, за здоровье жениха и невѣсты... но является унтеръ-офицеръ съ приказомъ продолжать походъ въ Москву. Рота была уже въ сборѣ, барабанъ ударилъ фельдмаршъ, и я долженъ былъ распроститься съ гостепріимными помѣщиками и помѣщицами и съ будущею нареченною невѣстою. И хотя я далъ слово пріѣхать осенью изъ Москвы въ отпускъ, хотя увѣрялъ молодую дѣвушку въ постоянствѣ любви моей, но слова не сдержалъ, сваливая все на судьбу, да на житейскія обстоятельства.

При вступленіи полка въ Москву случилось со мною весьма непріятное происшествіе. Въ ожиданіи пріѣзда начальника дивизіи, всѣ шесть полковъ—невскій, софійскій, нарвскій, капорскій, 11-й и 12-й егерскій, стояли близъ заставы, въ батальонныхъ колоннахъ. Солдаты стояли вольно, ружье у ноги; офицеры собрались въ кружокъ, въ разныхъ кучкахъ. Ротою, гдѣ я служилъ, командовалъ капитанъ Гушинскій, надменный полякъ, никѣмъ въ полку не любимый. Я что-то противъ него возразилъ, и онъ осмѣлился назвать меня «молокососомъ». Вся кровь во мнѣ забушевала, я хотѣлъ убить дерзкаго капитана, но товарищи меня удержали, и я успѣлъ только ударить его въ грудь. При этомъ не только всѣ офицеры нашего полка, но и весь полкъ и за нимъ всѣ полки 6-й дивизіи закричали: «ура!». Полковой командиръ нев-

скаго полка, полагая, что идетъ дивизіонный начальникъ, скомандовалъ: «смирно!». Полки всѣ выстроились, и въ самомъ дѣлѣ дивизіонный начальникъ вскорѣ подъѣхалъ. Полки вступили въ Москву съ церемоніею, но, выйдя въ другую заставу, расположились въ приготовленныхъ палаткахъ. Полковникъ былъ уже предувѣдомленъ полковымъ адъютантомъ, поручикомъ Дриссардомъ, и племянникомъ своимъ поручикомъ Клейгельсомъ и многими другими офицерами о причинѣ моей запальчивости; сдѣлавъ мнѣ строгій выговоръ, онъ посадилъ меня подъ арестъ. Когда въ Москву для свиданія со мною нарочно пріѣхала изъ деревни мать моя, я не вытерпѣлъ, одѣлся въ крестьянскій армякъ и отправился въ Москву на простой телѣгѣ. По утру я возвратился опять на гауптвахту. На другой день капитанъ Гушинскій подалъ на меня рапортъ полковому командиру, но полковникъ, даже не читая рапорта, бросилъ его, сказавъ:

— Стыдно, капитанъ, стыдно! Довели себя до того, что васъ молодые офицеры чуть не по рожѣ бьютъ.

Когда же капитанъ что-то хотѣлъ возразить, то полковникъ сердито закричалъ:

— Убирайтесь вы къ чорту съ вашими дрязгами! Я васъ самихъ туда турну, куда Макаръ и телятъ не гоняетъ.

Тѣмъ дѣло и кончилось. Вскорѣ я опять принялъ уроки работъ шоссе для полка отъ инженерныхъ офицеровъ. Такъ какъ у одного изъ инженеровъ, поручика Кашперова, была большая дистанція, которую онъ не могъ даже каждодневно объѣхать, то управляющій работами, инженеръ-полковникъ Четвериковъ, просилъ дивизіоннаго командира о прикомандированіи меня въ помощь производителю работъ. Сдавъ мою обязанность въ полку другому офицеру, я сдѣлался, какъ меня называли, армейскимъ инженеромъ. Управляющій работами, директоръ работъ, и мой товарищъ, поручикъ Кашперовъ, совѣтовали мнѣ перейти на службу по корпусу путей сообщенія въ строительный отрядъ. А какъ вскорѣ ожидали пріѣзда главноначальствующаго герцога Александра Виртембергскаго, то я и приготовилъ письмо о переводѣ меня. Но на дистанціи нашихъ работъ герцогъ спалъ, и я по совѣту полковника Фитингофа подалъ письмо дежурному штабъ-офицеру корпуса путей сообщенія полковнику Варенцову, которому и былъ рекомендованъ мѣстнымъ начальствомъ путей сообщенія, управляющимъ директоромъ и производителемъ работъ.

VII.

Пребываніе въ московскомъ военномъ госпиталѣ.—Неистовыя шалости молодыхъ офицеровъ.—Картежная игра.—Предписаніе явиться въ Петербургъ.—Дѣло Лаптева.—Отъѣздъ въ Петербургъ.—Критическое положеніе безъ гроша денегъ.—Помощь дворового человѣка.—Представленіе начальствующимъ чинамъ.—Безъисходная нужда въ Петербургѣ.—Успѣшный экзаменъ.—Прикомандированіе къ корпусу путей сообщенія.

Вскорѣ по наступленіи осенняго времени работы кончились; полкъ ушелъ на зимнія квартиры, а я остался въ московскомъ военномъ госпиталѣ за болѣзнью. Здѣсь, въ ожиданіи моего перевода въ корпусъ путей сообщенія, пробылъ я два мѣсяца. Въ офицерскомъ отдѣленіи насъ было тридцать человѣкъ офицеровъ, половина серьезно больныхъ, а большая часть лишь имѣвшихъ надобность жить въ Москвѣ. Мы проводили время очень весело, могли выѣзжать изъ госпиталя, когда и куда угодно, даже на нѣсколько сутокъ. Въ той комнатѣ, гдѣ я помѣщался, насъ было четверо молодыхъ офицеровъ, и одинъ больной старикъ. Конечно, онъ не могъ долго жить, но, всетаки, мы укоротили его жизнь. Шумъ, гамъ, крикъ, пѣсни, пляски, карточная игра днемъ и ночью, не давали больному старику покоя. Въ нашей комнатѣ, впрочемъ самой большой, было общее сборище офицеровъ и гостей. Я рѣдко оставался дома, и еще съ утра былъ уже одѣтъ для выхода изъ госпиталя, но надѣвалъ только сверху платья лазаретный халатъ; и только лишь докторъ уходилъ, разспросивъ меня о здоровьѣ, я немедленно уѣзжалъ до поздней ночи къ роднымъ или знакомымъ.

Однажды, возвратясь раньше обыкновеннаго въ госпиталь, застаю въ своей комнатѣ содомъ. Пуншъ, вино, шампанское, карты, пѣніе, топанье ногами гулякъ и игроковъ, стонъ и оханье больного старика поразили меня при входѣ въ комнату. Подхожу къ карточному столу, гляжу пристально на игру, и вдругъ банкометъ говоритъ мнѣ вполголоса:

— Вы у насъ въ пятой.

— Хорошо,—отвѣчалъ я машинально.

И не прошло получаса, какъ банкометъ закричалъ: «баста!».

Сосчитались; банкъ остался въ выигрышѣ четыре тысячи рублей ассигнаціями; на мою долю досталось 800 рублей. Явился ящикъ съ шампанскимъ; пили его не бокалами, но стаканами и больничными кружками. Нѣкто Юмашевъ, поручикъ 7-го егерскаго полка, Барковъ, прапорщикъ артиллеріи, и нѣсколько другихъ весельчаковъ вздумали сдѣлать маскарадъ и нарядиться дикими. Раздѣвшись донага, раскрасили себя, кто чѣмъ попало, и сажей, и красками, и кирпичемъ. Каждый взялъ въ руки по зажженной свѣчкѣ, пѣли, плясали и, наконецъ, поднявъ постель больного старика, понесли его съ нею и отпѣвали, какъ покой-

ника. Докторъ, жившій внизу офицерской больницы, и смотритель умоляли перестать шумѣть. И, дѣйствительно, вскорѣ всѣ успокоились; мы, какъ бѣснующіеся факиры, въ изнеможеніи бросились на свои постели и уснули, а бѣдный страдалецъ-товарищъ и очень старый офицеръ успокоился на вѣки; къ утру ни его, ни кровати его не было уже въ нашей комнатѣ.

Что же было причиною, что меня при концѣ игры, когда банкъ уже былъ въ выигрышѣ, приняли банкометы въ пятую долю? Случай, странный случай. Я нечаянно задѣлъ локтемъ банкомета, а потомъ ногой, а онъ подумалъ, что я постигъ его игру, что я могу ему повредить; меня приняли въ пай, и вотъ я невольно сдѣлался соучастникомъ шайки игроковъ. Но признаюсь, деньги мнѣ тогда были весьма кстати. Вѣроятно, подобныхъ проказъ въ нынѣшнее время не можетъ быть. Другія времена—другіе нравы. Бывало, кто болѣе выпьетъ пуншу, тотъ молодецъ. Все измѣняется, и, конечно, къ лучшему. Повѣрите ли, что шалость нашихъ молодыхъ офицеровъ доходила до того, что числившіеся больными офицеры не только выѣзжали изъ госпиталя въ собранія, театры и маскарады, но и на гулянье въ вербное воскресенье. Нѣсколько офицеровъ побились объ закладъ, что одинъ изъ нихъ пройдетъ черезъ рядъ каретъ. И, дѣйствительно, отворивъ дверцу одной кареты, онъ входилъ въ нее, извинялся передъ сидящими въ каретѣ, изъ окна отворялъ другія дверцы и выходилъ; и такимъ порядкомъ пропутешествовалъ изъ кареты въ карету черезъ цѣлый рядъ.

На мое прошеніе о переводѣ меня въ корпусъ путей сообщенія я получилъ отвѣтъ, что для этого долженъ отправиться въ Петербургъ для выдержанія экзамена при институтѣ путей сообщенія. Что было дѣлать? Отказаться отъ экзамена значило признать себя неспособнымъ служить въ корпусѣ путей сообщенія, и я рѣшился ѣхать въ Петербургъ. Къ счастью моему, встрѣтилъ я въ Москвѣ командира нашего полка, который далъ мнѣ въ счетъ жалованья пятьдесятъ рублей ассигнаціями. Выигранныхъ денегъ едва достало на обмундировку и на уплату долговъ.

Вспоминаю здѣсь случай, въ которомъ гаданье оправдалось, чему я былъ очевидцемъ. Бывшій со мною въ московскомъ госпиталѣ, гвардіи капитанъ Лаптевъ лѣтъ десять находился подъ судомъ за пощечину, данную имъ священнику въ церкви во время богослуженія, когда онъ подходилъ къ кресту; священникъ сказалъ ему, что онъ не молился, разговаривалъ съ дамами, а потому и недостоинъ приложиться къ кресту. Лаптевъ былъ очень умный человѣкъ, но, по несчастію, увлекся запальчивостью и по конфирмаціи военнаго суда назначенъ въ ссылку въ Сибирь. Но у него была родственница статсъ-дама, весьма уважаемая при дворѣ, и самъ ли покойный императоръ Александръ Павловичъ, или докладчикъ, подкладывалъ конфирмацію Лаптева всегда снизу бу-

магъ, и такимъ образомъ эта конфирмація оставалась случайно или умышленно неподписанною. Вѣрно ли это, или выдумано, трудно рѣшить, но, кажется, вздоръ. Можетъ ли въ кабинетѣ государя оставаться бумага нѣсколько лѣтъ неподписанною? Но такъ ли, или не такъ, но въ одинъ день Лаптевъ пригласилъ меня идти съ нимъ гулять. Проходя по Лафертову, почти къ Перовой рощѣ, онъ убѣдилъ меня зайти съ нимъ къ гадальщицѣ. Нагнувшись, вошли мы въ полуразвалившуюся избу черезъ низенькую дверь. Въ углу избы сидѣла старуха-чухонка, что̀ я замѣтилъ потомъ по ея произношенію; на столикѣ передъ нею стоялъ жестяной кофейникъ, на скамьѣ въ другомъ углу у русской печи стоялъ небольшой самоваръ, и возлѣ лежалъ черный котъ. Старуха, не прося насъ садиться, поглядѣла на меня косо, на моего товарища—угрюмо, разложила карты и сказала, хмурясь, щурясь, поплевывая и покашливая:

— Ты ждешь новости отъ бубноваго короля; оно-бъ и такъ, да бубны дѣлаются червями, и тебѣ будетъ новость, будетъ перемѣна, будетъ большая, дальняя дорога. Ты уменъ, не огорчись моимъ враньемъ, будетъ, да не по твоему, не то, что ты ждешь.

Лаптевъ бросилъ на столъ цѣлковый и почти бѣгомъ ушелъ отъ колдуньи. Я едва могъ поспѣвать за моимъ спутникомъ, какая-то невидимая сила влекла его скорѣе спѣшить домой. Я нанялъ извозчика, Лаптевъ сѣлъ со мною, и едва мы возвратились въ госпиталь, какъ пріѣхалъ жандармскій офицеръ арестовать подсудимаго, конфирмація надъ которымъ и ссылка въ Сибирь была подписана императоромъ Николаемъ Павловичемъ тотчасъ по восшествіи его на престолъ.

И я на другой день отправился въ Петербургъ съ обозомъ, въ кибиткѣ въ одну лошадь. Спутница моя была вольноотпущенная горничная дѣвушка. Денегъ у меня было весьма немного, такъ что я не въ состояніи былъ обѣдать на постоялыхъ дворахъ, а довольствовался чаемъ съ булками. Но, еще до Петербурга за 200 верстъ, кошелекъ мой почти совершенно опустѣлъ, оставался только гривенникъ. Что дѣлать? Продать нечего, былъ одинъ складной самоварчикъ, и того никто не покупалъ. Къ счастью моему, на ночлегѣ, гдѣ мы остановились, была свадьба. Въ углу избы я пилъ чай, и молодая изъ-за свадебнаго стола умильно поглядывала на мой самоваръ. Я предложилъ, не хотятъ ли хозяева купить для молодыхъ мой самоваръ, и мнѣ заплатили денегъ два цѣлковыхъ. Съ этими деньгами доѣхалъ я до Петербурга. Но здѣсь надо было заплатить извозчику 30 рублей ассигнаціями за доставленіе меня. Переодѣвшись, отправляюсь къ двоюродному брату моему Александру Львовичу Погожеву, который служилъ начальникомъ отдѣленія въ департаментѣ податей и сборовъ. Не застаю его дома. Извозчикъ, привезшій меня изъ Москвы, неотступно

требуетъ денегъ; уговариваю его подождать до утра. На утро только въ десять часовъ мнѣ удалось видѣть двоюроднаго брата, да и то соннаго. Къ величайшему моему огорченію, онъ отказалъ ссудить мнѣ просимые сто рублей, что̀ меня тѣмъ болѣе обидѣло и удивило, что онъ былъ прекрасно обставленъ по службѣ и отъ меня, и отъ моей семьи пользовался не мало и ласками, и услугами. Положеніе мое было ужасно. Безъ гроша денегъ, не зная, что дѣлать, отправился я въ церковь Всѣхъ Скорбящихъ, и тутъ внезапно надежда оживила меня. Возвращаясь на квартиру, я вспомнилъ о дворовомъ человѣкѣ матушки моей, Лаврентьѣ Марковѣ, который жилъ въ подмастерьяхъ у портного. Я вспомнилъ, что онъ учился портному мастерству у портного Низовцева. Иду къ этому портному, и первый человѣкъ, котораго я увидалъ, войдя въ комнату, былъ мой Лаврентій, сидѣвшій на верстакѣ, поджавъ подъ себя ноги. Онъ мнѣ очень обрадовался и, узнавъ о моей нуждѣ въ деньгахъ, тотчасъ взялъ у хозяина причитающееся ему жалованье 300 рублей ассигнаціями, и эти деньги отдалъ мнѣ всѣ сполна. Не правда ли, что это благородный поступокъ русскаго крѣпостного человѣка, особенно мастероваго въ Петербургѣ? Расплатившись съ извозчикомъ, нанялъ я для себя комнату на Васильевскомъ островѣ. Отъ чая отказался, а обѣдъ приносилъ мнѣ деньщикъ одного корпуснаго офицера, слѣдовательно, я питался остатками отъ обѣда его барина. Явившись къ дежурному штабъ-офицеру корпуса путей сообщенія, полковнику Варенцеву, получилъ я приказаніе на другой день, въ 12 часовъ, быть въ домѣ главноуправляющаго герцога Александра Виртембергскаго. Его высочество принялъ меня благосклонно и спросилъ:

— Est ce que vous avez du goût pour cet service [1])?—На отвѣтъ мой сказалъ дежурному штабъ-офицеру: — il faut arranger ça [2]).— Потомъ, уходя, еще разъ обратился ко мнѣ и сказалъ:—comment votre nom, mon cher? [3]).

Добрый благородный герцогъ! Будь ты русскій или знай по-русски, чтобы самому заниматься дѣлами службы, а не довѣряться приближеннымъ, тогда бы ты былъ полезнѣе для корпуса путей сообщенія или, по крайней мѣрѣ, окружилъ бы себя людьми добросовѣстными.

Дежурный штабъ-офицеръ приказалъ мнѣ явиться къ директору института генералъ-лейтенанту Базену, который велѣлъ мнѣ готовиться къ экзамену по программѣ инженеровъ путей сообщенія. Какъ я ни отговаривался отъ подобнаго экзамена, представляя, что я желалъ бы перейти на службу въ строительный от-

---

[1]) Развѣ вы имѣете склонность къ этой службѣ?

[2]) Надобно это устроить.

[3]) Какъ ваше имя, мой милый.

рядъ, куда до сего времени многіе переходили безъ экзамена, но ничто не помогало. Генералъ Базенъ ссылался на дежурнаго штабъ-офицера, а этотъ хладнокровно говорилъ, пожимая плечами, что это не его дѣло, что если я не могу выдержать экзамена, то долженъ отправиться обратно въ полкъ. Я былъ въ большомъ затрудненіи и ужасномъ положеніи: отъ матушки не получалъ ни денегъ, ни писемъ; задолжалъ за квартиру, платье мое износилось, Лаврентій съ трудомъ могъ чинить его, у сапоговъ подошвы отстали, и я подклеивалъ ихъ толстою, сахарною бумагою, подкрашивая чернилами. Вотъ какое было мое положеніе! Я рѣшился въ случаѣ, если дежурный штабъ-офицеръ снова повторитъ мнѣ, что я могу отправится въ полкъ, явиться къ его высочеству великому князю Михаилу Павловичу просить о переводѣ меня въ артиллерію или полевые инженеры. На просьбу мою о дозволеніи слушать курсъ наукъ въ институтѣ путей сообщенія полковникъ Варенцовъ сказалъ мнѣ рѣшительно:

— Вы просились въ строительный отрядъ, такъ и переходите туда, или отправляйтесь обратно въ полкъ.

Но, едва я объявилъ, что намѣренъ явиться къ великому князю Михаилу Павловичу, суровый голосъ дежурнаго штабъ-офицера смягчился, и онъ мнѣ сказалъ несравненно ласковѣе прежняго:

— Вашъ экзаменъ зависитъ отъ директора института генерала Базена, я съ нимъ завтра переговорю о васъ.

Учитель французскаго языка въ первомъ кадетскомъ корпусѣ, Константинъ Петровичъ Фулонъ, познакомилъ меня съ добрымъ, умнымъ и почтеннымъ французомъ г. Бойе. Эти оба француза остались въ Россіи послѣ кампаніи 1812 года и женились на русскихъ. Г. Бойе былъ дружески знакомъ съ генераломъ Базеномъ. Онъ къ нему отправился вмѣстѣ со мною, объяснилъ мое критическое положеніе, трогательно описалъ мое житье-бытье, и добрый генералъ Базенъ, прослезившись, обѣщалъ переговорить съ дежурнымъ генераломъ. Наконецъ-то судьба сжалилась надо мной. Я получилъ предписаніе явиться черезъ три дня на экзаменъ въ конференцію института. Къ этому экзамену я уже приготовлялся, пользуясь дружескимъ вниманіемъ и уроками бывшаго сотоварища моего въ первомъ кадетскомъ корпусѣ, а впослѣдствіи по экзамену перешедшаго въ корпусъ инженеровъ путей сообщенія, прапорщика Александра Васильевича Висковатова. Этотъ благородный, молодой человѣкъ, въ свободное отъ его занятій время, давалъ мнѣ уроки въ курсѣ построенія и начертательной геометріи. Меня экзаменовали: полковникъ Севастьяновъ, капитанъ Волковъ и профессоръ математики Чижовъ, въ присутствіи директора института. Послѣ экзамена я получилъ самое лестное поздравленіе отъ генерала Базена и экзаменаторовъ. Въ восторгѣ я, кажется,

не шелъ, не бѣжалъ, а летѣлъ домой. На другой день являюсь въ штабъ, и полковникъ Варенцовъ мнѣ объявилъ, что его высочество герцогъ Виртембергскій сообщилъ начальнику главнаго штаба о прикомандированіи меня впредь до перевода въ строительный отрядъ, къ корпусу путей сообщенія, а черезъ два дня меня отправили на работы Московскаго шоссе, въ вѣдѣніе инженеръ-генералъ-маіора Матушевича. Здѣсь назначенъ я былъ на дирекцію инженеръ-маіора Менгдена, между Новгородомъ и Валдаемъ. Мнѣ дана была дистанція земляныхъ работъ для шоссе, отъ деревни Винъ къ г. Крестцамъ, на протяженіи 40 верстъ.

VII.

Переводъ въ строительный отрядъ.—Продѣлки подрядчиковъ.—Поѣздка въ Новгородъ и встрѣча съ старымъ знакомымъ.—Знакомство съ семействомъ Некрасовыхъ.—Маскарадный балъ у губернатора.—Сватовство и женитьба.—Новая жизнь.—Командировка черезъ недѣлю послѣ свадьбы.—Рожденіе перваго ребенка.—Дальнѣйшее движеніе по службѣ.

Высочайшимъ приказомъ, 24-го іюня 1827 года, былъ я переведенъ въ чинѣ поручика въ строительный отрядъ путей сообщенія. Квартировалъ я въ деревнѣ Винахъ. Принявшись дѣятельно за наблюденіе и распоряженія по работамъ, я обратилъ на себя вниманіе директора работъ, а прочіе мои товарищи, молодые офицеры, были въ постоянной съ нимъ враждѣ болѣе потому, какъ я послѣ узналъ, что директоръ не исполнялъ «правила товарищества и дѣленія». А я, какъ новичекъ, не былъ еще посвященъ въ тайны инженерныхъ доходовъ, могъ служить полезнымъ орудіемъ для корыстолюбиваго моего начальника. Онъ постепенно подъ разными предлогами отбиралъ или уменьшалъ отъ другихъ производителей работъ дистанціи и поручалъ мнѣ. Я же и не помышлялъ о доходахъ, даже считалъ себя счастливцемъ и богачемъ, получая жалованье и порціонныя деньги. Разъѣздовъ тогда не выдавалось, а отпускали на покупку лошади 200 рублей ассигнаціями и казенное сѣдло, а также деньги на фуражъ лошади по справочнымъ цѣнамъ. Осенью, по закрытіи работъ, лошадь эта продавалась съ публичнаго торга рублей за 5 или за 7 ассигнаціями. По закрытіи осенью работъ, директоръ представилъ меня къ наградѣ третнымъ жалованьемъ, но высшее начальство отказало, возразивъ, что «въ короткое время невозможно заслужить награды».

Не только, чтобы получить выгоды отъ работъ или благодарность отъ подрядчика за соблюденіе его выгодъ чрезъ благоразумныя распоряженія и бдительность надзора за рабочими, я былъ еще обманутъ подрядчикомъ, почетнымъ гражданиномъ Крашенинниковымъ. Получивъ отъ меня квитанцію на произведенныя

работы, почтенный старикъ, русскій первостатейный купецъ, просилъ меня одолжить ему 200 рублей ассигнаціями впредь до полученія имъ изъ новгородскаго экономическаго комитета денегъ для расчета рабочихъ. Въ эту минуту я только-что получилъ третное жалованье. Какъ не одолжить деньгами богатаго подрядчика? Я отдалъ 200 рублей ассигнаціями и долго, долго ожидалъ уплаты и черезъ десять лѣтъ записалъ этотъ долгъ въ трубѣ углемъ... По первому зимнему пути директоръ инженеръ-маіоръ Линденъ, отправляясь въ Новгородъ для составленія годовыхъ отчетовъ, взялъ меня съ собою. Пріѣхавъ 6-го декабря 1827 года въ Новгородъ, вспомнилъ я, что у губернатора служитъ по особымъ порученіямъ хорошій знакомый мой Василій Ѳедоровичъ Янъ, и отправился къ нему. Онъ обрадовался, увидавъ меня неожиданно въ Новгородѣ, и хотя собирался ѣхать на вечеръ къ своимъ знакомымъ Некрасовымъ, но готовъ былъ остаться со мною дома. Зная, какъ этотъ мой добрый знакомый неохотно бывалъ въ обществѣ, я былъ увѣренъ, что ему необходимо было быть въ этотъ вечеръ въ гостяхъ, а потому убѣждалъ со мною не церемониться, и что мы съ нимъ еще увидимся. Но Янъ въ такомъ только случаѣ хотѣлъ ѣхать въ гости, если я туда вмѣстѣ съ нимъ поѣду. Напрасно я отговаривался, что въ сюртукѣ въ первый разъ ѣхать неприлично, но Янъ убѣдилъ меня съ нимъ ѣхать, говоря, что люди, къ которымъ поѣдемъ, простые, добрые, нецеремонные,— семейство небогатое, мать старушка съ тремя дочерьми и тремя сыновьями. Этотъ вечеръ я провелъ въ бесѣдѣ съ моимъ пріятелемъ Яномъ въ углу зала и, поблагодаривъ добрую, радушную старушку-хозяйку и ея сыновей за угощеніе, отправился домой. На праздникъ Рождества Христова, проѣзжая по городу съ обычными визитами, встрѣтилъ я старушку Некрасову съ тремя дочерьми, возвращающихся домой отъ обѣдни. Я счелъ нужнымъ поздравить ихъ съ праздникомъ, заѣхалъ къ нимъ и былъ принятъ радушно. Не замѣтя въ первый разъ ни одной изъ дочерей, теперь я увидалъ, что старшая серьезная дѣвушка лѣтъ восемнадцати, вторая застѣнчивая блондинка шестнадцати и третья лѣтъ четырнадцати дѣвочка въ бѣленькомъ платьицѣ съ короткими рукавами. Средняя показалась мнѣ мечтательною и кроткою. Воображалъ ли я тогда, что въ этомъ семействѣ моя судьба!

На четвертый день праздника мы съ Яномъ вмѣстѣ и отправились къ Некрасовымъ на вечеръ. Танцовали, играли въ фанты, гадали. Я былъ веселъ, шутилъ, острилъ, обратилъ на себя общее вниманіе и получилъ приглашеніе отъ многихъ бывшихъ тамъ въ гостяхъ семейныхъ особъ быть у нихъ. Однако же я этими приглашеніями не воспользовался. Признаюсь, я слишкомъ былъ надмененъ, чтобъ дружиться или знакомиться съ среднимъ кругомъ

чиновниковъ. О женитьбѣ я вовсе не думалъ, особенно на бѣдной дѣвушкѣ. Это было на Рождествѣ 1827 года, а въ январѣ 1828 года я уже былъ женатъ. Вотъ какъ это случилось. Наканунѣ Новаго года приглашенъ былъ я на маскарадный вечеръ къ гражданскому губернатору Денферу. Въ тотъ же день, поутру, приходилъ ко мнѣ второй братъ Некрасовыхъ, Василій Петровичъ, отъ имени своего семейства просить меня ѣхать въ маскарадъ съ ними вмѣстѣ. Я досталъ два костюма, одинъ—китайскій, другой—фракъ коричневаго цвѣта, у одного чудака учителя гимназіи, котораго походку и манеру я совершенно перенялъ, бывая съ нимъ вмѣстѣ нѣсколько разъ у Некрасовыхъ. Въ 9 часовъ вечера, на своей парѣ лошадей (замѣтьте, у меня уже были свои лошади) отправился я къ Некрасовымъ, а оттуда въ домъ губернатора. Разсаживаясь по экипажамъ, средняя дочь Некрасовыхъ, застѣнчивая, тихая, оставалась безъ мѣста, или, чтобъ ей помѣститься, надобно было другимъ потѣсниться. Я предложилъ ей ѣхать со мною въ моихъ саняхъ; она сѣла, одинъ изъ братьевъ ея всталъ къ намъ на запятки, и мы поѣхали. Этотъ переѣздъ отъ Некрасовыхъ до дома губернатора рѣшилъ мою судьбу. Мнѣ такъ было пріятно ѣхать вдвоемъ съ существомъ другаго пола, такъ живо представилось счастіе семейной жизни, что я невольно вспомнилъ опредѣленіе Творца міра: «не добро быти человѣку единому».

Весь вечеръ я былъ по невольному чувству кавалеромъ моей спутницы, одѣтой въ русскомъ костюмѣ. Сначала я былъ въ китайскомъ костюмѣ, а потомъ съѣздилъ домой переодѣться и явился настоящимъ учителемъ гимназіи: смѣшилъ все общество, танцовалъ, любезничалъ съ дамами, съ такимъ подражаніемъ въ манерахъ и способѣ разговора г. учителя, котораго почти всѣ знали, что на другой день, куда ни приходилъ этотъ учитель, вездѣ встрѣчали его привѣтствіемъ:

— А, г. Ильенко! Такъ-то вы скрываетесь; у насъ не хотите танцовать, а вчера у губернатора отличались.

Иные ему говорили:

— Хорошъ, братъ, Яковъ Сафоновичъ, удралъ штуку, насмѣшилъ всѣхъ до слезъ.

Разумѣется, въ такомъ тонѣ могли ему говорить только мужчины. Бѣдный учитель конфузился и какъ ни любилъ свой коричневый фракъ, но отдалъ его окрасить въ черный цвѣтъ. А какъ этотъ фракъ попалъ ко мнѣ? Учитель былъ скупъ и не любилъ общества, и вотъ, пользуясь праздниками, сидѣлъ онъ, запершись дома, а фракъ свой отдалъ починить моему человѣку — портному. Я же съ этимъ учителемъ познакомился въ домѣ Некрасовыхъ, единственномъ, гдѣ онъ бывалъ безъ уроковъ, и гдѣ ему нравилась старшая дочь Анна, которая, напротивъ, терпѣть не могла

его. На другой день Новаго 1828 года, прогуливаясь по городу, зашелъ я въ церковь, гдѣ было погребеніе. Тамъ была г-жа Некрасова съ дочерями. Молясь, я думалъ о ничтожности и бренности жизни, о назначеніи человѣка и возвратился домой съ твердымъ намѣреніемъ жениться. Средняя дочь г-жи Некрасовой мнѣ нравилась; ея молчаливость, застѣнчивость и кротость подавали мнѣ надежду, что съ нею буду я счастливъ. Промечтавъ цѣлый день, на другое утро часу въ десятомъ отправился я къ Яну и безъ дальнихъ околичностей говорю ему, что я намѣренъ жениться на средней дочери Некрасовой.

Добрый, благородный, умный Янъ тронутъ былъ описаніемъ моихъ чувствъ и сказалъ, что онъ мнѣ предсказываетъ полное счастіе при избраніи жены изъ такого благочестиваго семейства. Когда я съ моимъ рѣшеніемъ явился въ домъ Некрасовыхъ, меня встрѣтила старушка-мать, которой я и высказалъ мое предложеніе. Добрая, благородная, честная мать откровенно мнѣ объявила, что она за дочерью ничего не можетъ дать, что она бѣдна. Мнѣ эта прямодушная откровенность чрезвычайно понравилась, и я, повторивъ мое предложеніе, просилъ позволенія объясниться съ дочерью.

По зову матери вошла въ залъ моя голубка, трепетная, то краснѣвшая, то блѣднѣвшая. Я спросилъ ее, желаетъ ли она быть моею женою. Она отвѣчала: «да». Я сказалъ, что не требую и не ищу приданаго, но, такъ какъ я самъ не богатъ, то предваряю, что, можетъ быть, не будемъ жить въ изобиліи, что жена моя, можетъ быть, обязана будетъ трудиться, заниматься сама хозяйствомъ и домашними работами. Скромная и застѣнчивая дѣвушка поняла меня и съ энергіею отвѣчала:

— Сердце мнѣ говоритъ, что вы — добрый человѣкъ, Василій Николаевичъ; я рѣшилась быть вашею женою.

Насъ обручили 12-го января 1828 года. На другой день подаю прошеніе о дозволеніи мнѣ жениться, и генералъ Матушевичъ мнѣ сказалъ:

— Рано еще вамъ, г. поручикъ, вы еще молоды, подождите еще. Вотъ женитесь, какъ я женился.

Я поблагодарилъ его превосходительство за совѣтъ, рѣшительно объявивъ, что я желаю жениться въ молодыхъ годахъ. Хорошъ совѣтъ моего добраго начальника—жениться, какъ онъ женился! А онъ женился, имѣя 55 лѣтъ отъ роду, на молоденькой, вертлявой, пылкой француженкѣ, которая вѣтренничала до разврата. Дѣйствительно, я женюсь безъ приданаго. Трое братьевъ моей невѣсты взяли по третному въ счетъ жалованья и сдѣлали сестрѣ необходимые наряды. Я тоже взялъ третное мое жалованье, приготовилъ квартиру и все необходимое хозяйство, для принятія въ

домъ молодой жены. Свадьба была назначена на 25-е января, но къ этому времени разрѣшеніе изъ Петербурга на женитьбу мою еще не пришло. Однакожъ, умный и добрый священникъ церкви Дмитрія Солунскаго обѣщалъ насъ повѣнчать и безъ дозволенія, потому что это былъ послѣдній день передъ масляницей. Но часовъ въ 6 вечера курьеръ изъ канцеляріи генерала Матушевича привезъ мнѣ дозволеніе.

Вотъ одна изъ странностей моего характера. Я никакъ не соглашался возвращаться изъ церкви съ молодою женою въ чужой каретѣ, настаивая на томъ, чтобы ѣхать въ моихъ саняхъ. Едва меня убѣдили не противиться принятымъ обычаямъ, приличіямъ, и что жена моя, возвращаясь въ саняхъ, можетъ простудиться. Насъ обвѣнчали, но во время обряда я былъ разстроенъ отъ слезъ моей невѣсты передъ началомъ вѣнчанія. Мнѣ казалось, что она идетъ замужъ по неволѣ, неохотно; мнѣ обидны были ея слезы въ торжественную минуту жизни. Но обрядъ кончился, лице моей молодой жены развеселилось, глаза ея съ любовью впивались въ мои... И вотъ я женатъ; вотъ я уже не одинокъ въ мірѣ; вотъ подлѣ меня подруга жизни—кость отъ костей моихъ, ребро, недостающее въ моемъ физическомъ составѣ.

Свадьбу я праздновалъ скромно, даже шампанскаго не было, но Янъ, какъ хорошій хозяинъ и мастеръ дѣлать наливки и водянки, прислалъ мнѣ двѣ бутылки чудной, искристой изъ бѣлой смородины водянки. Черезъ недѣлю послѣ свадьбы получилъ я новое назначеніе по службѣ къ директору работъ маіору Бѣлорусскому въ г. Крестцы Новгородской губерніи, въ 79 верстахъ отъ Новгорода. Простясь съ женою и родными ея, отправился я одинъ къ мѣсту моей новой службы. Тоска терзала мою душу; я не выдержалъ и съ первой станціи возвратился опять въ Новгородъ. Купивъ кое-какую кибитку, я поѣхалъ уже вмѣстѣ съ молодою женою. Два мѣсяца я состоялъ въ вѣдѣніи маіора Бѣлорусскаго и былъ откомандированъ для содѣйствія командиру 4-го военно-рабочаго батальона, маіору Старкову, по искусственной части въ ремонтированіи шоссе и мостовъ. При этихъ занятіяхъ я пробылъ годъ, а затѣмъ приказомъ по корпусу путей сообщенія, 29-го августа 1829 года, переведенъ былъ во II-й округъ путей сообщенія и на Маріинскую систему. Здѣсь родилась моя первая дочь, Александра, 17-го января 1829 года. Въ декабрѣ того же года произведенъ былъ я въ штабсъ-капитаны и назначенъ членомъ по искусственной части въ Вытегорскій экономическій комитетъ. Въ 1831 году произведенъ въ капитаны. Въ томъ же году случилось мнѣ быть по дѣламъ службы въ Петербургѣ, и начальникъ штаба корпуса путей сообщенія, генералъ-маіоръ Варенцовъ, предложилъ мнѣ сформировать Вытегорскую роту для Динабургскаго шоссе, обѣщая, что черезъ годъ будетъ сформированъ для этого шоссе

батальонъ, и что я буду произведенъ въ маіоры и останусь командиромъ батальона. Это мнѣ польстило, и 9-го февраля 1832 года я переѣхалъ съ моимъ семействомъ на Динабургское шоссе, въ Порховской уѣздъ Псковской губерніи, въ 40 верстахъ отъ г. Пскова.

VIII.

Формированіе рабочей роты для Динабургскаго шоссе.—Спокойная и счастливая жизнь.—Возмущеніе военно-рабочей роты.—Слѣдствіе по дѣлу о нанесеніи побоевъ унтеръ-офицеру изъ дворянъ.—Поѣздка въ Петербургъ и взятка обериаудитору.—Служебныя награды.—Переходъ въ строительный отрядъ.—Содержаніе почтовыхъ станцій.—Пронырство и неблагодарность неисправныхъ подрядчиковъ. — Прикомандированіе къ петербургскому хозяйственному комитету.—Жизнь въ Лугѣ.—Раннее пробужденіе артистическихъ способностей въ дочеряхъ—Вѣрѣ и Натальѣ.

Въ лѣсу, въ небольшой деревушкѣ, назначено было расположить мой ротный дворъ; но я купилъ у помѣщицы Натальи Яковлены Рындиной десятину земли близъ линіи шоссе, построилъ для себя домъ и всѣ необходимыя помѣщенія для нижнихъ чиновъ, какъ-то: караульню, цейхгаузъ, сарай, конюшню для четырехъ казенныхъ лошадей, манежъ для ученья солдатъ фронтовой службѣ въ зимнее время; развелъ огородъ и садъ и назвалъ новое мое жилище «Перепутьемъ». Это названіе очень приличествовало моему ротному двору, потому что ко мнѣ много было заѣзжихъ, болѣе по службѣ.

Здѣсь я прожилъ до 1838 года спокойно, счастливо, если не включить въ это время семейныхъ огорченій, какъ-то: потери въ 1838 г. двухъ дочерей, Александры и Надежды, изъ которыхъ одна была пяти, другая трехъ лѣтъ. Въ 1833 г. родилась у меня дочь Вѣра, а въ 1834 г. августа 21 дочь Наталья [1]). Втеченіе моей службы на Динабургскомъ шоссе, со мною случилось два казусныхъ и оригинальныхъ происшествія, едва не сдѣлавшія меня несчастнымъ. Рота моя состояла изъ двухъ оберъ-офицеровъ, 10 унтеръ-офицеровъ и 300 рядовыхъ съ необходимымъ числомъ нестроевыхъ нижныхъ чиновъ. Въ составъ этой роты, коей я вскорѣ назначенъ былъ командиромъ, поступило до ста польскихъ мятежниковъ, изъ которыхъ большая часть были люди честные, ловкіе, но было и нѣсколько отъявленныхъ негодяевъ, строптивыхъ и безпокойныхъ. Рота была разсѣяна по работамъ отъ города Гатчино до города Динабурга на протяженіи 460 верстъ. Я долженъ былъ раза три въ годъ самъ объѣзжать это

[1]) Знаменитая піанистка, умерла 18-го іюля 1856 года и погребена въ Старорусскомъ монастырѣ. Сестра же ея, Вѣра, принимавшая вмѣстѣ съ нею участіе въ концертахъ въ Россіи и за границей, скончалась въ Москвѣ; была замужемъ за штабсъ-капитатомъ А. А. Ларіоновымъ.

пространство, а жалованье, порціонныя и провіантскія деньги развозилъ то фельдфебель, то каптенармусъ, и я каждый разъ, во время моихъ объѣздовъ, опрашивалъ нижнихъ чиновъ, все ли положенное сполна получаютъ. Жалобъ никогда не было. Управляющій работами полковникъ Фроловъ и начальникъ штаба ежегодно производили инспекторскіе смотры, и тоже никогда жалобъ и претензій не было. Я оставался спокоенъ, но вдругъ возникли претензіи нѣсколькихъ рядовыхъ на неполученіе ими сполна провіанта. Однажды, въ день инспекторскаго смотра, назначеннаго полковникомъ Фроловымъ, въ 6 часовъ вечера, во время моего обѣда, входитъ фельдфебель, блѣдный, разстроенный, и говоритъ, что рота взбунтовалась [1]). Я по случаю жаркаго времени сидѣлъ полураздѣтымъ, но наскоро надѣлъ сюртукъ безъ эполетъ, выбѣжалъ на ротный дворъ, скомандовалъ:

— Смирно! Справа налѣво заходи, маршъ!

Все было смирно и тихо. Я спрашиваю: «Не имѣетъ ли кто претензій? Всѣ ли все сполна получили: жалованье, порціонныя, провіантъ или провіантскія, аммуницію и аммуничныя деньги?

Всѣ молчатъ. Я совершенно забылся и увлекся запальчивостью. Подхожу къ одному и хвать его въ зубы, другаго, третьяго, пятаго, десятаго; всѣ молчатъ. Спрашиваю опять, не имѣетъ ли кто какой претензіи. Громогласное: «Всѣмъ довольны, никакой претензіи не имѣемъ, ваше благородіе!» — было мнѣ отвѣтомъ. Но я замѣтилъ нѣсколько человѣкъ изъ поляковъ, сильно поблѣднѣвшихъ и молчавшихъ, тогда какъ другіе отвѣчали: и дѣйствительно это были зачинщики бунта. Я по именамъ и прозваніямъ вызвалъ ихъ впередъ и смѣло, самоувѣренно спросилъ оставшихся въ строю:

— Они васъ научили молчать?

— Точно такъ, ваше благородіе!—отвѣчали солдаты.

Я распустилъ солдатъ, даже не посадивъ подъ арестъ зачинщиковъ бунта. Вечеромъ пріѣхалъ полковникъ Фроловъ. Я ему обо всемъ подробно доложилъ, и онъ при опросѣ нижнихъ чиновъ самъ замѣтилъ тѣхъ негодяевъ, которые и на его спросъ о претензіяхъ молчали, блѣднѣя и яростно поглядывая на другихъ солдатъ. Полковникъ ихъ тоже вызвалъ впередъ, и остальные удостовѣрили, что эти мерзавцы, недовольные лично мною, вознамѣрились повредить мнѣ и довести до того, чтобъ у меня отняли роту.

Это былъ первый казусный случай, а вотъ и другой.

Въ ротѣ находился изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей унтеръ-офицеръ Иванъ Ивановъ Сарафановъ, молодой человѣкъ лѣтъ 20-ти, но совершенно безнравственный. Бывъ при работахъ въ вѣдѣніи инженеръ-поручика Ив. Ив. Лаврова, этотъ унтеръ-офицеръ укралъ у

---

[1]) Въ сборѣ на ротномъ дворѣ, по случаю инспекторскаго смотра, было человѣкъ сто.

него сто рублей ассигнаціями денегъ, занимаясь перепискою бумагъ по службѣ, въ его квартирѣ, во время его отсутствія. Уликъ было много, воровство было обнаружено, но Сарафановъ не признался, скрылъ деньги и вслѣдствіе этого былъ отправленъ на ротный дворъ, какъ неблагонадежный, для присмотра за работами. Я его увѣщевалъ исправиться, приглашалъ къ себѣ обѣдать и на чай, обѣщалъ ходатайствовать о производствѣ его въ офицеры, но за мое добро Сарафановъ отплатилъ мнѣ зломъ. Для полноты разсказа надобно здѣсь пояснить, что на дворѣ, противъ оконъ моего кабинета, построенъ былъ ротный цейхгаузъ, и подлѣ него стоялъ казенный ящикъ на колесахъ съ денежною ротною суммою, а возлѣ этого ящика будка и часовой. Въ ночь съ 12 на 13-е число сентября мѣсяца 1836 года, осматривая, въ точности ли наблюдается порядокъ службы, я нашелъ часоваго и въ караульной всѣхъ караульщиковъ спящими. Караульнымъ унтеръ-офицеромъ былъ тогда Сарафановъ. Я приказалъ его разбудить, и когда онъ вышелъ ко мнѣ сонный и полупьяный, наговоривъ мнѣ даже дерзостей, то я ему далъ нѣсколько пощечинъ и приказалъ посадить подъ арестъ. На другой день я разсудилъ, что опрометчиво поступилъ, поколотивъ дворянина, а потому призвалъ Сарафанова, просилъ у него извиненія, обѣщая представить его въ офицеры. Онъ со мною помирился, и, казалось, тѣмъ дѣло должно было кончиться. Но нѣсколько дней спустя, Сарафановъ сказался больнымъ и былъ отправленъ въ Псковскую градскую больницу. Дорогою онъ, вмѣстѣ съ провожавшимъ его рядовымъ, пьянствовалъ и, прибывъ въ городъ Псковъ, подалъ управляющему построеніемъ Динабургскаго шоссе, полковнику Фролову, жалобу на меня. Наряжено было слѣдствіе, на которомъ караульные нижніе чины показали слѣдователю, инженеръ-маіору Кашпиреву, что я, хотя кричалъ и бранился, но никого не билъ. Разумѣется, и я тоже показалъ въ моемъ объясненіи, которое отъ меня требовали. Однакожъ Сарафановъ этимъ не удовольствовался, но послалъ жалобу главноуправляющему, графу Толю, на меня и на незаконно произведенное безъ присяги слѣдствіе. Графъ Толь предписалъ предать унтеръ-офицера Сарафанова военному суду при псковскомъ гарнизонномъ батальонѣ. И вотъ возобновилось слѣдствіе подъ присягою; производились допросы почти всей роты нижнихъ чиновъ; Сарафановъ клеветалъ на меня и выдумывалъ разныя злоупотребленія, будто бы отъ меня происшедшія. Поляки, зачинщики бывшаго противъ меня заговора, подговаривали солдатъ объявлять на меня претензіи. Презусъ, ассессоръ военнаго суда и аудиторъ, считая меня богатымъ, подсылали ко мнѣ одного изъ своихъ офицеровъ сказать, что дѣло мое плохо, но можно его поправить, если я этого пожелаю. Здѣсь разумѣлось о денежныхъ сдѣлкахъ. Все это я объявилъ полковнику Фролову, который зналъ меня хорошо и, какъ

человѣкъ прозорливый, умный и честный, зная мои дѣйствія и правоту, понялъ, что все это дѣло сущая клевета. Благородный начальникъ мой сказалъ мнѣ, чтобъ я былъ спокоенъ и отнюдь не дарилъ ни аудитора, ни презуса, ни ассессоровъ. Въ то же время пріѣхалъ въ Псковъ для инспектированія роты начальникъ штаба корпуса путей сообщенія, генералъ-маіоръ Александръ Ивановичъ Мясоѣдовъ. Полковникъ ему разсказалъ, какъ производится военный судъ надъ Сарафановымъ, и что не его, а меня судятъ и стараются обвинить. Начальникъ штаба тоже приказалъ мнѣ быть покойнымъ.

Наконецъ, судъ окончился. Бывшіе въ караулѣ нижніе чины показали, что я дѣйствительно билъ унтеръ-офицера Сарафанова, а нѣкоторые изъ нижнихъ чиновъ роты показали (какъ я послѣ узналъ, подстрекаемые товарищами негодяями и изъ страха), что не сполна получали провіантъ и жалованье, что я употреблялъ нѣкоторыхъ въ собственныя работы, а казенныхъ лошадей для моихъ разъѣздовъ. Въ заключеніе же военнаго суда сказано, что «какъ по объявленію унтеръ-офицера Сарафанова капитанъ Погожевъ состоитъ съ полковникомъ Фроловымъ въ дружбѣ и кумовствѣ, то военно-судное дѣло представить прямо главнокомандующему путями сообщенія, графу Толю». Но графъ Толь препроводилъ это дѣло обратно на разсмотрѣніе и обсужденіе полковника Фролова, который, призвавъ меня къ себѣ, съ усмѣшкой подалъ мнѣ военно-судное дѣло, приказалъ написать объясненіе и выписку съ заключеніемъ. Въ это же время возвратился изъ Петербурга нашъ офицеръ, инженеръ-поручикъ Уреніусъ, который мнѣ дружески совѣтовалъ самому съѣздить въ Петербургъ и переговорить о моемъ дѣлѣ съ оберъ-аудиторомъ главнаго управленія путей сообщенія. Въ противномъ случаѣ я могу надѣлать себѣ ничѣмъ уже не поправимыхъ непріятностей и хлопотъ, потому что военно-судное дѣло произведено по всѣмъ правиламъ законовъ. Итакъ, представивъ полковнику Фролову составленное мною объясненіе съ выпискою изъ дѣла и заключеніемъ, отправился я въ Петербургъ. Дѣло уже было получено и поступило къ оберъ-аудитору. Начальникъ штаба мнѣ сказалъ, что хотя онъ знаетъ, что я правъ, но, всетаки, мнѣ надобно переговорить съ оберъ-аудиторомъ. Этотъ послѣдній принялъ меня съ строгою важностью, изъявилъ сожалѣніе, что при всемъ желаніи быть мнѣ полезнымъ, особенно по ходатайству начальника штаба, онъ не можетъ ничего для меня сдѣлать, потому что дѣло очень дурно. Я, не унывая, подалъ г. оберъ-аудитору завернутые въ бумагѣ 500 рублей ассигнаціями. Онъ, повидимому, сначала колебался оставить у себя эти деньги, съ минуту подумалъ, взялъ у меня изъ рукъ деньги, еще подумалъ и, когда я его увѣрилъ, что это останется между нами, и когда въ это же время дверь изъ залы въ кабинетъ отворилась, и онъ уви-

далъ въ смежной комнатѣ жену съ дѣтьми, то, вздохнувъ, пололожилъ деньги въ карманъ, подалъ мнѣ руку и сказалъ, чтобъ я былъ спокоенъ, что онъ вечеркомъ вмѣстѣ со мною займется моимъ дѣломъ. И дѣйствительно мы въ тотъ же вечеръ занялись, и вотъ сентенція, черезъ три дня утвержденная главнокомандующимъ графомъ Толемъ.

«Унтеръ-офицера Сарафанова за ложныя показанія и за буйство отдать въ корпусную арестантскую роту; презуса, ассессоровъ и аудитора за пристрастные допросы нижнихъ чиновъ оштрафовать занесеніемъ въ формулярные ихъ списки, а аудитора, сверхъ того, выдержать одинъ мѣсяцъ подъ арестомъ на гауптвахтѣ. Командиру роты капитану Погожеву сдѣлать выговоръ за допущеніе между подчиненными безпорядковъ». И представьте себѣ снисхожденіе графа Толя! Мнѣ этотъ выговоръ даже не напечатали въ приказахъ по корпусу, а передали черезъ управляющаго построеніемъ Динабургскаго шоссе, особымъ предписаніемъ.

Можетъ возникнуть вопросъ, откуда человѣкъ, не имѣющій состоянія и не взявшій за женою никакого приданаго, могъ дать 500 рублей ассигнаціями оберъ-аудитору? Скажу русскую пословицу или поговорку: «кто Богу не грѣшенъ—царю не виноватъ»,— но я имѣлъ доходы почти безгрѣшные, безъ вреда для работъ, безъ ущерба казнѣ, безъ обиды для солдатъ. Это доходъ отъ хозяйственныхъ распоряженій по заготовкѣ провіанта и аммуниціи, а главное— отъ разъѣздовъ, потому что я завелъ лошадей и экипажъ, слѣдовательно, оставались у меня прогонныя деньги. Но еще болѣе доставляло мнѣ способы къ жизни, болѣе чѣмъ безбѣдной, содержаніе станціи, какъ будетъ сказано ниже. Я забылъ сказать, что въ моемъ дѣлѣ съ Сарафановымъ много помогло и содѣйствовало къ моему оправданію то, что Сарафановъ, содержась на гауптвахтѣ, получивъ откуда-то деньги или употребилъ украденные имъ у поручика Лаврова 100 рублей ассигнаціями и напился пьянъ, причемъ перепоилъ всѣхъ арестантовъ, взбунтовалъ ихъ и, когда пришелъ дежурный по карауламъ капитанъ усмирять ихъ, Сарафановъ ударилъ его въ лице.

Въ 1838 году, апрѣля 18-го, я былъ переведенъ обратно, по просьбѣ моей, въ строительный отрядъ путей сообщенія, съ назначеніемъ состоять въ управленіи Динабургскаго шоссе, а въ томъ же году, декабря 5-го, произведенъ въ маіоры. Итакъ, сдавъ роту капитану Панкову, переѣхалъ я въ г. Псковъ. Сдача роты мнѣ стоила уступки моего дома, земли какъ при домѣ, такъ и пріобрѣтенной покупкою, 200 десятинъ, у помѣщика, князя Александра Николаевича Кейкуатова.

Въ 1835 году часть Динабургскаго шоссе отъ станціи Ѳеофиловой пустыни до г. Острова, на протяженіи 130 верстъ, была окончена, распредѣлены станціи и поставлены почтовыя лошади.

Котельницкая станція отъ моего сельца Перепутья была въ 13 верстахъ, и тамъ назначено 55 лошадей, содержаніе которыхъ съ торговъ въ казенной палатѣ взяли предсѣдатель Псковской уголовной палаты Николай Ивановичъ Мельницкій и товарищъ предсѣдателя гражданской палаты Дерюгинъ, по 1.800 рублей ассигнаціями за тройку. Цѣна весьма хорошая. Но, такъ какъ содержатели не имѣли надежнаго управляющаго, а поручили управленіе станціей смотрителю, который имѣлъ тоже своихъ двѣ тройки, то выгоды отъ станціи нельзя было ожидать. Сначала проѣзда было мало, а потому и прогоновъ собирали немного; шоссе не было укатано, и ноги лошадей отъ непривычки бѣгать по щебенкѣ портились; отъ недостатка же корма и небрежнаго смотрѣнія за лошадьми большая часть изъ нихъ заболѣла коростою. Я и прежде предлагалъ почтосодержателямъ принять меня въ часть, но они, надѣясь на большіе барыши, отказали въ томъ мнѣ. Когда же увидѣли на дѣлѣ, что, какъ говоритъ русская пословица: «хозяйскій глазокъ — лучшій смотрокъ», то и предложили мнѣ уже сами войти съ ними въ часть содержанія станціи, или принять мнѣ на себя часть г. Дерюгина. Я согласился на послѣднее; заплатилъ 2.500 рублей ассигнаціями за право содержанія половины станціи и за имѣющійся уже заготовленный фуражъ и, по заключеніи контракта, вступилъ въ управленіе станціею, смѣнивъ бывшаго смотрителя, и, разумѣется, черезъ почтовое начальство назначивъ старшаго моего дворовaго человѣка Лаврентія.

Немедленно перемѣнивъ нѣкоторыхъ ямщиковъ, я продалъ негодныхъ лошадей и купилъ нѣсколько троекъ отъ 600 до 1.000 р. ассигнаціями за тройку. И счастіе начало, видимо, благопріятствовать мнѣ; станція наша приняла другой видъ. Проѣздъ по шоссе началъ увеличиваться; черезъ четыре мѣсяца станція была уже въ отличномъ порядкѣ. Мы, русскіе, однако, по природѣ недовѣрчивы другъ къ другу: такъ случилось и въ общемъ моемъ съ г. Мельницкимъ содержаніи станціи. Мы съ нимъ вмѣстѣ осматривали станцію, повѣрили счеты и разочли, что черезъ 20 мѣсяцевъ, остающихся еще содержать станцію, можемъ мы имѣть чистаго барыша до 20 тысячъ рублей ассигнаціями.

Пріѣхавъ ко мнѣ въ домъ послѣ обѣда, Мельницкій вздумалъ выразить сомнѣніе относительно честности распоряжавшагося на станціи всѣмъ хозяйствомъ моего старосты и предложилъ мнѣ, чтобы и съ его стороны былъ староста. Это меня оскорбило, и я сказалъ, что не угодно ли ему дать мнѣ 10 тысячъ рублей ассигнаціями, и я уступлю ему мою часть.

Но Мельницкій возразилъ:

— Дайте мнѣ 12 тысячъ рублей ассигнаціями, я отступлюсь отъ моей части.

— Извольте, по рукамъ, я согласенъ,—возразилъ я, и бутылка шампанскаго скрѣпила наше условіе.

Итакъ, дѣло было рѣшено; я остался полнымъ хозяиномъ станціи и получилъ черезъ 20 мѣсяцевъ, за всѣми расходами, чистаго барыша 20 тысячъ рублей ассигнаціями, за исключеніемъ уплаченныхъ 2.500 рублей Дерюгину и 12 тысячъ Мельницкому.

Въ 1839 году, въ іюнѣ мѣсяцѣ, меня назначили распоряжаться на счетъ неисправныхъ подрядчиковъ по дирекціи Динабургскаго шоссе отъ г. Луги до г. Гатчины. Вслѣдствіе этого я и переѣхалъ въ г. Лугу. Но, зная, какъ надобно осторожно дѣйствовать насчетъ подрядчиковъ для избѣжанія жалобъ съ ихъ стороны, я оставался недѣли три безъ всякаго дѣйствія, ожидая рѣшительнаго требованія директора работъ, инженеръ-маіора Богушевскаго. Эта медленность была для меня очень полезна. Одинъ изъ подрядчиковъ, Устиновъ, по совѣту крючкодѣевъ, вѣроятно, предполагая, что я уже приступилъ къ обычнымъ распоряженіямъ, подалъ на меня жалобу главноуправляющему, что будто бы я умышленно распоряжаюсь во вредъ подрядчикамъ, отпуская рабочихъ съ работъ и объявляя, что казна будетъ таковыхъ нанимать по дорогой цѣнѣ.

По этому дѣлу прискакалъ въ г. Псковъ къ управляющему построеніемъ Динабургскаго шоссе курьеръ, и самъ полковникъ Фроловъ пріѣхалъ въ Лугу. Когда я къ нему явился, то онъ сердито спросилъ меня:

— Что это вы здѣсь, Василій Николаевичъ, надѣлали? — и объявилъ мнѣ о жалобѣ на меня Устинова.

Когда же я и директоръ работъ объяснили полковнику, что до сего времени никакихъ распоряженій еще не сдѣлано, и что я даже и на работахъ не былъ, то полковникъ отправилъ по этому дѣлу свое донесеніе главноуправляющему, а вслѣдъ за тѣмъ пріѣхалъ въ Лугу и самъ Устиновъ. Онъ просилъ униженно у меня извиненія, что по донесенію своего повѣреннаго невольно оклеветалъ меня. Полковникъ, бывши давно знакомъ съ Устиновымъ, бранилъ его за опрометчивость и совѣтовалъ для собственной его пользы просить меня распоряжаться на его счетъ.

Устиновъ убѣдительно меня объ этомъ просилъ, и я согласился съ тѣмъ, чтобъ при мнѣ безотлучно находился повѣренный его приказчикъ, но, само собою разумѣется, не тотъ, который меня оклеветалъ, а человѣкъ благонадежный и добросовѣстный. Я рѣшился за зло заплатить добромъ и, чтобъ дешевле нанять рабочихъ, отправился вмѣстѣ съ довѣреннымъ приказчикомъ въ Витебскую губернію. Тамъ я познакомился съ нѣкоторыми помѣщиками, скрылъ, что рабочихъ нанимаютъ на счетъ подрядчика—нанималъ и контрактовалъ рабочихъ вообще для работъ,—и этимъ сдѣлалъ подрядчикамъ значительную выгоду.

Я еще болѣе для нихъ сдѣлалъ. Всѣ закупки матеріаловъ поручилъ я дѣлать повѣренному и другимъ приказчикамъ, постоянно стараясь скрывать дѣйствія казны на счетъ ихъ. За эти хлопоты и труды подрядчики обѣщали мнѣ изъ суммы, употребленной во время моихъ распоряженій, 5%, но я былъ ими обманутъ, успѣвъ только едва вернуть расходы мои на разъѣзды. А между тѣмъ я много рисковалъ, потому что долженъ былъ безъ всякихъ документовъ выдавать тысячъ по двадцати серебромъ самому Устинову, его повѣренному и даже приказчикамъ его для закупки матеріаловъ.

По окончаніи работъ, осенью, совѣтовалъ я подрядчику Устинову и товарищу его предупредить распоряженія казны на счетъ ихъ, предваряя, что я рѣшительно откажусь отъ этого порученія, потому что не могу имъ быть полезенъ. Гг. подрядчики самонадѣянно и гордо отвѣчали, что они не допустятъ распоряженія казны на счетъ ихъ. Съ тѣмъ мы и разстались. Но предсказаніе мое сбылось. На слѣдующій годъ командированъ былъ для дѣйствія на счетъ ихъ членъ петербургскаго экономическаго комитета, Коневецкій, который жестоко наказалъ за меня клеветниковъ, передержавъ контрактную сумму ровно вдвое, а именно въ 600 тысячъ рублей ассигнаціями, такъ что для освобожденія залоговъ помѣщикъ Татищевъ внесъ 300 тысячъ рублей, а для уплаты другой половины была продана половина дома купца Устинова, у Семеновскаго моста, въ Петербургѣ. Въ томъ же, то-есть 1840 году, прикомандированъ я былъ состоять при с.-петербургскомъ хозяйственномъ комитетѣ и имѣлъ значительныя порученія хозяйственно заготовлять матеріалы и производить нѣкоторыя работы по окрестнымъ дорогамъ. Въ 1841 году имѣлъ я подобныя же порученія, но лѣтомъ могъ жить съ семействомъ на дачѣ, гдѣ препріятно проводилъ время. Двѣ дочери мои, Вѣра и Наталья, имѣли уже 7 и 6 лѣтъ и обнаруживали большія способности и особенную охоту къ музыкѣ и пѣнію. Бывало, услышатъ ли пѣніе няньки, колыбельной или другой пѣсни, пѣніе рабочихъ и мастеровыхъ, тонкій слухъ маленькихъ дѣвочекъ повторялъ съ точностью и вѣрностью пѣтые мотивы. Дѣтскихъ игръ въ куклы онѣ не любили, а если случалось играть съ сверстницами, то эти игры были нѣчто въ родѣ сценическихъ представленій. Часто обѣ малютки, увлеченныя въ игру другими дѣтьми, услыхавъ на улицѣ шарманку или пѣніе, оставляли игры и бросались къ окошку. И долго, долго, даже по уходѣ шарманки, обѣ дѣвочки оставались у окна въ задумчивости, какъ бы прислушиваясь къ исчезающему эху шарманки.

IX.

Назначеніе главноуправляющимъ путей сообщенія графа Клейнмихеля. — Размноженіе департаментовъ и переписки. — Стачки подрядчиковъ. — Проектъ хозяйственной заготовки матеріаловъ. — Гнѣвъ графа Клейнмихеля. — Командировка по выполненію порученія о пониженіи цѣнъ.—Аудіенція у графа Клейнмихеля. — Быстрый отъѣздъ на Московское шоссе. — Удачное выполненіе порученія и милостивый пріемъ у графа.—Неудовольствіе его и желчныя выходки.—Заступничество фрейлины.—Назначеніе контролеромъ въ департаментъ ревизіи сборовъ.

Когда скончался графъ Толь, то на мѣсто его назначенъ былъ главнокомандующимъ путей сообщенія дежурный генералъ главнаго штаба генералъ-адъютантъ графъ Петръ Андреевичъ Клейнмихель. Онъ сначала повернулъ круто всѣ дѣла и между многими выходками и оригинальными приказаніями напечаталъ, чтобъ отнюдь не было хозяйственныхъ распоряженій, такъ чтобы даже слово «хозяйственный» исключить изъ словаря вѣдомства путей сообщенія. Однакожъ, вскорѣ все пошло прежнимъ порядкомъ. Новыя распоряженія не уничтожили и не уменьшили зла и недостатковъ, а, увеличивъ число департаментовъ, умножили переписку; изгнали изъ корпуса путей сообщенія хорошихъ инженеровъ, наводнивъ корпусъ пришлецами изъ другихъ вѣдомствъ безъ спеціальнаго инженернаго образованія и выскочками хотя изъ того же корпуса, но съ посредственными познаніями и безъ надлежащей опытности. Департаментъ путей сообщенія раздробился на два — искусственный и хозяйственный; коммиссія проектовъ и смѣтъ и коммиссія ревизіи отчетовъ обращены въ департаменты; устроенъ новый департаментъ желѣзныхъ дорогъ. Раздѣленіе Россіи на округи и прибавленіе округовъ, а также расширеніе особенной канцеляріи главноуправляющаго вовсе безполезны, даже вредны, потому что это умножало переписку и замедляло теченіе дѣлъ. Еще безполезнѣе было переформированіе строительныхъ коммиссій въ губернскія строительныя и дорожныя коммиссіи съ огромнымъ штатомъ членовъ и чиновниковъ, ибо есть губерніи, гдѣ работъ производится на 10—15 тысячъ рублей, а содержаніе коммиссіи, съ разъѣздами чиновниковъ, стоитъ до 12 тысячъ рублей.

Всѣ петербургскіе подрядчики давно уже знали графа Клейнмихеля, особенно по работамъ возобновленія послѣ пожара императорскаго Зимняго дворца. Графъ любилъ сокращать выдачу денегъ, даже слѣдуемыхъ по контрактамъ, такъ что иные получали только половинную сумму. Поэтому многіе согласились отнюдь не понижать цѣнъ по вѣдомству путей сообщенія. И вотъ на торгахъ, бывшихъ въ с.-петербургскомъ экономическомъ комитетѣ, на зимнее содержаніе Московскаго шоссе и на поставку булыжнаго камня цѣны состоялись выше прошлогоднихъ. Графъ чрезвычайно былъ

этимъ недоволенъ и приказалъ вновь назначить торги и переторжку подъ наблюденіемъ вице-директора департемента искусственныхъ дѣлъ полковника Фролова, того самаго, что̀ былъ управляющимъ построеніемъ Динабургскаго шоссе. И на торгахъ, и на переторжкѣ подрядчики все оставались упрямы и непреклонны, не смотря на убѣжденія полковника Фролова, предсѣдателя Ельчанинова и другихъ членовъ комитета понизить цѣны хотя до прошлогоднихъ. Часы пробили уже четыре. Графъ приказалъ полковнику Фролову и предсѣдателю Ельчанинову представить ему журналъ о результатахъ переторжки въ тотъ же день, хотя бы это было въ двѣнадцатомъ часу ночи. Что дѣлать? Всѣ были въ недоумѣніи, какъ это уладить, и вотъ полковникъ Фроловъ, прохаживаясь со мною по комнатѣ присутствія, спросилъ меня, какъ бы я въ такихъ обстоятельствахъ поступилъ. Я сказалъ, что одно средство уничтожить, то-есть разрушить заговоръ или стачку подрядчиковъ—это отправиться на мѣста работъ и произвести зимнее содержаніе Московскаго шоссе и заготовку матеріаловъ хозяйственно.

— А развѣ вы забыли, Василій Николаевичъ, приказъ графа о хозяйственныхъ распоряженіяхъ?

— Нѣтъ, — отвѣчалъ я, — очень помню, но вы не упоминайте графу слово «хозяйственно», а скажите, что одно средство понизить цѣны — это заготовка матеріаловъ покупкою на мѣстахъ работъ изъ первыхъ рукъ, а производство зимняго содержанія шоссе наймомъ рабочихъ изъ мѣстныхъ жителей.

Съ тѣмъ мы и разстались. Полковникъ Фроловъ остался въ хозяйственномъ комитетѣ до полуночи, а я, какъ не членъ комитета, а только состоящій для особыхъ порученій, отправился домой.

На другой день, въ 6 часовъ утра, пріѣзжаетъ ко мнѣ на квартиру курьеръ отъ главноуправляющаго съ приказаніемъ немедленно явиться къ графу. Черезъ пять минутъ пріѣхалъ другой курьеръ изъ департамента искусственныхъ дѣлъ съ приглашеніемъ пожаловать въ департаментъ, и въ ту же минуту третій курьеръ изъ хозяйственнаго комитета съ требованіемъ меня въ комитетъ. Я сначала отправился въ хозяйственный комитетъ узнать о вчерашнемъ окончаніи переторжки. Въ присутственной комнатѣ я уже нашелъ всѣхъ членовъ и предсѣдателя, который встрѣтилъ меня сердитымъ взглядомъ и сурово спросилъ:

— Что это вы надѣлали, маіоръ? Вѣдь вы сами на себя накликали бѣду. Что вы теперь станете дѣлать? Какъ понизите цѣны на матеріалы, когда прошлогодніе подрядчики закупили ихъ и заподрядили?

— Не безпокойтесь обо мнѣ, г. предсѣдатель,—отвѣчалъ я учтиво, но съ твердостью,—дѣйствуя прямо и надѣясь на помощь Божію, я ничего и никого не боюсь и совершенно увѣренъ, что буду имѣть успѣхъ.

Тогда предсѣдатель смягчилъ тонъ и, привѣтливо взявъ меня за руку, пожелалъ мнѣ полнаго успѣха, но совѣтовалъ мнѣ лучше не дѣйствовать на удачу. Однако же о результатахъ переторжки онъ мнѣ ничего не сказалъ.

Я пошелъ въ департаментъ искусственныхъ дѣлъ и здѣсь привѣтливо и особенно ласково былъ принятъ товарищемъ главноуправляющаго генералъ-лейтенантомъ Рокасовскимъ, который, взявъ меня за руку, поздравилъ со вниманіемъ графа Клейнмихеля, а бывшій тутъ же полковникъ Фроловъ радушно обнялъ меня и, поблагодаривъ за удачный совѣтъ, разсказалъ о докладѣ графу предсѣдателемъ комитета о безуспѣшности торговъ, и что графъ, взбѣшенный этимъ, спросилъ предсѣдателя:

— Что-жъ вы думаете дѣлать, г. предсѣдатель хозяйственнаго комитета?

Этотъ, и безъ того уже сконфуженный, совсѣмъ растерялся и отвѣчалъ, что одно средство произвести заготовленіе матеріаловъ и зимнее содержаніе Московскаго шоссе хозяйственнымъ способомъ. Тутъ графъ, бывшій уже въ большой досадѣ, вскочилъ съ креселъ, ударилъ кулакомъ по столу, лице его позеленѣло, глаза налились кровью, губы искривились, и онъ вскричалъ:

— Какъ! Вы хотите грабить государственную казну? Вы хотите меня дурачить и порочить? Вонъ! Завтра же я уничтожу комитетъ!

Послѣ, нѣсколько успокоившись, онъ спросилъ полковника Фролова:

— А вы что думаете, г. полковникъ? Вѣрно, тоже скажете мнѣ о хозяйственныхъ распоряженіяхъ?

Но Фроловъ смѣло отвѣчалъ:

— Нѣтъ, ваше сіятельство, мое мнѣніе отправить на мѣста работъ опытнаго чиновника для пріобрѣтенія матеріаловъ покупкою изъ первыхъ рукъ, а работы произвести наймомъ мѣстныхъ жителей.

Этотъ отвѣтъ, хотя только перефразированный изъ словъ предсѣдателя, чрезвычайно понравился графу, и онъ, взявъ Фролова за руку, весело сказалъ:

— Вотъ это превосходно ты придумалъ [1]). Но кого же мы пошлемъ? Знаешь ли ты кого нибудь способнаго на это дѣло?

— Я давно уже знаю,—отвѣчалъ Фроловъ,—строительнаго отряда маіора Погожева и увѣренъ, что онъ это порученіе выполнитъ удачно. Но осмѣлюсь доложить вашему сіятельству, что наши офицеры такъ часто отбираютъ подписки отъ мѣстныхъ жителей, что не угодно ли будетъ вмѣстѣ съ маіоромъ Погожевымъ командиро-

---

[1]) Графъ, когда кѣмъ изъ подчиненныхъ былъ доволенъ, то говорилъ ему «ты».

вать чиновника особыхъ порученій вашего сіятельства съ денежною суммою и съ уполномочіемъ дѣйствовать рѣшительно?

Графъ на это согласился.

— Вотъ, Василій Николаевичъ, вашъ товарищъ по новому порученію,—сказалъ Фроловъ, подводя ко мнѣ молодаго, ловкаго, въ придворномъ вицъ-мундирѣ чиновника.

Это былъ камеръ-юнкеръ двора его величества Евгеній Петровичъ Вонлярлярскій, колежскій совѣтникъ и чиновникъ особыхъ порученій главноуправляющаго путями сообщенія и публичными зданіями. Мы съ нимъ познакомились, и онъ меня въ тотъ же день приглашалъ къ себѣ обѣдать, но я отказался, сказавъ, что, для ускоренія нашего отъѣзда, мнѣ необходимо окончить сдачу дѣлъ и отчетовъ по имѣвшимся у меня отъ комитета порученіямъ. Мы съ Вонлярлярскимъ отправились вмѣстѣ къ графу, и хотя было еще только 10 часовъ утра, но его уже не застали. Онъ уѣхалъ къ государю императору съ докладомъ, а дежурный адъютантъ намъ сказалъ, что графъ изволилъ приказать намъ пріѣхать къ нему въ 7 часовъ вечера.

Пріѣзжаю въ 7 часовъ и уже нахожу здѣсь г. Вонлярлярскаго. Входимъ въ кабинетъ. Графъ, въ сюртукѣ безъ эполетъ, съ зеленымъ зонтомъ на глазахъ, сидѣлъ у письменнаго стола, а возлѣ него стоялъ въ писарскомъ сюртукѣ съ галунами извѣстный писарь Ивановъ. Графъ ласково встрѣтилъ меня и сказалъ:

— Предсѣдатель комитета хотѣлъ надуть меня хозяйственными распоряженіями, но полковникъ Фроловъ рекомендовалъ мнѣ васъ, маіоръ; и я поручаю вамъ сбить съ толку этихъ мерзавцевъ, этихъ жидовъ-подрядчиковъ. Вамъ Фроловъ передалъ уже мои приказанія, и я увѣренъ, что вы меня поняли, чего я желаю. Прощайте! До свиданія! Поѣзжайте съ моимъ чиновникомъ; на содержаніе расходуйте деньги изъ общихъ суммъ, которыя вамъ отпустятся, а послѣ подайте мнѣ счетъ. Я все приму на счетъ казны.

Онъ поклонился, и я съ веселыми надеждами отправился домой.

Окончивъ сдачу имѣвшихся у меня на рукахъ дѣлъ, я уже на третій день послѣ даннаго мнѣ предписанія летѣлъ съ Вонлярлярскимъ по Московскому шоссе въ коляскѣ на четверкѣ курьерскихъ лошадей. Одинъ курьеръ сидѣлъ у насъ на козлахъ, другой ѣхалъ впереди заготовлять намъ лошадей. Вездѣ на станціяхъ ожидали проѣзда графа Клейнмихеля, а потому едва мы только подъѣзжали къ станціи, какъ передовой курьеръ скакалъ далѣе, а намъ впрягали свѣжихъ лошадей. Въ гостинницахъ готовы были особые обѣды и закуски; всѣ директора и производители работъ, если не по должности, то «ради страха іудейска», представлялись мнѣ и Вонлярлярскому. Ужъ, конечно, это не слѣдовало бы, но имъ предписано было содѣйствовать въ нашемъ порученіи, да и боязнь, чтобы мы графу чего либо дурнаго не наговорили о шоссе, побу-

ждала даже старшихъ меня чиномъ являться ко мнѣ въ полной формѣ.

Но любопытнѣе всего, какъ Богъ помогъ мнѣ удачно окончить графское порученіе.

Вонлярлярскій, женатый на дочери графа Буксгевдена и состоящій въ родствѣ съ фрейлиной двора ея величества Нелидовою, не зналъ, какъ приняться за дѣло, и предоставилъ мнѣ дѣйствовать, какъ мнѣ заблагоразсудится, а самъ оставался спокойнымъ зрителемъ моихъ продѣлокъ. Что-жъ я сдѣлалъ? Предстояло исполнить двѣ операціи: 1) пріискать желающихъ взять на себя зимнее содержаніе Московскаго шоссе; 2) закупить булыжнаго камня и нанять рабочихъ на разбивку его въ щебень для лѣтняго ремонта шоссе. Въ это время явился ко мнѣ московскій мѣщанинъ Бѣлоусовъ, которому не задолго передъ этимъ далъ я заимообразно 2 тысячи рублей ассигнаціями для найма вмѣсто него рекрута. Этому мѣщанину я поручилъ зимнее содержаніе 40 верстъ шоссе около Петербурга, приказавъ нанимать рабочихъ для расчистки снѣга и покупать булыжный камень съ разбивкою въ щебень, для чего и далъ ему примѣрно денегъ. Потомъ мы съ Вонлярлярскимъ взяли съ собою отставнаго титулярнаго совѣтника, служившаго нѣкогда въ корпусѣ путей сообщенія по дорожной части смотрителемъ на старомъ московскомъ трактѣ, и одного молодаго десятскаго изъ рабочихъ, бывшаго у меня въ родѣ писаря, государственнаго крестьянина. Чиновникъ и молодой крестьянинъ ѣхали за нами въ телѣгѣ на особой тройкѣ почтовыхъ лошадей и были въ видѣ подставныхъ подрядчиковъ. Пріѣзжая на станцію или въ другое мѣсто, гдѣ надлежало нанимать рабочихъ или покупать булыжный камень, я предлагалъ за это цѣну, и если мѣстные жители упрямились, ссылаясь на подрядчиковъ, которые обѣщались имъ дать дороже, то я показывалъ на возимыхъ за нами подрядчиковъ, которые будто соглашаются принять на себя весь подрядъ по назначеннымъ нами цѣнамъ. Эта хитрость мнѣ почти всегда удавалась, особенно, когда я высыпалъ изъ мѣшка серебряныя деньги и предлагалъ немедленно получать задатки.

Такимъ порядкомъ мы почти на всемъ протяженіи шоссе отъ Петербурга до Москвы въ самое короткое время успѣшно сдѣлали заподряды, кромѣ содержанія зимою шоссе въ мѣстахъ около Валдайскихъ горъ, гдѣ я поставилъ съ деньгами молодаго государственнаго крестьянина Исленьева для поденнаго найма мѣстныхъ жителей, въ случаѣ надобности расчищать снѣгъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ закупать и булыжный камень. А около Москвы нашли подрядчика молодаго купеческаго сына, который, подъ руководствомъ стараго титулярнаго совѣтника, принялъ на себя зимнее содержаніе шоссе и заготовку булыжника по контракту, съ надлежащимъ залогомъ.

Итакъ, наша экспедиція съ Вонлярлярскимъ окончилась въ три недѣли самымъ блистательнымъ образомъ. Мы сдѣлали сбереженія казнѣ, противъ прошлогоднихъ цѣнъ, на 200 тысячъ рублей. Графъ встрѣтилъ меня весьма привѣтливо, и я уже надѣялся считаться при немъ для особыхъ порученій. Но, увы, языкъ мой— врагъ мой. Графъ представилъ насъ за значительное сбереженіе казеннаго интереса къ наградамъ, и я получилъ 2 тысячи рублей, а Вонлярлярскій орденъ св. Владиміра 4-й степени и 5 тысячъ рублей. Адъютантъ графа, поручикъ Герценшвейгъ, разговаривая со мною до выхода графа, спросилъ меня, насмѣшливо улыбаясь: доволенъ ли я моею наградою. И я отвѣчалъ простодушно, что, разумѣется, доволенъ, потому что, по русской пословицѣ, «лучше маленькая рыбка, чѣмъ большой тараканъ».

Это передано было графу, и его сіятельство обидѣлся, какъ онъ выразился, моею неблагодарностью. Къ этому-жъ подоспѣли и другія непріятности. Согласно словамъ графа мы съ Вонлярлярскимъ не жалѣли денегъ на содержаніе свое и особенно въ Москвѣ жили въ довольствѣ; но когда Вонлярлярскій подалъ графу расчетъ объ издержанныхъ деньгахъ, то графъ сказалъ:

— Это что? Какіе у васъ расходы? Вѣдь вы съ Погожевымъ получали на шесть лошадей прогоны, а потому могли на тройкѣ ѣхать, а прогоновъ на другую тройку достаточно было для содержанія.

Вонлярлярскій обидѣлся этимъ и сказался больнымъ. Графъ взбѣсился на это, назвалъ его неблагодарнымъ и приказалъ немедленно явиться къ нему. Тогда жена Вонлярлярскаго, боясь угрозъ и крутаго характера графа, поѣхала во дворецъ къ кузинѣ своей Нелидовой и возвратилась съ утѣшеніемъ, что мужу ея нечего бояться графа. Но своенравный и желчный графъ послалъ къ Вонлярлярскому своего адъютанта, приказавъ ему привезти къ нему Вонлярлярскаго «живаго или мертваго». Я въ это время обѣдалъ у Вонлярлярскаго, и онъ, и все его семейство опасались болѣе за меня, чтобъ графу не вздумалось на мнѣ выместить свою досаду. Жена Вонлярлярскаго тотчасъ послала записку къ Нелидовой, описывая ей происходящее и требованіе графа, а также опасеніе за меня. Черезъ полчаса былъ полученъ отвѣтъ на записочкѣ слѣдующаго содержанія: «Пусть Евгеній (т. е. Вонлярлярскій) подаетъ въ отставку; скажите, что и Погожевъ безъ мѣста не будетъ».

Вслѣдъ за этимъ пріѣзжаетъ братъ Вонлярлярскаго, штабсъ-капитанъ Преображенскаго полка, проситъ брата съѣздить къ графу, сказавъ, что этимъ дѣло и кончится, что графъ на него менѣе сердитъ, чѣмъ на меня, потому что сказалъ:

— Я знаю, что это штуки Погожева! Онъ большой интриганъ; привези ко мнѣ брата, я съ нимъ помирюсь.

Дѣйствительно, Вонлярлярскій поѣхалъ къ графу, который его встрѣтилъ съ распростертыми объятіями, со слезами на глазахъ, расцѣловалъ его, и кончилось тѣмъ, что графъ, повѣривъ, что я всему причиною, прибавилъ, что онъ меня отъ него удалитъ, потому что, вѣроятно, уже онъ понялъ порядокъ совершенія подрядовъ и можетъ дѣйствовать одинъ. Вслѣдствіе чего я на другой день былъ назначенъ контролеромъ въ искусственное отдѣленіе департамента ревизіи отчетовъ.

Но, хотя я навѣрное зналъ, что братья Вонлярлярскіе сложили въ этомъ дѣлѣ всю вину на меня, но я не показывалъ даже и вида неудовольствія, а потому постоянно былъ вхожъ въ домъ Евгенія Петровича Вонлярлярскаго, гдѣ часто обѣдалъ и по вечерамъ занимался его подрядными дѣлами. И такъ какъ двѣ мои дочери, Вѣра и Наталья, начинали уже порядочно играть на фортепіано, то Вонлярлярскій просилъ меня пріѣхать вмѣстѣ съ ними на вечеръ. Я пріѣхалъ съ дочерьми; онѣ сыграли двѣ піесы въ четыре руки на фортепіано; старшая продекламировала монологъ изъ «Параши Сибирячки»—прощаніе ея съ родительскимъ домомъ—и наконецъ обѣ сыграли піеску: «Хочу быть актрисой или двое за шестерыхъ». Все общество восхищено было смѣлыми и талантливыми дѣтьми, обѣщающими много въ будущемъ.

Всѣ хвалили и ласкали малютокъ. Старшей, Вѣрѣ, было тогда 8 лѣтъ, младшей, Натальѣ, 7 лѣтъ. Особенно обласкала моихъ дочерей высокая, миловидная, стройная, привѣтливая фрейлина Нелидова и просила меня привезти къ ней моихъ дочерей. Многіе меня поздравляли съ будущимъ счастіемъ моихъ дочерей, но я этимъ счастіемъ не воспользовался, по ложному самолюбію, чтобы не быть въ зависимости отъ протекціи, но чтобы дочери мои достигали успѣха собственными талантами. Я даже и не поѣхалъ къ Нелидовой, ни одинъ, ни съ дочерьми.

Н. В. Погожевъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНІЯ В. Н. ПОГОЖЕВА [1].

XI.

Музыкальные успѣхи моихъ дочерей.— Дѣтская переписка.— Мысль о поѣздкѣ за границу для музыкальнаго образованія дочерей.—Служебныя занятія въ Петербургѣ и музыкальныя вечеринки.

Болѣе года жившая у насъ гувернантка, умная, скромная, образованная нѣмка, Марія Христіановна Розенталь, добросовѣстно заявила, что дочери мои имѣютъ такія музыкальныя способности, что надобно взять учителя музыки. Мы взяли учителя, который училъ на фортепіано дочерей родственницы нашей Елизаветы Алексѣевны Степановой,—Ѳедора Зибольдта. Подъ его руководствомъ дочери мои сдѣлали успѣхи неимовѣрные. Черезъ полгода онѣ хорошо читали ноты и играли a prima vista трудныя пьесы; даже исполняли дуэты со скрипкой и флейтой и тріо со скрипкой и віолончелью.

Двоюродная сестра нашей гувернантки, Христіана Васильевна Проворова, по второму мужу Кейтъ, во время посѣщенія сестры, услыхавъ игру моихъ дочерей, удивлена была бѣглостью, чистотою и выраженіемъ въ исполненіи трудныхъ пьесъ. Она шутя сказала, чтобъ дочери мои устроили дѣтскій концертъ въ пользу дѣтей Василеостровскаго пріюта, котораго она была начальницей. Мы пошутили, посмѣялись, тѣмъ дѣло и кончилось. Но, проѣзжая

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LIII, стр. 84.

зимою, когда я катался съ дѣтьми въ саняхъ, мимо Васильеостровскаго пріюта, я приказалъ остановиться у подъѣзда... Впрочемъ, приведу лучше два письма Вѣры и Натальи Погожевыхъ къ двоюродной сестрѣ Людмилѣ, дочери брата моего Петра Николаевича. Въ нихъ простодушно описаны музыкальные дѣтскіе концерты.

Письмо первое.

«Милая Людмила! Спѣшу увѣдомить тебя, что нашъ первый дѣтскій концертъ кончился счастливо. Намъ съ Наташей такъ было весело готовиться къ этому концерту, а теперь еще веселѣе, когда все такъ хорошо кончилось. Папенька намъ часто говоритъ, что мы должны усовершенствовать наши дарованія для прославленія имени Божія и на пользу ближнимъ. Сегодня я разскажу тебѣ, какъ мы съ Наташей начали быть полезными нашимъ ровесницамъ, дѣтямъ пріютовъ. Прошлою зимою мы съ папенькою поѣхали кататься въ саняхъ. Проѣзжая по 10-й линіи Васильевскаго острова, мы увидѣли на одномъ домѣ надпись: «2-й дѣтскій Васильеостровскій пріютъ». Мы съ Наташей стали разспрашивать папеньку, что̀ это такое пріютъ. И добрый папенька, вмѣсто отвѣта, приказалъ кучеру остановиться у подъѣзда этого дома. Мы встаемъ изъ саней, всходимъ по чистой лѣстницѣ, усастый солдатъ снимаетъ съ папеньки шубу, а съ насъ салопы. Высокая и миловидная дама встрѣчаетъ насъ въ дверяхъ зала; входимъ въ залъ, и множество мальчиковъ и дѣвочекъ, съ самыми веселыми личиками, радостно и въ одинъ голосъ поздоровались съ нами.

«Ахъ, милая Людмилочка! Какъ мы съ Наташей благодарны папенькѣ за то удовольствіе, которое онъ доставилъ намъ. Добрыя, милыя дѣти пріюта, чисто и опрятно одѣтыя, веселенькія, здоровенькія, такъ ласково на насъ смотрѣли, что намъ съ Наташей не хотѣлось разстаться съ ними. И если бы ты знала, какъ хорошо эти малютки знаютъ священную исторію и русскую исторію, ты удивилась бы. Папенька дѣлалъ имъ нѣсколько вопросовъ, и они отвѣчали на все скоро и внятно. Потомъ надзирательница (та дама, которая встрѣтила насъ при входѣ въ залъ) приказала дѣтямъ пѣть, и всѣ они премило запѣли божественный гимнъ: «Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ», и потомъ эту прекрасную пѣсню, которую мы съ тобой такъ любимъ: «Боже, Царя храни».

«Слушая это пѣніе, я сама не знаю—отчего прослезилась, но въ то же время мнѣ было и весело. Гляжу на Наташу, и у ней на глазахъ слезы; Наташа весело смотритъ, а тоже на глазахъ слезы; мнѣ очень весело, а тоже на глазахъ слезы. Возвратясь домой, разспрошу объ этомъ у папеньки. Мы простились съ доброю надзирательницею и дѣтьми и, возвратясь домой, подробно обо всемъ разсказали милой нашей больной маменькѣ. Я спраши-

вала у папеньки, отчего во время пѣнія дѣтей пріюта у всѣхъ насъ были на глазахъ слезы, а при всемъ томъ намъ было и весело. Папенька намъ сказалъ, что слезы наши происходили отъ душевнаго умиленія, то-есть оттого, что намъ пріятно было смотрѣть на дѣтей, съ такою радостью поющихъ гимны Богу и Царю. Папенька разсказалъ намъ, что этотъ пріютъ не одинъ въ Петербургѣ, а ихъ четырнадцать. Кромѣ того, есть нѣсколько пріютовъ въ Москвѣ и во многихъ губернскихъ городахъ. Въ пріюты принимаются дѣти такихъ бѣдныхъ родителей, которые безъ этихъ прекрасныхъ заведеній не знали бы, что̀ дѣлать съ своими малютками. Они оставались бы дома безъ всякаго призрѣнія и, можетъ быть, терпѣли бы холодъ и голодъ и, выростая, должны были бы просить милостыню, а иныя безъ этого надзора, можетъ быть, сдѣлались бы дѣтьми очень дурными. Услышавъ все это, мы съ Наташей заплакали уже не на шутку. Намъ стало жалко бѣдныхъ дѣтей; но папенька обнялъ насъ и утѣшилъ, сказавъ, что добрая государыня наша, императрица Александра Ѳеодоровна, взяла подъ свое покровительство этихъ бѣдныхъ дѣтей, и многія знатныя и богатыя дамы, вмѣстѣ съ главною между ними попечительницею, графинею Юліей Петровной Строгановой, заботятся, какъ добрыя маменьки, о счастіи дѣтей пріютовъ.

«Мы съ Наташей стали просить папеньку научить насъ, какъ бы и намъ помочь чѣмъ нибудь дѣтскимъ пріютамъ, но папенька намъ отвѣчалъ, что онъ не можетъ ничего удѣлить отъ небольшаго жалованья своего на службѣ, но что мы сами можемъ быть полезными дѣтямъ пріюта, если станемъ прилежно заниматься музыкою и, когда учитель намъ позволитъ, дадимъ въ пользу пріюта дѣтскій музыкальный вечеръ.

«Этого было довольно для насъ. Мы съ Наташей начали такъ прилежно заниматься музыкою, что мѣсяца черезъ три учитель нашъ, г. Зибольдтъ, позволилъ намъ сыграть нѣсколько пьесъ въ дѣтскомъ концертѣ, который взялся устроить папенька. Онъ написалъ графинѣ Ю. П. Строгановой письмо о желаніи нашемъ составить дѣтскій музыкальный вечеръ въ пользу Васильеостровскаго пріюта, и графиня съ большимъ удовольствіемъ согласилась на это и очень хвалила Наташу и меня за такое намѣреніе. Князь Голицынъ, живущій на Большой Милліонной, далъ намъ свой залъ съ освѣщеніемъ. Мы съ Наташей начали весело готовиться къ концерту. Ты уже знаешь всѣ пьесы, которыя тогда были играны и пѣты, потому что мы послали тебѣ съ твоимъ папенькой маленькую афишку. Наступилъ день концерта: 28-е марта. По утру въ 11 часовъ папенька повезъ насъ въ каретѣ на репетицію, которая прошла удачно, и вечеромъ, въ 6 часовъ, мы опять пріѣхали въ концертный залъ, гдѣ горѣло уже множество свѣчъ и лампъ. Вскорѣ начали собираться и посѣтители, пріѣхала и

графиня Ю. П. Строганова со многими знатными дамами и кавалерами. Музыка заиграла увертюру, и, когда она кончилась, князь Мурузи, супруга котораго — попечительница во 2-мъ Васильеостровскомъ пріютѣ, вывелъ меня изъ боковой комнаты. Когда меня увидѣли, то захлопали въ ладоши такъ громко, что голова моя чуть не закружилась. Однакожъ скоро это прошло, и мнѣ стало еще веселѣе, нежели было прежде. Я поклонилась такъ хорошо, какъ только умѣла, и сѣла за рояль, который былъ такъ хорошъ, что ты заслушалась бы, если бы заиграла на немъ и одни аккорды. Но вотъ я сѣла, сняла бѣлыя перчатки, обшитыя розовыми ленточками; ударила по клавишамъ и боялась взглянуть куда нибудь, кромѣ нотъ. Я сыграла, кажется, довольно хорошо, потому что мнѣ очень много хлопали. Потомъ мы съ Наташей играли въ четыре руки двѣ пьесы и, кромѣ того, я опять играла одна. Участники въ нашемъ концертѣ—воспитанники 3-й гимназіи: Шмидтъ (ученикъ Маурера) игралъ на скрипкѣ, а Михаелисъ пѣлъ двѣ мелодіи Вейрауха и Шуберта. Намъ всѣмъ очень много апплодировали, но болѣе всего Шмидту: онъ чудесно играетъ на скрипкѣ. Всѣ знатоки музыки безпрестанно твердили:

— «Прекрасно! Браво! Онъ играетъ просто и благородно.

«Ахъ, если бы ты знала, Людмилочка, какъ добра графиня Строганова. Въ то время, когда мы послѣ концерта пили чай въ гостиной князя Голицына, она такъ ласкала и хвалила меня и Наташу, что я не знала, какими словами благодарить ее. На третій день послѣ концерта папенька повезъ насъ къ ней. Если бы ты могла вообразить себѣ, какія у нея чудесныя комнаты! Какъ онѣ убраны! Нѣтъ, я не могу описать этого. Черезъ нѣсколько такихъ комнатъ насъ провели въ кабинетъ графини, гдѣ она слушала докладъ по дѣламъ пріютовъ. Она опять обласкала насъ, спрашивала о маменькѣ нашей, и когда папенька отвѣчалъ, что она почти всегда бываетъ больна, графиня сказала:

— «Надобно позаботиться о вашихъ дѣтяхъ.

«Вскорѣ пришелъ и самъ графъ Строгановъ, и мы съ Наташей при немъ и при графинѣ играли въ четыре руки rondo. Наконецъ, доложили графинѣ о пріѣздѣ какой-то знатной дамы. Графъ поблагодарилъ папеньку за удовольствіе, которое доставила ему наша игра, и ушелъ на свою половину. Мы распростились съ графиней и поѣхали къ княгинѣ Мурузи, о которой я уже говорила тебѣ. Княгиня также осыпала насъ ласками и подарила намъ прелестную корзинку съ конфектами. Прощай, милая Людмила, цѣлую тебя. Твой другъ и сестра Вѣра Погожева».

Письмо второе.

«Милая Людмила! Папенька получилъ письмо отъ графини Ю. П. Строгановой; она благодаритъ его за первый концертъ, отъ

котораго за всѣми расходами собрано въ пользу 2-го Васильеостровскаго дѣтскаго пріюта 830 рублей. Подумай, что мы съ Наташей могли доставить столько денегъ бѣднымъ дѣтямъ, которыя ходятъ въ этотъ пріютъ.

«Графиня пишетъ, что имена наши будутъ занесены въ списки тѣхъ лицъ, которыя дѣлаютъ какое нибудь добро дѣтскимъ пріютамъ. А вѣдь этотъ списокъ подносятъ государынѣ! Какое счастіе для насъ! Могли ли мы ожидать когда нибудь этого!

«Въ концѣ письма графини вотъ что сказано:

«Такимъ образомъ навсегда сохранится въ вѣдомствѣ дѣтскихъ пріютовъ достойный для подражанія примѣръ Вѣры и Натальи Погожевыхъ, положившихъ первые плоды прекраснаго ихъ таланта на алтарь благотворенія».

«Наташу и меня въ этомъ письмѣ называютъ маленькими артистками: это было намъ и смѣшно, и весело! Папенька говоритъ, что такъ какъ теперь всѣ очень любятъ музыку, то дѣтскіе концерты разовьютъ музыкальные таланты и возбудятъ въ дѣтяхъ охоту учиться музыкѣ основательно, а не только играть такія пьески, которыя легко можно вытвердить. Мы уже чувствуемъ справедливость папенькиныхъ словъ. Послѣ концерта Наташа и я охотнѣе учимся музыкѣ, полюбили нашъ рояль, свыклись съ нимъ и охотно играемъ каждый день по три часа. Сидѣть за роялемъ для насъ сдѣлалось также необходимо, какъ пить чай или обѣдать. Папенька затруднялся достать хорошій рояль, но добрый К. Виртъ продалъ намъ одинъ изъ своихъ прекрасныхъ роялей, съ уплатою ему денегъ по мѣрѣ возможности. Мы играемъ экзерциціи Бертини, Черни и нѣсколько Крамера, много пьесъ въ двѣ и четыре руки, а также нѣсколько тріо съ аккомпанементомъ віолончели и скрипки, много дуэтовъ со скрипкою, а я играю три пьесы съ квартетомъ, которыя можно играть и съ оркестромъ.

«Болѣе всѣхъ поощряетъ насъ учитель музыки и А. А. К., который и самъ играетъ на скрипкѣ; я съ нимъ иногда играю дуэты. Ахъ, милая Людмила, какіе безподобные квартеты составляются у К. Въ одинъ вечеръ мы были у него и играли въ дѣтской съ дѣтьми его. Вдругъ слышимъ чудесную музыку. Въ одну минуту бросили нашу игру и хотѣли войти въ залъ. Но не тутъ-то было: двери были заперты. Однакожъ папенька упросилъ впустить насъ, и мы долго слушали квартетъ, въ которомъ играли, кромѣ самого хозяина, віолончелистъ Д. и два генерала, одинъ военный, другой штатскій; оба со звѣздами [1]). Чудо, какъ хорошо они играли!

---

[1]) Дробишъ, генералъ-адъютантъ Шильдеръ и тайный совѣтникъ Андрей Андреевичъ Карнѣевъ.

«Надобно разсказать тебѣ также, что мы съ папенькой были въ «Дѣтскомъ образцовомъ пріютѣ». Здѣсь дѣти согласнѣе поютъ, нежели въ другихъ пріютахъ, и комнаты лучше и красивѣе, а все другое, кажется, одинаково во всѣхъ пріютахъ. Этотъ пріютъ содержитъ на свой счетъ баронъ Штиглицъ. Папенька говорилъ, что онъ большой богачъ. Попечительницею этого пріюта состоитъ сама графиня Ю. П. Строганова. Отсюда мы съ папенькой отправились въ пріютъ имени покойной великой княгини Александры Николаевны. Здѣсь мы написали въ книгѣ, что желаемъ въ память земнаго ангела, улетѣвшаго на небо, составить въ пользу дѣтей этого пріюта дѣтское музыкальное утро; а папенька прибавилъ, что онъ благословляетъ насъ на доброе дѣло.

«По письму папеньки, графиня Ю. П. Строганова испрашивала соизволенія государыни императрицы, и ея величество съ благоволеніемъ изволила принять вызовъ папеньки устроить дѣтскій концертъ. И этотъ кончился, слава Богу, хорошо. Онъ былъ 10-го декабря, въ залѣ г-жи Энгельгардтъ. Насъ выводилъ изъ боковой комнаты директоръ пріюта докторъ К. К. Гофманъ. Въ этомъ концертѣ участвовалъ Александръ Тюфяевъ, сынъ полковника, однослуживца папеньки, и воспитанникъ 3-й гимназіи Шмидтъ, что̀ игралъ на скрипкѣ въ первомъ концертѣ. Онъ теперь игралъ двѣ пьесы, и ему много апплодировали. Я играла большой дивертисментъ Тальберга съ аккомпанементомъ волторны и оркестра. Эту пьесу думали было играть съ віолончелью, но папенька не могъ пріискать хорошаго віолончелиста, а потому и пригласилъ волторниста Большаго театра г. Гомеліуса. Когда онъ въ первый разъ у насъ на домашней репетиціи началъ настраивать волторну, то мы всѣ вздрогнули; особенно испугались сестра Сонечка и братъ Петя, но когда г. Гомеліусъ заигралъ соло, то это чудо, какъ хорошо и пріятно было. По мнѣ такъ лучше аккомпанементъ на волторнѣ, нежели на віолончели. Потомъ маленькій Тюфяевъ, сестра Наташа и я играли на роялѣ въ шесть рукъ варіаціи Черни, потомъ я играла концертъ Черни съ аккомпанементомъ оркестра и, наконецъ, дѣти пріюта пропѣли: «Боже, царя храни». Намъ всѣмъ много апплодировали и, кажется, всѣ остались довольны концертомъ; пѣніе же дѣтей просили повторить... Намъ съ Наташей было очень весело во время концерта, особенно, когда графиня Строганова подозвала насъ къ себѣ, ласкала насъ и обѣщалась постараться о томъ, чтобы Наташу и меня приняли въ Патріотическій институтъ. Намъ очень этого хочется: мы стали бы очень прилежно учиться. Кажется, такъ весело тамъ, гдѣ такъ много дѣвицъ учатся вмѣстѣ. Но папенькѣ жаль съ нами разстаться, маменька же говоритъ, что въ этомъ случаѣ надобно положиться на Промыслъ Божій и на покровительство такой знатной дамы, какъ графиня Ю. П. Строганова.

«Можетъ быть, у насъ будетъ и третій дѣтскій концертъ: папенькѣ хочется устроить это, и онъ надѣется, что одна дама, у которой прекрасный голосъ, будетъ участвовать въ этомъ концертѣ. Прощай, милая Людмила. Твой другъ и сестра Вѣра Погожева».

Эти письма показываютъ, какое блестящее начало на музыкальномъ поприщѣ сдѣлали мои дочери, имѣя только отъ роду старшая 10, младшая 9 лѣтъ. Но я вовсе не располагалъ сдѣлать ихъ артистками, а признаюсь, что цѣль дѣтскихъ концертовъ была—обратить на нихъ вниманіе государыни императрицы, опредѣлить ихъ въ какой либо императорскій дѣвичій институтъ. Но всѣ мои старанія были безуспѣшны, и ходатайство попечительницы С.-Петербургскихъ дѣтскихъ пріютовъ графини Ю. П. Строгановой не помогло, потому что на представленіе совѣта дѣтскихъ пріютовъ полученъ отказъ по неимѣнію въ институтахъ ваканціи.

Лучшіе артисты и учителя музыки и извѣстные любители совѣтовали мнѣ усовершенствовать музыкальные таланты моихъ дочерей. Однакожъ я все еще не думалъ ѣхать за границу, а потому, по случаю отъѣзда изъ Петербурга за границу учителя музыки Зибольдта, началъ преподавать моимъ дочерямъ уроки на фортепіано Карлъ Фольвейеръ. Этотъ талантливый артистъ и композиторъ, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, рѣшительно совѣтовалъ мнѣ отвезти дочерей моихъ въ одну изъ музыкальныхъ консерваторій, указывая преимущественно на Лейпцигскую, гдѣ былъ въ то время директоромъ консерваторіи основатель ея, знаменитый генералъ-директоръ музыки Феликсъ Мендельсонъ-Бартольди, а профессоромъ фортепіанной игры ветеранъ піанистовъ, Игнатій Мошелесъ.

Но я все еще не рѣшался по несовершенной увѣренности въ самостоятельности музыкальныхъ талантовъ моихъ дочерей и по неимѣнію средствъ для поѣздки за границу и прожитія тамъ нѣсколько лѣтъ. Я позабылъ еще сказать, что обращался съ просьбою къ извѣстному фортепіанному въ Петербургѣ учителю, Антону Герке, о преподаваніи уроковъ моимъ дочерямъ, которыхъ онъ уже зналъ, потому что онѣ у него играли на музыкальномъ вечерѣ. И вотъ отвѣтъ г. Герке:

«Милостивый государь! Каждому учителю пріятно бы заниматься съ большими талантами, какими одарены ваши дочери, но я чувствую, что для охраненія своего имени я бы долженъ болѣе заниматься съ ними, чѣмъ мое время теперь позволяетъ; и затѣмъ весьма сожалѣю, что лишаюсь удовольствія быть вамъ полезнымъ. Имѣю честь быть вашимъ покорнымъ слугою. Антонъ Герке».

Это письмо, а также мнѣніе знаменитаго піаниста Адольфа Гензельта, который откровенно мнѣ сказалъ, что «въ Россіи трудно получить совершенное музыкальное образованіе, потому что лучшіе

учителя музыки очень дороги, да къ тому же они не имѣютъ и времени серьезно заняться музыкальными уроками»,—внушили мнѣ мысль отправиться съ дочерьми въ Парижъ, или, какъ вообще у насъ говорятъ, «за границу». Съ этого времени всѣ мои помышленія были о возможности поѣздки и о средствахъ къ тому. Дальнѣйшіе же успѣхи моихъ дочерей и журнальныя статьи еще болѣе и болѣе поощряли мое рвеніе.

Вотъ что говорилось о моихъ дочеряхъ въ «Литературной Газетѣ» въ январѣ мѣсяцѣ 1846 года.

«Однакожъ не можемъ мы умолчать объ оригинальномъ и доселѣ никогда не бываломъ концертѣ, данномъ передъ праздникомъ въ филармонической залѣ маленькими дѣтьми, въ пользу дѣтей же пріюта въ Бозѣ почившей великой княгини Александры Николаевны. Героинями этого благотворительнаго подвига были дѣвицы Вѣра и Наталья Погожевы. Маленькія артистки обличаютъ въ себѣ замѣчательный талантъ, особенно дѣвица Вѣра. Туше ея мягокъ, силенъ; много энергіи и увѣренности въ игрѣ. Не смотря на свои маленькія ручки, она дѣлаетъ самые трудные пассажи, и пальчики ея бѣгаютъ по клавишамъ съ изумительною быстротой. Она прекрасно исполнила большой дивертисментъ сочиненія Тальберга и еще лучше концертъ Черни. Слушатели и въ особенности слушательницы были отъ нея въ восторгѣ. Кромѣ двухъ сестрицъ-виртуозокъ, участвовалъ въ концертѣ воспитанникъ 3-й гимназіи Николай Шмидтъ. Этотъ молодой человѣкъ владѣетъ смычкомъ съ такою легкостью и показываетъ столько души въ игрѣ, что въ немъ можно предвидѣть замѣчательнаго скрипача».

Съ этого времени жизнь моя вообще посвящена была на музыкальное образованіе моихъ дочерей.

XII.

Я прошусь въ отставку; графъ Клейнмихель меня увольняетъ на четыре мѣсяца въ отпускъ съ полнымъ содержаніемъ. — Отъѣздъ въ деревню. — Павелъ Александровичъ Катенинъ и другіе литераторы.—Удачная продажа дегтя случайно помогаетъ предпринять поѣздку за границу.—Семейный договоръ.—Отъѣздъ въ Петербургъ.

Я узналъ, что графъ Клейнмихель не любитъ увольнять подчиненныхъ своихъ въ отставку, по примѣру благодѣтеля своего, графа Толя, но, всетаки, подалъ прошеніе объ отставкѣ. Графъ спросилъ меня, зачѣмъ я выхожу въ отставку, и я, не желая прямо высказать мое намѣреніе ѣхать за границу, сказалъ, что я нездоровъ и долженъ пользоваться лѣтнимъ свѣжимъ воздухомъ. На это графъ возразилъ:

— Хорошо, я вамъ дамъ отпускъ на четыре мѣсяца съ содержаніемъ.

Мнѣ оставалось только поблагодарить, и черезъ недѣлю я отправился со всею семьею въ деревню свою, въ Костромскую губернію, въ Кологривскій уѣздъ, гдѣ пробылъ около четырехъ мѣсяцевъ беззаботно, спокойно, придумывая только способы для поѣздки за границу. Но и въ деревнѣ дочери мои занимались музыкою и много играли на превосходномъ роялѣ Вирта, привезенномъ изъ Петербурга.

Сосѣдомъ нашимъ по имѣнію былъ Павелъ Александровичъ Катенинъ, извѣстный своими литературными сочиненіями, особенно сатирическимъ умомъ и начитанностью, а также тѣмъ, что по театральнымъ интригамъ въ двадцатыхъ годахъ былъ высланъ изъ Петербурга. Катенинъ образовалъ и училъ декламаціи извѣстнаго трагика В. А. Каратыгина. Катенинъ говорилъ красно и увлекательно, но самъ увлекался односторонностью сужденій. Отъ уединенной жизни въ глуши кологривскихъ лѣсовъ онъ сдѣлался желченъ, раздражителенъ, оскорблялся противорѣчіями, часто даже выходилъ изъ себя, горячился, кричалъ и говорилъ колкости и дерзости. Хотя я съ нимъ часто спорилъ и во многомъ не соглашался, но онъ былъ со мною вѣжливъ и снисходительно выслушивалъ мои возраженія. Это былъ человѣкъ, видѣвшій свѣтъ, служившій полковникомъ въ гвардіи, слѣдовательно, жившій долго въ хорошихъ обществахъ, бывшій въ Парижѣ и вообще за границей и слыхавшій лучшихъ первоклассныхъ артистическихъ знаменитостей [1]). Онъ чрезвычайно хвалилъ моихъ дочерей, удивлялся раннему развитію музыкальныхъ способностей, вѣрности интонаціи, бѣглости игры на фортепіано при исполненіи даже трудныхъ пассажей и глубокому чувству, съ которымъ двѣ дѣвушки, еще дѣти, исполняли музыкальныя піесы.

— Скажите, пожалуйста,—говорилъ Катенинъ,—откуда взялось это чувство? Понимаютъ ли онѣ, что играютъ? И можетъ ли понимать дѣвочка-ребенокъ?

Вотъ вопросы, которые почтенный сосѣдъ мой мнѣ и самому себѣ задавалъ, ходя скорыми шагами по комнатѣ. Это была его привычка, и чѣмъ живѣе былъ его разговоръ или споръ, тѣмъ скорѣе ходилъ онъ, часто останавливаясь передъ своимъ слушателемъ или противникомъ.

— Что-жъ такое опытъ жизни? Что наши страсти и сердечныя ощущенія, если дѣвочка-ребенокъ передаетъ намъ страданія души въ музыкальныхъ звукахъ и, перебирая по клавишамъ рояля, играетъ какъ бы по нашимъ сердцамъ, сочувствуя какъ бы неземнымъ чувствамъ, нашимъ житейскимъ страданіямъ?

---

[1]) Катенинъ умеръ въ 1850 году.

И многое, многое говорилъ восторженный Катенинъ, съ какою-то особенною торжественною почтительностью, въ родѣ благоговѣнія, цѣлуя руки у маленькихъ дѣвочекъ. Восторженная декламація старшей моей дочери Вѣры не удивляла, но ужасала Катенина, опять-таки все тѣмъ же рановременнымъ развитіемъ жизненныхъ силъ и способностей души. Обѣ дѣвочки отчетливо, съ изумительной вѣрностью, передавали характеры представляемыхъ лицъ. Такъ, напримѣръ, Вѣра читала монологъ изъ «Іоанны д'Аркъ» Шиллера, изъ «Параши Сибирячки» Полеваго и изъ «Торквато Тассо» Кукольника, и обѣ дѣвочки разыгрывали нѣкоторыя піески на домашнемъ театрѣ. Я позабылъ сказать, что у насъ въ Петербургѣ былъ свой домашній театръ, устроенный въ залѣ, и за кулисами была спальня и дѣтская, убираемая на время представленія. Слѣдовательно, дѣти мои родились и вскормлены на театральной сценѣ.

Н. В. Кукольникъ тоже ужаснулся, услыхавъ чтеніе его «Торквато Тассо» Вѣрою, когда ей было только 6 лѣтъ. По окончаніи монолога «Вѣнчаніе Тасса» онъ былъ чрезвычайно растроганъ и сказалъ:

— Ради Бога, прочь отъ поэзіи, на математику ихъ, а то онѣ преждевременно сгорятъ самовозгараніемъ души.

Я старался исполнить совѣты Катенина, Кукольника и другихъ особъ, принимавшихъ участіе въ образованіи моихъ дочерей. Я обратилъ ихъ болѣе къ музыкѣ. Въ этомъ меня поощряли особенно, кромѣ Катенина и Кукольника, А. А. Карнѣевъ, П. П. Каменскій, Е. П. Гребенка, академикъ Остроградскій, поэтъ и живописецъ Шевченко, Ѳ. А. Кони, В. В. Межевичъ, Р. М. и В. Р. Зотовы, Адольфъ Гензельтъ, Антонъ Герке, Карлъ Фольвейръ, Фридрихъ Зибольдтъ, братья Лабзины, А. О. Ишимова, П. А. Плетневъ, П. А. Шишкинъ и многіе другіе.

Всѣ рѣшительно убѣждали меня серьезно и прочно музыкально образовать дочерей моихъ. Само Провидѣніе, видимо, благословляло мое патріотическое предпріятіе образовать русскихъ, самостоятельныхъ артистокъ, если не знаменитыхъ виртуозокъ, то, по крайней мѣрѣ, хорошихъ учительницъ музыки въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Придумывая способы достать денегъ для поѣздки за границу, мы однажды въ ненастный осенній день, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, сидѣли всѣ пригорюнясь возлѣ нашего деревенскаго дома. Вдругъ подъѣзжаетъ къ крыльцу кибитка на тройкѣ лошадей съ колокольчикомъ. Мнѣ докладываютъ, что какіе-то два купца желаютъ меня видѣть. Я приглашаю войти въ залъ, и два русскихъ купчика, или торговца (это были дѣйствительно крестьяне, торгующіе дегтемъ), спросили у меня, не продамъ ли я свой деготь; у меня въ то время былъ паровой заводъ на 6 казановъ; я сказалъ, что у

меня есть пудовъ тысяча. Они спросили у меня о цѣнѣ, и только что я объявилъ, что желаю продать по 3 рубля ассигнаціями за пудъ, какъ торговцы между собою переглянулись, и одинъ изъ нихъ сказалъ, что они подумаютъ и поутру дадутъ отвѣтъ.

На другое утро эти торговцы опять пріѣхали, и, уже не спрашивая о цѣнѣ и не торгуясь, одинъ изъ нихъ вынулъ изъ-за пазухи кожаный бумажникъ, завернутый въ тряпку, или носовой платокъ, и отсчиталъ мнѣ 3 тысячи рублей ассигнаціями, всѣ деньги сполна, не принявъ еще дегтя. Дочери мои, еще съ вечера молившія Бога, чтобы купцы купили деготь, едва услыхали объ этой продажѣ, пали предъ святыми иконами на колѣни и со слезами пламенно благодарили Бога за то, что Онъ внушилъ мысль купцамъ пріобрѣсть у насъ деготь. Итакъ, не ясны ли пути Провидѣнія, на которые сами житейскіе случаи указывали намъ?

Съ основнымъ капиталомъ въ 3 тысячи рублей ассигнаціями отправился я въ Петербургъ съ двумя дочерьми, а жена съ маленькими дѣтьми осталась въ деревнѣ. Въ Петербургѣ я заложилъ свое небольшое имѣніе, состоявшее изъ 38 душъ, продалъ брилліанты жены и все серебро, даже до послѣдней ложки. Дочери мои испросили согласіе и благословеніе бабушки на поѣздку за границу. Вотъ оригинальная подписка, которую онѣ написали, какъ бы въ знакъ твердаго своего желанія образоваться.

«Мы, нижеподписавшіяся сестры Вѣра и Наталья Погожевы, по пріѣздѣ въ Петербургъ и за границей, обязуемся сдержать слѣдующія условія въ продолженіе двухъ лѣтъ:

«1. Ничего не просить купить изъ платьевъ и лакомства.

«2. Ежели, сохрани Боже, заболѣемъ, то, не отговариваясь, лечиться и слушать доктора.

«3. Довольствоваться тѣми кушаньями, которыя раздаются въ залѣ для бѣдныхъ.

«4. Не проситься ни въ гости, ни въ театръ, не нанимать извозчика, а ходить пѣшкомъ.

«5. Намъ достаточно получать каждый день четверть фунта говядины, обѣимъ шесть картофелинъ (три большихъ и три маленькихъ).

«6. Чай пить спитой и полфунта сахара въ мѣсяцъ, по полфунту чернаго хлѣба и пятикопеечную булку обѣимъ.

«7. По воскресеньямъ по чайной ложечкѣ патоки.

«8. Чинить платья будемъ сами».

«Ежели мы этихъ условій не исполнимъ, тогда да будетъ намъ стыдно. Мы любимъ страстно музыку, и потому желаемъ всю жизнь посвятить на изученіе ея. Если будемъ получать какія либо выгоды отъ концертовъ и уроковъ, то нѣкоторую часть денегъ будемъ жертвовать на церковь и бѣдныхъ, дѣтей же бѣдныхъ родителей

будемъ учить даромъ. Обѣщаемся жить всю нашу жизнь по заповѣдямъ Божіимъ, не мстить за обиды и не огорчаться критикой и пересудами журналовъ, но будемъ принимать съ благодарностью добрые совѣты и справедливыя замѣчанія умныхъ и опытныхъ музыкантовъ и любителей музыки. Даже если намъ вмѣсто апплодисментовъ стали бы въ театрѣ или концертномъ залѣ шикать или свистать, то мы съ терпѣніемъ и хладнокровно все перенесемъ и будемъ стараться съ новымъ усердіемъ изучать музыку. Подписались: Вѣра Погожева, Наталья Погожева. 30-го октября 1840 года. Усадьба Горка, Кологривскаго уѣзда».

Мы отправились изъ деревни въ октябрѣ мѣсяцѣ; до Макарьева провожала насъ жена моя съ семилѣтнею дочерью Софьею. Старшей было тогда 10, второй 9 лѣтъ.

Признаюсь, и теперь ужасъ овладѣваетъ мною, когда вспомню, какую пропасть перескочилъ, какимъ недостаткамъ, лишеніямъ, даже нуждамъ, подвергалъ себя и малолѣтнихъ дочерей. Но успѣхъ превзошелъ всѣ мои ожиданія. Рояль нашъ купилъ костромской помѣщикъ Василій Петровичъ Викентьевъ за 1.400 рублей асигнаціями (стоилъ намъ 1.800 рублей). Но намъ надобны были деньги и деньги, а въ Петербургѣ за подержанный рояль не дали бы такой цѣны.

XIII.

Путешествіе въ почтовой каретѣ до Таурогена. — Переѣздъ черезъ границу. — Пріѣздъ въ Берлинъ. — Лейпцигъ; посѣщеніе Мошелеса и Мендельсона—Бартольди. — Музыкальная консерваторія въ Лейпцигѣ. — Семья Мошелеса.—Музыкальные уроки моихъ дочерей.

Жребій брошенъ. Заграничный паспортъ полученъ; чемоданы уложены; отслуженъ молебенъ «всѣхъ скорбящихъ Божіей Матери», и 28-го января 1847 года мы сѣли въ почтовый дилижансъ и тронулись въ путь. Съ нами ѣхали въ другой каретѣ француженка и англичанинъ. На другой день послѣ отъѣзда, услыхавъ отъ кондуктора, что ночью попадалось около большой дороги много волковъ, англичанинъ убѣдительно звалъ меня идти съ нимъ на охоту за волками. Разумѣется, я отказался. Не доѣзжая трехъ станцій до Таурогена, поднялась такая вьюга и метель, что лошади не могли бѣжать, съ трудомъ вытаскивая ноги изъ глубокаго снѣга. Мы простояли на одномъ мѣстѣ часовъ пять. Кондукторъ нашъ послалъ ямщика верхомъ на лошади на ближнюю станцію за санями и свѣжими лошадьми, которыя вмѣстѣ съ смотрителемъ той станціи и пріѣхали за нами. Но едва мы отъѣхали съ версту, спутникъ нашъ англичанинъ приказалъ ямщику остановиться, вышелъ изъ саней и побрелъ по колѣно въ снѣгу къ каретамъ, оставшимся

назади. Какъ бы вы думали, зачѣмъ онъ пошелъ? Посмотрѣть, какъ будутъ вытаскивать карету изъ снѣгу! Это характерно даже для англичанина... На прусской границѣ таможенный чиновникъ вѣжливо спросилъ насъ, не имѣемъ ли мы съ собою чаю, сапожнаго товара и прочаго запрещеннаго, и когда мы отвѣчали, что ничего подобнаго не имѣемъ, насъ пропустили, не осматривая нашихъ чемодановъ.

Мы ѣхали отъ первой прусской станціи Лаугсцаргенъ до города Тильзита по экстра-почтѣ въ каретѣ на парѣ лошадей.

Отъ Тильзита до Кенигсберга мы ѣхали въ почтовомъ дилижансѣ. Въ этомъ городѣ, также какъ и въ Тильзитѣ, множество нищихъ, которые не даютъ прохода, особенно иностранцамъ, которыхъ осаждаютъ даже и въ гостиницахъ. Отъ Кенигсберга до Берлина дилижансы узки, мы съ трудомъ лишь могли помѣститься. Болѣе всѣхъ роптала и ворчала наша спутница француженка. Возлѣ нея сидѣлъ какой-то толстый нѣмецъ; на немъ былъ сюртукъ, халатъ, пальто и теплая шинель; на ногахъ сапоги, калоши и мѣховой мѣшокъ. Представьте, сколько этотъ пассажиръ занималъ одинъ мѣста, а въ одномъ ряду на скамьѣ надобно было помѣститься троимъ. Кондукторъ нашъ былъ добрый старикашка, человѣкъ съ преудивительнымъ аппетитомъ, потому что онъ на каждой станціи что нибудь пилъ или ѣлъ. Француженка, которой такъ удачно услуживалъ нашъ русскій ловкій кондукторъ, никакъ не могла поладить съ прусскимъ флегматическимъ кондукторомъ. Она никакъ не успѣвала во время обѣдать или пить кофе, ибо не хотѣла слѣдовать росписанію времени остановокъ дилижансовъ на станціяхъ. И вотъ только что француженка расположится обѣдать, а кондукторъ трубитъ уже къ отъѣзду, и она ворча садилась въ дилижансъ. Не могу не упомянуть о спокойной, превосходной и скорой ѣздѣ въ прусскихъ почтовыхъ каретахъ. Безъ всякихъ заботъ, безъ хлопотъ, платить на каждой станціи прогоны, безъ докучливости ямщиковъ, просящихъ на водку и на чай, безъ ужасныхъ для каждаго проѣзжающаго словъ почти каждаго станціоннаго смотрителя: «нѣтъ лошадей, всѣ въ разгонѣ», вы ѣдете въ опрятной, даже, можно сказать, щегольской каретѣ. Шоссе въ Пруссіи исправно ремонтируется; здѣсь щебень бьютъ и женщины.

Наконецъ, въ исходѣ февраля (новаго стиля) мы притащились въ Берлинъ и въ тотъ же вечеръ были въ Кенигштедтскомъ театрѣ, гдѣ итальянцы давали оперу Белини «Сомнамбулу». Опера шла вяло, хотя и пѣла извѣстная пѣвица Ѳодоръ. Оркестръ очень хорошъ, да и можетъ ли быть дуренъ оркестръ въ Германіи, гдѣ каждый почти ребенокъ съ матернимъ молокомъ всасываетъ въ себя музыкальное чувство. Мнѣ кажется, что у нѣмцевъ, кромѣ пяти обыкновенныхъ человѣческихъ чувствъ, есть шестое — музыкальный инстинктъ. Въ Германіи любятъ музыку, какъ звуки род-

ные, какъ вторую природу. Здѣсь музыка служитъ средствомъ или пособіемъ къ образованію, потому что даже въ сельскихъ школахъ каждый учитель знаетъ музыку. А такъ какъ въ каждой школѣ есть органъ, то добрый наставникъ по воскресеньямъ поетъ съ крестьянами и учениками, аккомпанируя на органѣ. Почти всѣ духовныя сочиненія написаны для четырехъ голосовъ, и школьный учитель удобно можетъ выбрать голоса баса, тенора, альта и дисканта изъ крестьянъ и изъ учениковъ для исполненія этихъ пьесъ. Такое музыкальное образованіе приготовляетъ школьниковъ къ изученію религіи и удаляетъ народъ отъ кабачной жизни, потому что музыка и пѣніе служатъ имъ времяпрепровожденіемъ. Я говорю—музыка, потому что въ рѣдкой нѣмецкой деревнѣ не имѣется своего домашняго оркестра или квартета. Но для меня никакой органъ не можетъ сравниться съ пѣніемъ русскихъ пѣвчихъ императорской придворной капеллы и графа Шереметева. Что это за небесная мелодія! Съ какимъ удивительнымъ согласіемъ и глубокимъ чувствомъ исполняются ими всѣ духовныя творенія. Съ какимъ чуднымъ искусствомъ и точностью соблюдается піано, форте и самые малѣйшіе музыкальные оттѣнки. Не подумайте, чтобы это мое мнѣніе было пристрастно, какъ русскаго къ родному. Нѣтъ, это говорятъ всѣ иностранцы, слышавшіе придворныхъ пѣвчихъ: Берліозъ, Рубини, Тамбурини, Віардо, Гарсія и другіе знаменитые артисты были въ восторгѣ отъ пѣнія русскихъ пѣвчихъ.

Живо помню, что, бывши на духовномъ концертѣ въ капеллѣ графа Шереметева, я видѣлъ на лицахъ иностранцевъ восторгъ отъ пѣнія хора пѣвчихъ и слышалъ много лестныхъ отзывовъ отъ истинныхъ знатоковъ музыки. Всего забавнѣе было то, что посланникъ одной европейской державы, не шутя, сомнѣвался, мальчики ли—дисканты и альты, или дѣвушки, переодѣтыя въ мужскія платья. Вотъ торжество пѣвчихъ графа Шереметева и почтеннаго Г. Я. Ламакина! Да и кто, слышавъ пѣвчихъ С.-Петербургскаго батальона военныхъ кантонистовъ, пѣвчихъ гвардейскихъ полковъ и пѣсенниковъ В. Г. Жукова, усомнится въ музыкальности русскихъ? Кто, слышавъ игру на скрипкѣ генерала Львова и Дмитріева-Свѣчина, пѣніе О. А. Петрова партій Сусанина, Бертрама, Лепорелло и дона-Базиліо, и дивный, звучный контральто А. Я. Петровой въ «Семирамидѣ», въ «Монтекки-Капулетти» и въ «Жизни за Царя»,— кто, слышавъ романсы Глинки, Даргомыжскаго, Варламова и многихъ другихъ, усомнится въ способности русскихъ къ музыкѣ и въ самостоятельности русской оперы?

Въ Берлинѣ я узналъ, что Мендельсонъ-Бартольди находится въ Лейпцигѣ. Тамъ же и ветеранъ піанистовъ—композиторъ и профессоръ музыки Игнатій Мошелесъ.

Отъ Берлина до Лейпцига 29 нѣмецкихъ миль (русскихъ 203 версты), и мы это пространство проѣхали по желѣзной дорогѣ въ 7 часовъ.

На другой день я отправился къ Мендельсону-Бартольди, котораго не засталъ дома, но миловидная саксонка, горничная, объявила мнѣ, что я могу застать г. директора въ 4 часа послѣ обѣда. Я поѣхалъ къ Мошелесу. Онъ принялъ меня очень ласково, и когда я объяснилъ ему желаніе мое опредѣлить дочерей моихъ въ Лейпцигскую консерваторію, то наговорилъ мнѣ кучу комплиментовъ насчетъ способностей русскихъ къ музыкѣ. Мошелесъ просилъ привести къ нему моихъ дочерей, чтобы слышать ихъ игру, и черезъ полчаса онѣ сидѣли за превосходнымъ роялемъ парижскаго мастера Эрара. Я желалъ узнать по глазамъ Мошелеса мнѣніе его о способностяхъ моихъ дочерей, но глаза и лице профессора были спокойны. Вдругъ, остановя игру моихъ дочерей, онъ сказалъ мнѣ:

— Большія способности, огромный талантъ! Поздравляю васъ! Дочери ваши будутъ приняты въ консерваторію, и я возьму ихъ въ мой классъ.

У Мендельсона-Бартольди былъ я одинъ, и онъ меня принялъ очень радушно. Мы бесѣдовали съ нимъ о петербургскихъ знакомцахъ его, графахъ Віельгорскихъ, генералѣ Львовѣ, о настоящемъ положеніи въ Россіи музыки, театровъ и т. п. Знаменитый маэстро наговорилъ мнѣ много лестнаго о способностяхъ русскихъ и съ восхищеніемъ говорилъ о русскихъ мелодіяхъ. Мендельсонъ, узнавъ, что Мошелесъ слышалъ игру моихъ дочерей, при мнѣ же написалъ записку къ старшему директору консерваторіи о назначеніи на другой день, въ 12 часовъ, особой конференціи, и въ назначенное время мы пріѣхали въ консерваторію. Дочерей моихъ заставили сыграть на фортепіано въ 4 руки «a prima vista» одно изъ сочиненій Мошелеса, и не прошло полчаса, какъ профессора поздравили меня съ принятіемъ моихъ дочерей въ консерваторію. Одно было препятствіе въ томъ, что дочери мои не знали нѣмецкаго языка, но и это затрудненіе Мошелесъ уничтожилъ тѣмъ, что имъ будутъ объяснять правила фортепіанной игры на французскомъ языкѣ, а для изученія генералъ-баса дочери мои должны брать приватные уроки, при которыхъ долженъ будетъ находиться и учитель нѣмецкаго языка для перевода лекцій. Это маленькое неудобство не было особенно важно, потому что дочери мои нѣсколько знали языкъ, но только не могли понимать серьезныхъ музыкальныхъ лекцій и скорой разговорной рѣчи. Учитель нѣмецкаго языка ручался, что черезъ мѣсяцъ онѣ могутъ говорить понѣмецки и понимать музыкальныя лекціи.

Лейпцигская музыкальная консерваторія основана Мендельсономъ-Бартольди въ 1843 году, чтобы молодые люди, желающіе основательно изучить музыку на разныхъ инструментахъ, имѣли случай, при взаимномъ соревнованіи, за дешевую плату музыкально образоваться во всѣхъ родахъ музыки.

Въ консерваторіи учениковъ 50 и учениць 30; изъ числа по-

слѣднихъ есть нѣсколько дѣвъ за 30 лѣтъ. Каждый ученикъ или ученица платитъ въ консерваторію въ годъ 80 талеровъ, на библіотеку 3 тал. и служителю 1 талеръ, всего 84 талера (76 рублей серебромъ). Курсъ ученія назначенъ три года, а для учениць два, такъ какъ онѣ не учатся играть на органѣ и дирижировать оркестромъ.

Профессоръ Мошелесъ былъ очень добръ и внимателенъ къ моимъ дочерямъ; жена его, милая и привѣтливая, тоже обласкала ихъ и познакомила съ своею дочерью, прелестною дѣвочкою лѣтъ 9-ти.

Добрый Мошелесъ самъ ходилъ со мною пріискивать для насъ квартиру, и я нанялъ у почтеннаго семейнаго нѣмца три комнаты за 200 талеровъ въ годъ (на наши деньги 180 рублей сер.).

Дочери мои были въ восторгѣ, когда принесли къ намъ два рояля, которые я взялъ на прокатъ по 5 талеровъ (4 рубля 50 коп. сер.) въ мѣсяцъ за оба. Онѣ принялись усердно за изученіе музыки. По игрѣ на фортепіано онѣ поступили въ старшій классъ профессора Игнатія Мошелеса, по изученію генералъ-баса въ классъ директора музыки Фридриха Рихтера, по практическимъ сочиненіямъ въ классъ директора музыки Нильса Гаде; по игрѣ съ аккомпанементомъ въ классъ концертмейстера Фердинанда Давида и по изученію пѣнія въ классъ профессора Бёма. Впослѣдствіи онѣ должны были брать уроки въ контрапунктѣ у директора музыки и извѣстнаго контрапунктиста Гауптмана. Знаменитый Мендельсонъ тоже обѣщалъ мнѣ не оставить моихъ дочерей своимъ руководствомъ. Приватные уроки здѣсь дешевы: профессоръ Мошелесъ беретъ за часъ по два талера, директора музыки Гауптманъ и Рихтеръ по одному талеру, учителя нѣмецкаго и итальянскаго языка по 10-ти зильбергрошей (30 коп. сер.) за часъ. Каждый четвергъ въ залѣ консерваторіи, въ домѣ «Geniandhaus», бывали концерты. Первую скрипку игралъ концертмейстеръ Фердинандъ Давидъ; оркестромъ дирижировалъ Феликсъ Мендельсонъ-Бартольди.

Зала Лейпцигской консерваторіи не велика, имѣетъ хоръ или, лучше сказать, галлерею, въ которой устроены ложи. Однако, въ этой залѣ помѣщалось до тысячи человѣкъ.

На первомъ концертѣ, на которомъ мы присутствовали, я сидѣлъ возлѣ Мошелеса, который объяснялъ моимъ дочерямъ всѣ лучшія мѣста въ каждой пьесѣ концерта. Но, если бы онъ даже молчалъ, то, глядя на выраженіе лицъ его и Мендельсона-Бартольди, можно было бы понять красоты пассажей, потому что въ глазахъ этихъ потомковъ Баха, Моцарта, Гайдна, Генделя, Бетховена выражалась бездна восторга.

. . . . . .

XIV.

Лекція профессора Мошелеса.—Музыкальные пуфы.—Фердинандъ Давидъ.—Преимущество фортепіано передъ скрипкой.—Концертъ віолончелиста Карла Шуберта.—Условія жизни въ Лейпцигѣ.—Концертъ піаниста Шада.—Поѣздка въ Веймаръ.—Придворная церковь и великая княгиня Марія Павловна.—Приглашеніе ко двору ея высочества.—Ласковый пріемъ моихъ дочерей во дворцѣ великаго герцога.—Веймарскій оперный театръ.—Этикетъ саксенъ-веймарскаго двора и покровительство наукамъ и искусствамъ.—Возвращеніе въ Лейпцигъ.—Оперный театръ въ Лейпцигѣ и встрѣча съ русской учащейся молодежью.—Пожаръ театра въ Карлсруэ.

Я побывалъ въ консерваторіи на лекціяхъ и остался ими чрезвычайно доволенъ. Профессора музыки преподаютъ со всею отчетливостью и точностью, заботясь болѣе о строгомъ и тщательномъ исполненіи пьесъ и изученіи правилъ итальянской и германской школъ, нежели объ эффектахъ или музыкальныхъ пуфахъ, всегда далекихъ отъ истинной музыки. Вполнѣ созналъ я себя виновнымъ передъ г. Зибольдтомъ, первымъ учителемъ моихъ дочерей, съ которымъ я часто спорилъ о способѣ преподаванія музыки. Все, что этотъ отличный учитель фортепіанной игры мнѣ ни говорилъ,—все теперь оправдалось на дѣлѣ. Я желалъ, чтобы старшая моя дочь играла трудныя пьесы. Зибольдтъ не соглашался на это, говоря, что въ изученіи музыки необходима постепенность, и что трудныя пьесы ребенку 10 лѣтъ невозможно исполнять. Не смотря на это, я настоялъ на своемъ, и старшая моя дочь, Вѣра, играла «Le fou» Калькбреннера, хроматическій галопъ Листа и тому подобныя пальцеломныя пьесы.

Вскорѣ по пріѣздѣ въ Лейпцигъ старшая моя дочь объявила мнѣ, что она до тѣхъ поръ не будетъ играть своихъ старыхъ трудныхъ пьесъ, пока ей не позволитъ этого Мошелесъ. Дѣйствительно она усердно принялась за этюды, и дѣло пошло быстро впередъ.

Мнѣ понравилась здѣшняя однообразная, правильная жизнь. Съ 7-ми часовъ утра всѣ на ногахъ, всѣ заняты; въ 12 часовъ лавки запираются, въ часъ обѣдъ, а съ 2-хъ до 7-ми опять каждый за своимъ дѣломъ. Ложатся спать въ 10 часовъ, и сторожъ, давая сигналъ трубою тушить огни, кричитъ:

«Hört ihr, Herrn! Und lasst euch sagen: Diese Glocke hat zehn geschlagen. Bewahrt das Feuer und das Licht, dass unserer Stadt kein Schad geschieht» [1]).

Отъ нечего дѣлать я абонировался въ библіотекѣ для чтенія по 10 зильбергрошей (30 к. сер.) въ мѣсяцъ и въ музеумъ, или кабинетъ

[1]) Слушайте, господа! И позвольте вамъ сказать: этотъ колоколъ пробилъ десять часовъ; тушите огонь и свѣчи, чтобы нашему городу не сдѣлать вреда.

для чтенія, по 15 зильбергрошей (45 к. сер.) въ мѣсяцъ. Въ этомъ музеумѣ получалось до 300 періодическихъ изданій. Здѣсь цѣлый день, особенно вечеромъ въ 7 часовъ, бывало много посѣтителей. Читали, списывали. Въ двухъ особыхъ комнатахъ курили табакъ и сигары, пили пиво и кофе; можно было даже обѣдать и ужинать, а въ одной изъ комнатъ сидѣли кругомъ длинныхъ столовъ и, прихлебывая изъ кружекъ баварское пиво, толковали о политикѣ.

Во второй половинѣ марта въ Лейпцигъ пріѣхалъ піанистъ Шадъ, съ намѣреніемъ дать нѣсколько концертовъ въ залѣ Книжной биржи. Дочери мои, какъ артистки и ученицы консерваторіи, имѣли право безденежнаго входа во всѣ концерты и театры. Это очень справедливо. Я желалъ узнать причину, почему піанистъ Шадъ не давалъ концерта въ залѣ консерваторіи, и мнѣ объяснили, что въ этой залѣ имѣютъ право давать концерты только первоклассные артисты, европейскія знаменитости, а на публичномъ экзаменѣ—лучшіе ученицы и ученики консерваторіи.

На мое просительное письмо къ духовнику великой княгини Маріи Павловны, супруги великаго герцога Саксенъ-Веймарскаго, мы получили разрѣшеніе говѣть въ ея придворной церкви и въ концѣ марта отправились въ Веймаръ. Выѣхавъ въ 8 часовъ утра изъ Лейпцига по желѣзной дорогѣ, мы пріѣхали въ Веймаръ въ 12 часовъ, то-есть 15 миль (105 верстъ) пролетѣли въ 4 часа, и остановились въ гостинницѣ «Erb-Prinz» (Наслѣдный принцъ). Въ 2 часа я отправился къ нашему русскому священнику, который сказалъ мнѣ, что я могу быть съ дочерьми моими въ 6 часовъ въ церкви у вечерни и всенощной.

Церковь эта не велика, но красива. Великая княгиня пріѣхала въ каретѣ съ дежурною фрейлиною; войдя въ церковь, она помолилась, привѣтливо поклонилась и встала на свое мѣсто къ окну, противъ лѣваго клироса. Тогда началась божественная служба.

По окончаніи вечерни и всенощной протоіерей подошелъ къ великой княгинѣ, поцѣловалъ ея руку и спросилъ о времени божественной службы на слѣдующій день. Потомъ ея высочество благосклонно спросила меня, давно ли я за границею, доволенъ ли я леченіемъ моей дочери (о чемъ она прежде знала отъ священника), и, сказавъ, что рада насъ видѣть, какъ русскихъ, изволила выдти изъ церкви. На другой день въ 9 часовъ мы были у обѣдни, а на третій, въ четвергъ, ея высочество пріѣхала въ церковь въ 8 часовъ и причащалась Святыхъ Тайнъ, также какъ и всѣ русскіе, то-есть семейства протоіерея, протодіакона, пѣвчихъ, нѣсколько старыхъ русскихъ солдатъ, я и дочери мои. Послѣ причастія всѣ подходили къ рукѣ ея высочества, я также поцѣловалъ ея руку, дочерей же моихъ она поцѣловала и ласково по-

трепала каждую по щекѣ. Протодіаконъ вынесъ на серебряномъ блюдѣ просфору, которую ея высочество пожаловала мнѣ. Въ 12 часовъ по полудни великая княгиня изволила прислать съ камеръ-лакеемъ дочерямъ моимъ фрукты. Къ заутрени на Пасху великая княгиня пріѣхала съ сыномъ своимъ, наслѣднымъ принцемъ, его супругою (дочь королевы нидерландской Анны Павловны) и съ нѣкоторыми придворными. Послѣ заутрени великая княгиня похристосовалась съ сыномъ своимъ и его супругою, и всѣ подходили къ рукѣ ея высочества. Принцъ удостоилъ меня привѣтствіемъ на русскомъ языкѣ: «Христосъ Воскресе», и, по русскому обычаю, мы три раза поцѣловались. Русскій консулъ, баронъ Мальтицъ, похристосовавшись со мною, сказалъ мнѣ, что я буду приглашенъ ко двору на обѣдъ и вечеръ, и когда я объявилъ, что не имѣю съ собою мундира, то онъ обѣщалъ прислать мнѣ шляпу и шпагу, которыя я могу надѣть при фракѣ. Разговѣвшись у почтеннаго нашего протоіерея Сабинина, въ кругу его любезнаго и образованнаго семейства, мы возвратились домой, въ 3 часа ночи легли спать, а въ 8 часовъ посланный отъ великой княгини принесъ намъ куличъ, пасхи и яйца. Какое вниманіе, какая доброта! Въ умиленіи сердецъ вознесли мы теплыя молитвы ко Всевышнему о благоденствіи ея императорскаго высочества и семейства ея.

Въ 3 часа дня поѣхалъ я во дворецъ во фракѣ, въ бѣломъ жилетѣ и галстухѣ, при шпагѣ и трехугольной шляпѣ. Баронъ Мальтицъ представилъ меня статсъ-дамѣ ея высочества, министрамъ, гофмаршалу и нѣкоторымъ другимъ почетнымъ лицамъ. Вскорѣ вышла изъ своихъ комнатъ великая княгиня. Раскланявшись или, лучше сказать, принявъ поклоны отъ всѣхъ присутствовавшихъ, она подошла ко мнѣ и разспрашивала меня съ участіемъ о болѣзни моей дочери, способѣ ея леченія, гдѣ осталась моя жена, гдѣ я служилъ и т. п. Вскорѣ вышелъ въ пріемную залу наслѣдный принцъ въ общемъ генеральскомъ русскомъ мундирѣ и голубой лентѣ, съ супругою своею, и я былъ имъ представленъ. Принцъ разспрашивалъ, у кого дѣти мои учились музыкѣ въ Петербургѣ, сказалъ, что онъ слышалъ объ ихъ музыкальныхъ талантахъ и надѣется имѣть удовольствіе слышать игру дочерей моихъ на фортепіано завтра у матушки своей. Почти то же самое говорила мнѣ и принцесса. Наконецъ, вышелъ и великій герцогъ въ общемъ русскомъ генеральскомъ мундирѣ, спросилъ меня, давно ли я въ Германіи, въ первый ли разъ и не былъ ли въ кампаніи 1812 года. Великая княгиня говорила со мною порусски, великій герцогъ, наслѣдный принцъ и его супруга пофранцузски. Потомъ пошли въ столовую. По окончаніи обѣда возвратились въ пріемную залу, гдѣ подавали кофе. Великая княгиня и великій герцогъ раскланялись, и всѣ разъѣхались.

Въ 5 часовъ была вечерня, пріѣхала и великая княгиня. Она спросила меня, не устали ли мои дочери, и, выходя изъ церкви, сказала:

— Вечеромъ пріѣзжайте къ намъ, мы увидимся.

Въ 7 часовъ вечера я отправился во дворецъ. Пріемъ былъ въ другихъ комнатахъ, изящно и съ большимъ вкусомъ украшенныхъ. Сначала вышла изъ своей половины великая княгиня, потомъ наслѣдный принцъ въ гусарскомъ мундирѣ съ своею супругою и, наконецъ, самъ великій герцогъ. Великая княгиня сказала мнѣ, чтобъ я завтра въ 12 часовъ пріѣхалъ къ ней съ дочерьми моими, что она желаетъ слышать ихъ игру на фортепіано. Наконецъ, какъ она, такъ и герцогъ, сѣли играть въ карты, въ бостонъ. На другой день праздника, въ понедѣльникъ, въ 12 часовъ мы явились въ комнаты ея высочества; тамъ уже былъ наслѣдный принцъ съ супругою, а вскорѣ пришелъ и великій герцогъ. Старшая моя дочь сѣла за рояль и сыграла «Le fou», scène dramatique de Kalkbrenner. Великій герцогъ слѣдилъ за игрою; великая княгиня съ улыбкою одобренія часто обращалась къ сыну своему, невѣсткѣ и придворнымъ.

По окончаніи игры всѣ апплодировали; потомъ обѣ мои дочери сыграли въ четыре руки «Rondo», сочиненіе И. Мошелеса, и вальсъ, составленный изъ русскихъ пѣсенъ Ламакинымъ и переложенный на четыре руки моими дочерьми. Я объяснилъ это великой княгинѣ, и такъ какъ она сказала, что принимаетъ моихъ дочерей подъ свое покровительство, то я просилъ ея высочество о дозволеніи посвятить ей первый опытъ въ музыкальномъ сочиненіи моихъ дочерей, на что̀ ея высочество изъявила свое соизволеніе, сказавъ, что ей пріятно посвященіе этого вальса изъ русскихъ пѣсенъ ея имени. Потомъ, обратясь къ великому герцогу, сказала:

— Эту піесу, переложенную дѣвицами Погожевыми, онѣ хотятъ мнѣ посвятить.

Великій герцогъ благодарилъ меня и моихъ дочерей, взявъ ихъ за руки. Намъ подали шеколадъ и бульонъ въ чашкахъ, и, спустя нѣсколько минутъ, великая княгиня подошла къ намъ, благодарила за доставленное удовольствіе игрою моихъ дочерей, сказавъ, чтобы мы заѣхали къ ней, когда поѣдемъ въ Парижъ, раскланялась съ нами. Вечеромъ мы были въ театрѣ. Давали оперу «Нѣмая въ Портичи». Оркестромъ управлялъ Шелархъ, авторъ многихъ уважаемыхъ музыкальныхъ сочиненій. Знаменитый Листъ тоже считается капельмейстеромъ двора Саксенъ-Веймарскаго и каждый годъ обязанъ проживать въ Веймарѣ два мѣсяца. Но я его не видалъ: онъ былъ въ Константинополѣ. Великая княгиня, великій герцогъ и наслѣдный принцъ съ супругою были въ театрѣ. Когда они вошли въ свою ложу, то всѣ зрители встали и поклонились. Во время антрактовъ, когда вставалъ съ своего мѣста великій герцогъ, то всѣ мужчины вставали, а когда вставала великая княгиня, то и дамы вставали.

На третій день праздника, въ день Благовѣщенія, были мы въ церкви. Послѣ обѣдни я подошелъ съ дочерьми къ великой княгинѣ, и мы благодарили за ея милостивое вниманіе къ намъ, сказавъ, что уѣзжаемъ въ Лейпцигъ. Великая княгиня, повторивъ, чтобы мы заѣхали въ Веймаръ, когда поѣдемъ въ Парижъ, откланялась намъ, поцѣловавъ моихъ дочерей и потрепавъ ихъ рукою по щекѣ.

По возвращеніи въ Лейпцигъ у насъ осталось пріятное воспоминаніе о добротѣ и милостивомъ вниманіи къ намъ великой княгини Маріи Павловны и ея семейства, о пріятной и поучительной бесѣдѣ ученаго протоіерея Стефана Сибинина, одного изъ извѣстнѣйшихъ славянофиловъ.

Послѣ столицъ, мнѣ кажется, лучшая и пріятная жизнь въ Веймарѣ. Это маленькія Аѳины, красивенькій городокъ, гдѣ процвѣтаютъ науки, художества и музыка. Театръ изящный; комедія, драма, опера и балетъ исполняются отчетливо и удовлетворительно для самаго тонкаго вкуса. Еще издавна Веймаръ украшался и просвѣщалъ всю Германію своими поэтами. Великіе герцоги умѣли привлекать великихъ поэтовъ. Просвѣщенный, образованный, истинный философъ, покойный великій герцогъ былъ другомъ Гете, Шиллера, Виланда, Гердера. Великая княгиня Марія-Павловна, супруга нынѣ владѣтельнаго великаго герцога Карла-Фридриха, въ память этихъ великихъ людей, приказала росписать съ царскою роскошью и изящнымъ вкусомъ четыре комнаты въ великогерцогскомъ дворцѣ. Въ комнатѣ Шиллера на великолѣпномъ пьедесталѣ стоитъ мраморный бюстъ этого знаменитаго поэта; на стѣнахъ картины и живопись альфреско, изображающія сцены и замѣчательные эпизоды изъ его различныхъ твореній; тутъ же находится нѣсколько мебели, принадлежавшей великому поэту. Его кресло и рабочій столикъ отличаются своею простотою отъ другихъ украшеній этой комнаты, гдѣ мраморъ, бронза и золото разбросаны въ изобиліи. Другія комнаты, посвященныя Гете, Гердеру и Виланду, росписаны въ томъ же родѣ и украшены подобными же принадлежностями.

Веймарскій дворъ соблюдаетъ строгій этикетъ со всѣмъ блескомъ большихъ государствъ. Тамъ были всѣ придворные чины, и представленіе иностранцевъ происходило со всѣмъ должнымъ церемоніаломъ. Никто не приглашался къ столу иначе, какъ въ мундирѣ или бальномъ платьѣ, при шпагѣ и шляпѣ съ плюмажемъ. Супруга великаго герцога, дочь Павла I, внука Екатерины II, имѣла величественный царскій видъ; разговоръ ея высочества былъ любезенъ, привѣтливъ и исполненъ дальновидности и ума. Она знала всѣ роды словесности и любила музыку, которою все время сама страстно занималась. Она оказывала покровительство всѣмъ артистамъ, и не было ни одного замѣчательнаго въ музыкальномъ мірѣ артиста,

который бы не игралъ при дворѣ Саксенъ-Веймарскомъ; никто изъ знаменитостей не миновалъ Лейпцига и Веймара.

Какое несчастіе! Въ Карлсруэ, столицѣ герцогства Баденскаго, сгорѣлъ театръ, причемъ погибло до 150 человѣкъ. Пожаръ произошелъ отъ газоваго освѣщенія. Одинъ изъ рожковъ близъ герцогской ложи сильно вспыхнулъ; ламповщикъ вмѣсто того, чтобы завернуть скорѣе кранъ у рожка, въ испугѣ бросилъ своей фитиль, и пламя мгновенно охватило занавѣсы, ложи и потомъ всю внутренность театра. Это было до начала представленія, но въ верхнихъ галлереяхъ было уже довольно народа. Разсказываютъ, что пламя такъ скоро охватило внутренность театра, что сидѣвшіе въ верхней галлереѣ въ одно мгновеніе задохнулись и окостенѣли въ сидячемъ положеніи съ открытыми ртами. Одинъ господинъ намѣревался выскочить въ окно, но зацѣпился фалдой фрака за гвоздь въ карнизѣ и изжарился въ висячемъ положеніи. Ужасная смерть! Нѣкоторые утверждаютъ, будто этого несчастнаго удержалъ не гвоздь, а руки любовницы. Вотъ образецъ любви на жизнь и смерть.

XV.

Стѣсненныя средства.—Адвокаты и тяжбы.—Протоіерей Стефанъ Сабининъ.—Студенческая жизнь въ Лейпцигѣ.—Вниманіе Мошелеса къ моимъ дочерямъ.—Дѣтскіе концерты сестеръ Неруда.—Мое свиданіе съ ними.—Мое мнѣніе о раннемъ музыкальномъ развитіи.—Нелюбовь русскихъ къ родному языку.

На меня нерѣдко находило раздумье по поводу дороговизны заграничной жизни: квартира намъ стоила въ годъ до 200 талеровъ, дрова до 120, прислуга около 40, прачка до 40, обѣдъ 150, чай и кофе съ булками 120, платье до 200, театры и концерты до 100, учителя итальянскаго и нѣмецкаго языка по 60, плата въ консерваторію и учителямъ музыкѣ за приватные уроки до 600 примѣрно, на экстренные расходы (ноты, за прокатъ роялей и т. п.) до 300 талеровъ; всего, по приблизительному исчисленію, нужно было имѣть въ годъ до 2 тысячъ талеровъ [1]). Хотя въ Лейпцигѣ общество довольно дружелюбно, однако же нѣмцы иногда любятъ заводить и вести тяжбы, но это болѣе вина адвокатовъ, которые подстрекаютъ къ тяжбамъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ нѣмецкаго сутяжничества. Въ однѣхъ сѣняхъ жили докторъ медицины и портной. Послѣдній зашелъ по какому-то случаю въ ретирадное мѣсто доктора, который, заставъ его тамъ, разбранился и раскричался, и вотъ портной ложится въ постель, посылаетъ за адвокатомъ; этотъ пишетъ портному жалобу на доктора въ причиненіи

[1]) Талеръ почти равенъ рублю сер.

отъ испуга болѣзни. Завязалось дѣло: портной нѣсколько времени не выходилъ изъ квартиры, какой-то пріятель его, лекарь, будто бы лечилъ его, и докторъ по приговору суду обязанъ былъ заплатить своему сосѣду за время болѣзни сто талеровъ. А вотъ и другой случай: пріѣзжій въ Дрезденъ русскій путешественникъ, полковникъ графъ N., проходя мимо магазина съ брилліантовыми вещами, зашелъ туда и посмотрѣлъ нѣсколько вещей, но ничего не купилъ. И вотъ ювелиръ потребовалъ отъ полковника столько-то платы за показъ ему вещей. Когда же, разумѣется, полковникъ отказался заплатить, то купецъ подалъ на русскаго путешественника въ судъ просьбу, и это дѣло прекратилось единственно лишь благодаря посредничеству русскаго посланника г. Шредера.

Мнѣ случилось видѣть презабавную каррикатуру на адвокатовъ и тяжущихся: адвокатъ, кромѣ своего платья, надѣлъ на себя все платье тяжущихся, а изъ этихъ одинъ, потерявшій тяжбу, идетъ голый, другой, выигравшій тяжбу, идетъ въ одной рубахѣ. Нравоученіе ясно и понятно, а адвокаты множатся и тяжбы плодятся. Вотъ это наводненіе адвокатовъ и служило причиною того, что здѣсь прислуга капризна, своенравна и лѣнива. Правда, здѣсь существуютъ книжки для каждаго служителя или служанки для записыванія замѣчаній объ ихъ поведеніи, но кто захочетъ заводить тяжбу или возражать на жалобы и клеветы служителя и служанки. Явится къ вамъ полиція за объясненіями или адвокатъ съ угрозою, что вы заплатите штрафъ, и, право, вы готовы лучше сами чистить свое платье, а жена ваша стряпать кушанье или варить кофе, нежели хлопотать съ прислугою. Поэтому здѣсь и стараются какъ можно менѣе держать прислуги. Посылаете ли вы служанку за водой, а она, поставя ведро у бульвара, изволитъ прогуливаться. Когда же я замѣтилъ объ этомъ женѣ профессора итальянскаго языка Геце, то она сказала мнѣ:

— Что-жъ тутъ удивительнаго; по утру моя работница еще спитъ, а я варю сама кофе, чтобы напоить и отправить дѣтей въ школу.

Невольно бросалось въ глаза, что нигдѣ не соблюдается столько этикета и церемоній, какъ въ Германіи, и нигдѣ такъ не уважаютъ чиновъ и титуловъ, какъ здѣсь. Каждый консулъ титулуется превосходительствомъ, совѣтникъ правленія—государственнымъ совѣтникомъ, каждый учитель—профессоромъ, каждый вышедшій изъ университета студентъ—докторомъ.

Мнѣ кажется, что и я, поживъ въ Лейпцигѣ, сдѣлаюсь докторомъ философіи.

Скучно, мрачно; я почти цѣлый день оставался одинъ. Конечно, въ Парижѣ мнѣ бы веселѣе было, но могъ ли я миновать консерваторію, гдѣ Мендельсонъ и Мошелесъ? Часто, слушая разсказы Мошелеса, я записывалъ при немъ же слова его въ мою записную

книжку, и онъ однажды, замѣтя это, спросилъ меня, что я дѣлаю. Я отвѣчалъ, что записываю его разсказъ, чтобы не позабыть чего нибудь интереснаго, потому что въ письмахъ моихъ въ Россію хочу подѣлиться съ моими земляками удовольствіемъ, доставляемымъ мнѣ занимательными разсказами. Мошелесъ улыбнулся и сказалъ:

— Да, хотя я не былъ въ Россіи, но люблю русскихъ и глубоко уважаю вашего императора. Я давно желалъ быть въ Россіи.

— Зачѣмъ дѣло стало,—возразилъ я:—васъ, г. Мошелесъ, почитаютъ и любятъ въ Россіи. Поѣдемте на будущій годъ вмѣстѣ съ нами.

Мошелесъ самодовольно улыбнулся и сказалъ:

— Можетъ быть, и поѣду, чтобъ представить русскимъ моихъ ученицъ, вашихъ дочерей, русскихъ піанистокъ, дѣвицъ Погожевыхъ, но самъ публично играть не буду въ концертахъ.

Я упоминалъ уже о томъ, что познакомился съ русскимъ протоіереемъ Стефаномъ Сабининымъ, духовникомъ великой княгини Маріи Павловны. Онъ—сынъ сельскаго дьячка Воронежской губерніи, обучался въ семинаріи, потомъ въ С.-Петербургской духовной академіи и поступилъ священникомъ при русскомъ посольствѣ въ Даніи, а оттуда къ Саксенъ-Веймарскому двору. Живя 14 лѣтъ въ Копенгагенѣ, Сабининъ выучился исландскому языку, грамматику котораго онъ составлялъ для С.-Петербургской академіи наукъ.

Молодыя женщины и дѣвицы въ Лейпцигѣ ходили однѣ по городу, что̀ должно приписать благонравію ихъ и скромности студентовъ здѣшняго университета. Они очень учтивы, и никто не осмѣлится остановить женщину или прямо заглянуть ей въ лице или подъ шляпку. Въ будни, кромѣ обѣденнаго времени, не встрѣтишь ни одного студента на улицахъ и бульварахъ: такъ заняты они науками. Зато въ праздники веселятся, но безъ шума и ссоръ; прежнее удальство и поединки уничтожились. Однакожъ, каждый вечеръ съ 7 часовъ можно было встрѣтить много студентовъ въ ресторацiяхъ, гдѣ они въ залѣ кругомъ столовъ сидѣли чинно съ сигарами и трубками въ зубахъ, и въ пріятной, дружеской бесѣдѣ пили баварское пиво или другое мѣстнаго произведенія.

Пива потребляется огромное количество, и повѣрите ли, что многіе выпивали по сорока кружекъ въ день (въ бутылку входитъ полторы кружки). Я самъ былъ этому свидѣтелемъ. Блуммъ, книгопродавецъ и издатель одной небольшой политической газеты, при мнѣ выпилъ ровно сорокъ кружекъ баварскаго пива. Замѣтя мое удивленіе, онъ подарилъ мнѣ кружку, изъ которой пилъ пиво въ обычно посѣщаемой имъ ресторацiи.

Прочитавъ въ газетахъ о пріѣздѣ въ Лейпцигъ нѣсколькихъ русскихъ путешественниковъ, зашелъ я въ ту гостиницу, гдѣ они остановились. Это былъ русскій дѣйствительный статскій совѣтникъ съ сыномъ. На мое русское привѣтствіе его превосходитель-

ство мнѣ отвѣчалъ пофранцузски; я обратился къ сыну, молодому человѣку лѣтъ 20, и онъ тоже отвѣчалъ мнѣ пофранцузски. Генералъ не удостоилъ меня даже пригласить сѣсть, и я, постоявъ, самъ сѣлъ. Послѣ нѣсколькихъ разспросовъ о Россіи, на что мнѣ отвѣчали коротко и односложно, я съ стѣсненнымъ сердцемъ ушелъ отъ своихъ земляковъ. Въ другомъ номерѣ той же гостиницы остановились тоже русскіе—помѣщикъ, чиновникъ и купецъ. Они тоже говорили со мною пофранцузски; когда же разговоръ коснулся моего пребыванія въ Лейпцигѣ, и когда я разсказалъ, что двѣ дочери мои здѣсь обучаются музыкѣ въ консерваторіи, то земляки мои не знали даже о существованіи въ Лейпцигѣ консерваторіи и пожалѣли обо мнѣ, что я не доѣхалъ до Парижа, чтобы въ тамошней консерваторіи образовать моихъ дочерей. Удивительно, какъ наши соотечественники до сихъ поръ чуждаются роднаго языка и признаютъ хорошимъ только то, что признано хорошимъ въ Парижѣ.

Въ началѣ мая въ консерваторіи происходилъ домашній годовой экзаменъ, или такъ называемый конкурсъ; послѣ Святой начинался новый курсъ. Дочери мои играли сонату Es-dur, сочиненіе Мошелеса, въ 4 руки. Съ новымъ курсомъ онѣ должны были начать учиться хоровому пѣнію и сочинять.

Мошелесъ прислалъ мнѣ письмо, въ которомъ весьма лестно отзывается о музыкальныхъ способностяхъ моихъ дочерей и предсказываетъ, что черезъ нѣсколько лѣтъ онѣ будутъ совершенными піанистками.

Это мнѣніе знаменитаго профессора музыки меня очень порадовало, но мысль пробыть нѣсколько лѣтъ въ Лейпцигѣ меня ужасала. Въ награду моимъ дочерямъ за любовь къ музыкѣ и прилежаніе Мошелесъ подарилъ изящно отдѣланный альбомъ, вписавъ на первомъ листѣ свое «Impromptu».

Мендельсонъ уѣхалъ на лѣто въ Швейцарію, а Мошелесъ собирался уѣхать на два мѣсяца въ Лондонъ. Въ день отъѣзда заходилъ онъ ко мнѣ два раза и все не заставалъ дома, но вечеромъ мы съ нимъ встрѣтились на улицѣ. Почтенный профессоръ меня остановилъ и сказалъ:

— Можете утѣшиться: ваши дочери въ полтора года сдѣлаютъ такіе успѣхи въ фортепіанной игрѣ, что могутъ оставить Лейпцигскую консерваторію.

Въ здѣшнемъ театрѣ двѣ сестры Нерудъ должны были дать концертъ: одна, 11 лѣтъ, на фортепіано, другая, 7-ми лѣтъ, на скрипкѣ. Отправляясь въ театръ, я думалъ, что этотъ дѣтскій концертъ есть спекуляція, но теперь сознаюсь, что маленькая 7-ми-лѣтняя Неруда есть чудное явленіе въ музыкальномъ мірѣ. Не усслыхавъ ея игры, я не повѣрилъ бы ничьимъ разсказамъ. Въ старшей піанисткѣ ничего особеннаго нѣтъ, но младшая удивила и поразила всѣхъ. Послѣ сыгранной ею на скрипкѣ піесы Эрнста я не

утерпѣлъ, чтобы не сходить въ ложу Фердинанда Давида, желая узнать его мнѣніе о дѣвочкѣ виртуозкѣ-скрипачкѣ, и онъ сказалъ, что «это—чудо-ребенокъ». Но мнѣ жаль было этой дѣвочки, жаль, что родители избрали для нея этотъ инструментъ, вовсе не женскій. Бѣдное дитя! Сколько трудовъ, физическихъ страданій перенесло ты въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, когда тебѣ слѣдовало бы играть въ куклы. Спрашивается, какая цѣль этой игры на скрипкѣ. Въ оркестрѣ женщина играть не можетъ, уроки мужчинамъ давать не можетъ, а женщины на этомъ инструментѣ не учатся.

Конечно, вся цѣль—воспользоваться малымъ ростомъ ребенка и понятливостью, заставить этого ребенка механически изучить нѣсколько концертныхъ піесъ, сочиненныхъ извѣстными современными артистами, и потомъ удивлять публику, собирая дань этого удивленія—деньги. Чтобы ближе видѣть это музыкальное чудо—семилѣтнюю скрипачку, и разспросить ея отца о началѣ открытія и способа развитія ея таланта, я отправился въ гостинницу, гдѣ остановилось семейство Неруда. Было 10 часовъ утра; стучусь въ дверь; женщина, лѣтъ 30-ти, миловидная, въ утреннемъ капотѣ встрѣтила меня, и я вошелъ въ номеръ, или комнату, занимаемую семействомъ Неруда. Это встрѣтила меня мать дѣтей-виртуозокъ. Отецъ сидѣлъ у стола и считалъ талеры, вчерашній сборъ за концертъ. Обѣ дочери сидѣли возлѣ него, блѣдныя, худыя, истомленныя. Мнѣ показались лица ихъ унылыми, но, можетъ быть, это мнѣ такъ показалось потому, что дѣти были усталыми. Однакожъ, удивительно, отчего апплодисменты и восторгъ публики не производили на этихъ дѣвочекъ особеннаго впечатлѣнія и радости или удовольствія, и я замѣтилъ, что лица и глаза ихъ, во время игры и послѣ, во время вызововъ и апплодисментовъ, оставались постоянно равнодушными. И когда я, находясь у нихъ въ квартирѣ, хвалилъ обѣихъ дѣвочекъ и сказалъ, что концертмейстеръ Давидъ весьма лестно отозвался о музыкальномъ талантѣ малютки-скрипачки, то онѣ обѣ прехладнокровно выслушали мои похвалы, даже не поклонившись и не поблагодаривъ меня. Отецъ мнѣ сообщилъ, что старшую Амалію начали учить на фортепіано 6-ти лѣтъ, а младшую Вильгельмину на скрипкѣ $3^1/_2$ лѣтъ. Одиннадцатилѣтняя Амалія отчетливо исполнила на фортепіано «Каприччіо», сочиненіе Гелера; она и сестра ея Вильгельмина, 7-ми лѣтъ, исполнили вмѣстѣ дуэтъ-фантазію для фортепіано и скрипки, сочиненіе Яиза, и потомъ малютка Вильгельмина сыграла на скрипкѣ элегію Эрнста и пѣсню Беріо. Чудно!

Основываясь на опытѣ развитія музыкальныхъ способностей моихъ двухъ дочерей, я могъ вполнѣ убѣдиться, что такого рода проявленія раннихъ музыкальныхъ способностей составляютъ особое призваніе. До 5-ти-лѣтняго возроста, хотя дочери мои и оказывали наклонность, особую охоту и понятливость къ музыкѣ, но

мнѣ жаль было ихъ рано начать учить серьезно играть на фортепіано. Я желалъ, по возможности, отдалить время ученія ихъ, но дѣти не любили дѣтскихъ игръ и жадно прислушивались къ музыкальнымъ мелодіямъ. Я уже упоминалъ о квартетахъ въ домѣ любителя музыки, скрипача Алекс. Андр. Карнѣева, гдѣ обѣ дочери мои, если не могли пробраться въ залъ, стояли у дверей, слушая съ особеннымъ, напряженнымъ вниманіемъ квартеты, скучные для многихъ и взрослыхъ слушателей, но всегда пріятные для исполняющихъ. Впослѣдствіи А. А. Карнѣевъ вводилъ ихъ въ залъ, сажалъ на мѣста, и дѣти, по шестому и седьмому году, сидѣли чинно и смирно часа два сряду. Что же касается того, истощаются ли жизненныя силы ребенка отъ преждевременнаго развитія талантовъ, то, конечно, начать учить дитя музыкѣ ранѣе 7-ми лѣтъ есть, по моему мнѣнію, варварство и безчеловѣчіе, но если ребенокъ, подобно Моцарту, Науману, Гайдну и другимъ, расправляетъ свои мелодическія крылья по природному влеченію и расположенію, если при музыкальномъ развитіи соблюдается постепенность, безъ родительскаго самолюбія—блеснуть дѣтскимъ талантомъ, то можно предоставить природѣ развертываться: вреда здоровью не будетъ. Мои двѣ дочери начали серьезно учиться на фортепіано—старшая 8-ми, младшая 7-ми лѣтъ; играли по 3 часа въ день и никогда усталости не чувствовали. Младшая все время была здоровая дѣвушка, старшая отъ рожденія слабаго сложенія, болѣзненная, съ возростомъ укрѣплялась въ здоровьѣ; сила же ея въ игрѣ была непостижима и равнялась силѣ мужчины-піаниста. Слѣдовательно, эту силу пріобрѣла она отъ постепенной механической игры на фортепіано. Мнѣ все кажется, что занятіе музыкою не просто механическое, а душевное, энергическое, страстное, убиваетъ не силы физическія, но разстроиваетъ нервы. Не отъ разстройства ли нервъ такъ рано похищены смертью Моцартъ, Мендельсонъ, Белини и Доницети?

Какъ бы то ни было, надобно благоразумно руководить талантъ и поддерживать священный огонь музыки и поэзіи. Иначе, преждевременно созрѣвшее плодовитое дерево скоро завянетъ, засохнетъ, такъ точно, какъ два брата Эйхгорны. Они удивляли музыкальный міръ игрою на скрипкѣ, безъ надлежащаго и правильнаго изученія музыки; жадный и корыстолюбивый ихъ воспитатель спѣшилъ собрать денегъ, а не образовать двухъ артистовъ-скрипачей. Что же вышло? Эйхгорны еще въ молодыхъ лѣтахъ сбились съ толку: одинъ вскорѣ умеръ, а другой таскался и игралъ по трактирамъ и ресторациямъ. Страшно подумать.

Н. В. Погожевъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНІЯ В. Н. ПОГОЖЕВА [1].

XVI.

Неожиданное горе.—Серенада съ факелами.—Подарокъ великой княгини.—Клевета на Сальери и его странности.—Съѣздъ германскихъ композиторовъ.—Поѣздка въ Дрезденъ.—Пріѣздъ Саксонскаго короля въ Лейпцигъ.—Концертъ въ музыкальной консерваторіи.—Удачный дебютъ моихъ дочерей.—Европейское значеніе Лейпцигской ярмарки.—Монотонность нѣмецкой жизни.

ВТОРАЯ МОЯ дочь Наталья заболѣла не на шутку. Я послалъ за докторомъ Кларусомъ, который объявилъ, что у нея воспаленіе въ боку. Но, благодареніе Всевышнему, она недѣли черезъ три выздоровѣла и принялась опять за уроки. Докторъ Кларусъ сказалъ, что у нея болѣзнь совсѣмъ прошла счастливымъ кризисомъ, и поздравилъ меня съ тѣмъ, что у дочери моей будетъ большой голосъ.

Въ послѣднихъ числахъ іюня студенты здѣшняго университета давали одному изъ своихъ профессоровъ серенаду съ факелами, что здѣсь называется «Fakelzug», за то, что онъ отказался отъ предлагаемаго ему лучшаго мѣста въ другомъ университетѣ. Въ 9 часовъ вечера девятьсотъ студентовъ въ разнообразныхъ платьяхъ, съ зажженными факелами въ рукахъ, предводимые своими депутатами въ шарфахъ черезъ плечо и въ длинныхъ ботфортахъ со шпорами, съ военной музыкою, попарно прошли отъ университета до квартиры своего любимаго профессора. У оконъ его пропѣли хо-

[1] Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LIII, стр. 363.

ромъ благодарность и привѣтствіе, сочиненное однимъ изъ поэтовъ-студентовъ. Депутаты вошли въ домъ и отъ имени всѣхъ студентовъ сказали профессору благодарственную рѣчь. Потомъ весь кортежъ прошелъ по главнымъ улицамъ съ пѣніемъ и музыкою; въ 10 часовъ факелы были погашены, но студенты пировали въ рестораціяхъ до утра.

Мошелесъ, по возвращеніи изъ Лондона, остался доволенъ прилежаніемъ моихъ дочерей и сказалъ мнѣ, что съ этихъ поръ достаточно имъ брать по одному приватному уроку въ недѣлю, а раньше онѣ брали по два урока.

Вальсъ изъ русскихъ пѣсенъ, переложенный моими дочерьми для фортепіано на 4 руки, отпечатанъ, и я имѣлъ счастіе поднести экземпляръ великой княгинѣ Маріи Павловнѣ. Дочери мои удостоились получить отъ нея подарки: двѣсти рублей и по золотой съ каменьями броши. Одинъ экземпляръ этого вальса великая княгиня соизволила принять для доставленія принцессѣ Альтенбургской, впослѣдствіи супругѣ великаго князя Константина Николаевича, ея императорскому высочеству великой княгинѣ Александрѣ Іосифовнѣ.

Въ церкви св. Ѳомы была обѣдня съ оркестромъ музыки и хоромъ пѣвчихъ: исполняли гимнъ Сальери. Выходя изъ церкви, я встрѣтился съ Мошелесомъ, который былъ у обѣдни съ женою, двумя дочерьми и сыномъ. Я спросилъ его, справедливо ли, что Сальери изъ зависти отравилъ Моцарта. Почтенный Мошелесъ улыбнулся и сказалъ мнѣ:

— Неправда, я ученикъ Сальери, я находился при его смерти, и Сальери передъ своею кончиною мнѣ сказалъ: «Въ послѣднія минуты моей жизни меня огорчаетъ только то, что я о себѣ оставляю мнѣніе, будто я былъ врагомъ Моцарта, и я не могу эту клевету уничтожить».

Мошелесъ разсказалъ мнѣ нѣкоторыя черты изъ жизни Сальери: онъ былъ музыкантъ-философъ; имѣлъ свои странности, между прочимъ, не любилъ огня, а потому въ квартирѣ его во всю его жизнь не топилась печь или каминъ, и не зажигалось ни свѣчъ, ни лампъ. Заболѣвъ, онъ не хотѣлъ лечиться дома, но пожелалъ лечь въ больницу, гдѣ и умеръ.

Въ первыхъ числахъ августа, въ Лейпцигѣ впервые состоялось собраніе германскихъ композиторовъ, а на будущее время эти съѣзды будутъ происходить ежегодно. Цѣль этихъ собраній — разсуждать объ усовершенствованіи музыки, инструментовъ, печатаніи нотъ, разборѣ новыхъ сочиненій и опредѣленіи достоинства ихъ. Хорошо было бы, если бы и въ Россіи учредили подобное общество композиторовъ.

Я ѣздилъ въ Дрезденъ и останавливался у соотечественника Ермолая Гайдукова, въ гостинницѣ его «Palais Haiducoff». Онъ крѣ-

постной человѣкъ, кажется, князя Голицина, остался по какому-то случаю за границею; какъ отличный поваръ, сначала служилъ при разныхъ гостинницахъ, а потомъ, женившись, самъ завелъ свою гостинницу. Но дѣла его очень разстроены: долговъ накопилось столько, что ему придется оставить свое заведеніе.

Былъ я у нашего посланника г. Шредера; онъ принялъ меня радушно, отдалъ мнѣ визитъ и пригласилъ на другой день обѣдать. Вечеромъ я былъ въ театрѣ. Давали оперу Флотова «Александръ Страделла». Піеса шла очень хорошо; ансамбль превосходный. Тихачекъ — пѣвецъ весьма пріятный, но, кажется, спадалъ съ голоса. Жаль! Такихъ теноровъ мало на европейскихъ театрахъ. Оркестръ превосходный; въ немъ играли первую скрипку Липинскій и віолончелистъ Куммеръ.

Рано утромъ, 28-го августа, часовъ въ 8, пришелъ къ намъ Мошелесъ, весь вспыхахъ, и, объявивъ, что въ Лейпцигѣ ждутъ короля Саксонскаго, приказалъ дочерямъ моимъ приготовить къ концерту «Rondo» его сочиненія (a-dur), въ четыре руки. Въ половинѣ одиннадцатаго утра пушечные выстрѣлы и колокольный звонъ возвѣстили прибытіе въ Лейпцигъ короля изъ Дрездена по желѣзной дорогѣ на экстренномъ поѣздѣ. У станціи желѣзной дороги ожидали его военные и гражданскіе высшіе чины, а у подъѣзда станціонной гостинницы стоялъ въ парадѣ эскадронъ народной гвардіи, отъ начала же бульвара до гостинницы «Hôtel Gross-Blumenberg» стояли батальоны народной гвардіи, а также депутаціи разныхъ цеховъ (сословій) съ ихъ знаменами, какъ-то: переплетчики, столяры и пр., предшествуемые своимъ маршаломъ или головою, рыбаки въ рыбацкихъ платьяхъ со значками, со множествомъ дѣтей, одѣтыхъ тоже порыбацки. Его величество встрѣчаемъ былъ громогласными, единодушными восклицаніями, шелъ пѣшкомъ по бульвару, при громѣ пушекъ, звонѣ колоколовъ и музыкѣ. Едва только король вошелъ въ свои комнаты, какъ народъ нахлынулъ волною къ окну отеля. Его величество подошелъ къ окну, раскланивался народу и былъ привѣтствованъ громогласнымъ «ура». Вечеромъ онъ былъ въ театрѣ; по окончаніи представленія студенты съ факелами и музыкантами подошли къ окнамъ занимаемыхъ королемъ комнатъ и пѣли нарочно на случай пріѣзда его сочиненные стихи съ аккомпанементомъ оркестра музыки. Народъ съ самаго пріѣзда короля кишмя кишѣлъ до самой глубокой ночи у оконъ занимаемыхъ имъ комнатъ.

Въ 5 часовъ утра зорю играли музыканты народной гвардіи, ходя по улицамъ. Въ 12 часовъ назначенъ былъ концертъ въ музыкальной консерваторіи; я всталъ по утру въ пятомъ часу и отправился отыскивать парикмахера, чтобы завить моимъ дочерямъ волосы, но на домъ никто не шелъ потому, что по случаю праздника оставалось только по одному подмастерью, прочіе же всѣ ра-

зошлись. Наконецъ, я рѣшился отвести дочерей въ одинъ изъ парикмахерскихъ салоновъ, самъ же возвратился домой одѣваться. Въ $10^1/_2$ часовъ пришли ко мнѣ наша петербургская пѣвица Леонова и сынъ одесскаго негоціанта Розенфельдтъ, чтобы вмѣстѣ отправиться на концертъ. Но вотъ на часахъ городской ратуши пробило 11 часовъ, время начала концерта по программѣ, а дочери мои еще не возвращались отъ парикмахера.

Я былъ въ ужасномъ волненіи, боясь опоздать въ концертъ, безпрестанно подходилъ къ окнамъ, въ нѣмомъ отчаяніи ломая себѣ пальцы на рукахъ; голова моя горѣла, сердце сильно билось... Схвативъ шляпу, сбѣгаю съ лѣстницы, за воротами сажусь на извозчичьи дрожки, приказываю себя везти къ парикмахеру и на углу улицы, ведущей въ консерваторію, встрѣчаюсь съ ѣхавшимъ королемъ. Волненіе мое увеличивается, но, не доѣзжая до парикмахера, встрѣчаю ѣдущихъ домой дочерей. Мы возвратились домой, и въ пять минутъ, при помощи ловкой артистки Леоновой, дочери мои были одѣты, и мы поѣхали. Короля еще не было; я его встрѣтилъ, когда онъ ѣхалъ въ католическую церковь. Однако-жъ, мѣста въ концертной залѣ были всѣ заняты, но добрый Мошелесъ самъ принесъ для дочерей моихъ два стула и поставилъ впереди. Тогда всѣ глаза, лорнеты и бинокли обратились на двухъ маленькихъ дѣвочекъ, русскихъ піанистокъ, ученицъ консерваторіи, одѣтыхъ въ бѣлыя платья.

Въ исходѣ двѣнадцатаго пріѣхалъ король вмѣстѣ съ молодымъ принцемъ Ольденбургскимъ, который здѣсь въ Лейпцигскомъ университетѣ слушалъ курсъ наукъ. Концертъ начался увертюрой изъ «Водовоза» (опера соч. Херубини); потомъ воспитанникъ Аменда изъ Курляндіи игралъ съ аккомпанементомъ оркестра концертъ Мендельсона (g—moll); дѣвица Ида Моръ изъ Амстердама пѣла Arioso съ женскимъ хоромъ, въ которомъ участвовали и мои дочери. Воспитанникъ Риціусъ исполнилъ на скрипкѣ концертъ г. Давида, послѣ чего профессоръ Мошелесъ самъ вывелъ моихъ дочерей, которыя, сдѣлавъ реверансъ, сѣли за рояль и начали играть. Публика слушала весьма внимательно, а король изъявлялъ свое удовольствіе качаніемъ головою такта и, по окончаніи пьесы, сказалъ: «браво, браво!».

Послѣ воспитанникъ Зайсъ игралъ на скрипкѣ варіацію, соч. Давида; дѣвица Генріетта Бастинельгеръ, Мина Леопольдъ, Клара Виламъ и Паулина Фридлейнъ пѣли двѣ аріи, соч. Мендельсона, и, наконецъ, воспитанники де-Сантисъ, Ашеръ, Денклеръ и Винтербергеръ играли дуэтъ на двухъ роялях въ восемь рукъ «Jadis et aujourd'hui», соч. Мошелеса. Король очень былъ доволенъ успѣхами консерваторіи и приказалъ представить себѣ профессоровъ, затѣмъ подошелъ къ моимъ дочерямъ, сдѣлалъ имъ привѣтствіе, и когда меня ему представили, онъ сказалъ мнѣ пофранцузски:

— Vous avez une grande confiance en nous de venir ici, vos filles ont des charmants talents. (Вы имѣете большое довѣріе къ намъ, пріѣхавъ сюда; ваши дочери обладаютъ прелестными талантами).

Такъ удачно кончился этотъ дебютъ на музыкальномъ поприщѣ моихъ дочерей. Всѣ профессора, директора консерваторіи, многіе артисты и любители музыки поздравляли меня съ успѣхомъ моихъ дочерей, говоря, что онѣ сыграли пьесу чисто и отчетливо. Самъ профессоръ Мошелесъ доволенъ былъ исполненіемъ его пьесы, сочиненной имъ 36 лѣтъ тому назадъ, но такъ еще свѣжей и пріятной мотивами, какъ будто это рондо написано недавно.

Въ началѣ сентября я былъ въ классѣ Фердинанда Давида. Онъ давалъ уроки съ аккомпанементомъ скрипки. Обѣ дочери мои играли съ нимъ, каждая порознь, дуэты. Вотъ что мнѣ сказалъ Давидъ:

— Vos filles ont des grandes dispositions pour la musique. Elles iront loin. Elles ont éxécutées avec moi deux sonates de Bethowen très difficiles parfaitement. (Ваши дочери имѣютъ большія способности къ музыкѣ. Онѣ пойдутъ далеко. Онѣ исполнили со мной превосходно двѣ очень трудныя сонаты Бетховена).

Въ ожиданіи полугодоваго экзамена въ консерваторіи, дочери мои прилежно готовились, и старшая должна была декламировать на нѣмецкомъ языкѣ монологъ изъ трагедіи Шиллера «Іоанна д'Аркъ». Мнѣ странно, почему гг. преподаватели пѣнія въ консерваторіи, не объяснивъ правилъ пѣнія, заставляютъ моихъ дочерей пѣть въ хорѣ, даже въ концертахъ.

Когда принесли мнѣ изъ консерваторіи аттестаты моимъ дочерямъ, я возблагодарилъ святой промыслъ Всевышняго. Надежды мои начали сбываться, будущее веселило и радовало...

Въ Лейпцигѣ бывали три ярмарки въ году. Первая начиналась въ апрѣлѣ мѣсяцѣ и была лучшей и богатѣйшей; она называлась Пасхальною. Вторая происходила въ сентябрѣ мѣсяцѣ и называлась Михайловскою, а третья на новый годъ, значительно менѣе другихъ и называлась Рождественскою; каждая продолжалась отъ 4 до 6 недѣль.

Лейпцигская ярмарка—это базаръ всей Европы. Сюда пріѣзжало купцовъ и негоціантовъ до 40 тысячъ человѣкъ. Множество лавокъ и лавочекъ на площадяхъ и дворахъ; богатые и блестящіе магазины, устроенные почти въ каждомъ домѣ на главныхъ улицахъ, лубочныя комедіи, болѣе 2 тысячъ странствующихъ музыкантовъ: все это множество народа, привлеченнаго сюда прибылью, представляло живую и занимательную картину, коей живописную часть составляли польскіе жиды, съ длинными бородами, черными блестящими глазами, въ мѣховыхъ шапкахъ и

черныхъ сюртукахъ. Торговый оборотъ Лейпцигской ярмарки простирался до 20 милліоновъ рублей серебромъ, главнымъ образомъ по книжной торговлѣ.

Чѣмъ больше жилъ я за границей, тѣмъ становилось скучнѣе; я оживлялся только, когда дочери мои возвращались съ ученія. Старшая почти всегда была весела, рѣзва и смѣшила насъ до слезъ; вторая серьезна и рѣдко, рѣдко разгуляется.

Такъ день за днемъ прожили мы здѣсь восемь мѣсяцевъ.

XVII.

Иностранные слухи о Россіи. — Смерть Мендельсона-Бартольди. — Торжественныя похороны его.—Публичный экзаменъ въ консерваторіи.—Отзывы иностранной печати объ игрѣ моихъ дочерей.—Новый годъ въ Лейпцигѣ.—Задача женскаго воспитанія. — Особенности лейпцигской жизни.—Знакомство съ віолончелистомъ Косманомъ.

Мендельсонъ заболѣлъ не на шутку. Долженъ былъ быть пятый абонементъ-концертъ; мы уже готовы были идти, какъ вдругъ наша горничная сообщила намъ, что, идя покупать свѣчи, видѣла на углу улицы прибитую афишу, что концертъ отложенъ. Это значитъ, что Мендельсонъ очень боленъ.

Дѣйствительно, 4-го ноября, въ 9 часовъ 20 минутъ, скончался знаменитый генералъ-директоръ музыки Феликсъ Мендельсонъ-Бартольди. Вся Лейцигская музыкальная консерваторія, всѣ артисты и любители музыки, весь Лейпцигъ были въ горѣ и унынiи. Конечно, всѣ страны свѣта, гдѣ пѣли и разыгрывали сочиненія этого великаго маэстро, будутъ сожалѣть о ранней его кончинѣ. Ему было только 38 лѣтъ, и онъ такъ много сдѣлалъ для музыки. Онъ былъ хорошъ собою, съ черными, быстрыми и пламенными глазами, которые воодушевляли оркестръ, когда онъ имъ дирижировалъ. Любя страстно музыку не ради насущнаго хлѣба, потому что онъ былъ богатъ, а по призванію свыше, по душевному влеченію, Мендельсонъ былъ истинный поэтъ, съ пламеннымъ, восторженнымъ воображеніемъ. Онъ былъ истинный христіанинъ, и всѣ почти его сочиненія проникнуты религіозными идеями и чувствами.

Въ 3 часа по полудни назначенъ былъ выносъ и отпѣваніе тѣла Мендельсона-Бартольди въ Паулинъ-кирхѣ. Получивъ пригласительный билетъ, я отправился въ 2 часа въ домъ покойнаго, но гробъ уже былъ вынесенъ на дворъ и поставленъ на печальную колесницу. Гробъ былъ обитъ чернымъ бархатомъ, покровъ тоже черный бархатный, съ вышитыми серебромъ крестами и другими эмблемами христіанства. На крышѣ гроба распятіе Іисуса Христа, вылитое изъ чистаго серебра; по сторонамъ гробъ былъ украшенъ пальмовыми вѣтвями (листьями) и лавровымъ вѣнкомъ, сдѣлан-

ными на деньги, пожертвованныя учениками и ученицами консерваторіи.

Всѣ друзья и почитатели покойнаго собрались въ церкви св. Іоанна, откуда, по установленному церемоніалу, отправились къ дому усопшаго. Въ 3 часа началось погребальное шествіе въ слѣдующемъ порядкѣ:

1) Четыре полицейскихъ служителя.

2) Музыканты городскіе и двухъ егерскихъ баталіоновъ играли на духовыхъ инструментахъ маршъ, переложенный для оркестра Игнатіемъ Мошелесомъ изъ одной «Пѣсни безъ словъ» покойнаго.

3) Профессора и ученики консерваторіи, а сзади ихъ одинъ изъ учениковъ, де-Сансесъ, несъ серебряную корону, сдѣланную на деньги, пожертвованныя учениками и ученицами покойнаго.

4) Гробъ на печальной колесницѣ былъ везенъ четырьмя лошадьми въ черныхъ попонахъ; каждую лошадь велъ подъ уздцы конюхъ въ траурѣ; по сторонамъ колесницы шли четыре ассистента въ глубокомъ траурѣ, профессора консерваторіи, Игнатій Мошелесъ, директоръ музыки Гауптманъ и Гаде, и концертмейстеръ Фердинандъ Давидъ тутъ же Робертъ Шуманъ и Карлъ Мейеръ.

5) За гробомъ или колесницею шелъ родной братъ покойнаго, извѣстный берлинскій банкиръ.

6) Суперъ-интендентъ и четыре пастора.

7) Комендантъ города съ офицерами, бюргермейстеръ, члены городской ратуши и разныхъ присутственныхъ мѣстъ.

8) Главное купечество, литераторы, журналисты, артисты, музыканты и депутаты разныхъ сословій.

Весь кортежъ состоялъ болѣе, нежели изъ двухъ тысячъ человѣкъ. Улицы, бульвары, окна домовъ и крыши заполнены были зрителями, и можно сказать, что весь городъ былъ на погребеніи своего любимаго и обожаемаго генералъ-директора музыки. Множество было пришедшихъ и пріѣхавшихъ изъ окрестныхъ селеній и ближайшихъ городовъ, какъ, напримѣръ, изъ Дрездена, Веймара, Готы, Альтенбурга и др. Народу была тьма тьмущая, но какъ все было тихо, мирно, смирно: ни толкотни, ни шума, ни ссоръ, ни мошенничества и воровства, какъ бываетъ при подобныхъ стеченіяхъ народа въ большихъ городахъ. Въ этой толпѣ даже видны были няньки съ дѣтьми на рукахъ или въ колясочкахъ.

Погребальная процессія шла отъ дома покойнаго мимо бульвара черезъ Петровскія ворота по Петровской улицѣ до рынка и потомъ, дойдя до городской ратуши, поворотила въ Гримаше-штрассе и достигла до Паулинъ-кирха, когда уже было 4 часа. При внесеніи гроба въ церковь, органъ игралъ прелюдію, и хоръ пѣлъ хоралъ «Erkenne mich, mein Hüber». Потомъ хоръ съ аккомпанементомъ оркестра пѣлъ хоралъ изъ ораторіи «Paulus» Мендельсона: «Dir, Herr, Dir will ich mich ergeben». Послѣ говорено было надгробное

слово суперъ-интендентомъ и, наконецъ, хоръ съ аккомпанементомъ оркестра пѣлъ изъ ораторіи «Paulus» «Siehe, wir preisen selig», а затѣмъ хоръ Себастіана Баха. Весь хоръ состоялъ изъ 400 особъ, любителей, любительницъ, артистовъ, учениковъ и ученицъ консерваторіи.

Съ грустными лицами, съ поникшими головами возвращались всѣ по домамъ, но народъ волновался около церкви до 10 часовъ вечера, ожидая отправленія по желѣзной дорогѣ въ Берлинъ тѣла покойнаго Мендельсона-Бартольди, которое должно быть предано землѣ въ усыпальницѣ его предковъ. Граждане не довольны были, что Мендельсона погребаютъ не въ Лейпцигѣ, и даже носились слухи, что не хотятъ допустить перевозку гроба въ Берлинъ, почему полиція и распорядилась, чтобы эта перевозка произведена была въ 12 часовъ ночи, когда въ городѣ всѣ лягутъ спать.

Лейпцигская музыкальная консерваторія должна много оплакивать почтеннаго своего основателя и покровителя, который любилъ и поощрялъ молодые таланты. Живо помню его радушный пріемъ, его лестный отзывъ о Россіи, о способностяхъ русскихъ къ музыкѣ, о русскихъ оригинальныхъ мелодіяхъ. Вѣроятно, и русскія піанистки, Вѣра и Наталья Погожевы, не забудутъ добраго вниманія безсмертнаго и геніальнаго своего наставника, который призналъ въ нихъ самостоятельные музыкальные таланты, намѣревался писать и рекомендовать ихъ друзьямъ своимъ въ Петербургѣ—къ графамъ Віельгорскимъ и Адольфу Гензельту.

Въ началѣ декабря въ консерваторіи происходилъ публичный экзаменъ, или концертъ, въ которомъ дочери мои сыграли на двухъ роялях дуэты Мошелеса «Hommage à Haendel». Онѣ играли, по выраженію самого Мошелеса, спокойно, отчетливо. Лейпцигская музыкальная публика много имъ апплодировала; даже дамы во время игры встали съ своихъ мѣстъ и апплодировали.

Въ «Deutsche Allgemeine Zeitung» была напечатана статья объ экзаменѣ въ консерваторіи, гдѣ, между прочимъ, говорилось: «Достойно похвалы исполненіе прекраснаго сочиненія Мошелеса «Hommage à Haendel», на двухъ фортепіано, дѣвицами Вѣрою и Натальею Погожевыми изъ Петербурга, которыя показали таланты замѣчательнѣйшіе, подающіе радостныя надежды». Спустя дня три въ газетѣ «Leipziger Tagesblatt» напечатано было слѣдующее привѣтствіе моимъ дочерямъ: «Поздравляемъ дѣвицъ Вѣру и Наталью Погожевыхъ! На экзаменѣ музыкальной консерваторіи вы передъ многими любителями музыки показали истинные ваши таланты, отъ которыхъ должно ожидать прекрасныхъ надеждъ. Если будете съ прилежаніемъ и любовью продолжать изучать это прекрасное искусство, то навѣрно современемъ достигнете еще лучшаго торжества».

Вообще, дочери мои счастливы были вниманіемъ лейпцигской музыкальной публики. Наканунѣ Рождества (по новому стилю) неизвѣстный мальчикъ позвонилъ у двери и подалъ горничной нашей запечатанный пакетъ, а самъ скрылся. Въ этомъ пакетѣ оказались подарки моимъ дочерямъ: два благовонныхъ пакета съ мускусомъ (sachet для бѣлья), два бальныхъ флакона съ духами и по два бальныхъ вѣера съ сувенiромъ для танцевъ. При пакетѣ оказалась записка на нѣмецкомъ языкѣ: «На память отъ двухъ почитателей вашихъ талантовъ, которыхъ вы на послѣднемъ экзаменѣ консерваторіи привели въ восхищеніе».

Далѣе, въ № 333 «Leipziger Zeitung», отъ 25-го декабря, былъ помѣщенъ не менѣе лестный отзывъ объ игрѣ моихъ дочерей, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ нѣмецкихъ газетахъ.

Въ музыкальномъ журналѣ «Neue Zeitschr. für Musik», № 1, Вѣра и Наталья Погожевы названы «hübsche Moscowiterinen» (миленькія московки) и, между прочимъ, говорится, что «любопытно послушать игру этихъ кудрявыхъ головокъ, когда у нихъ начнутъ биться сердца».

Дочери мои порадовали меня въ день нашего новаго года и день моихъ именинъ дорогимъ для меня подаркомъ: поднесли мнѣ свое музыкальное сочиненіе, которое я и назвалъ: «Первая музыкальная мысль Вѣры и Натальи Погожевыхъ; посвящено родинѣ» (отечеству).

Постоянно слѣдя за характерами моихъ дочерей, я старался образовать ихъ кроткими, привѣтливыми, снисходительными. Часто я повторялъ, что женщина рождена повиноваться и можетъ только «желать», а не «хотѣть»: желаю значитъ прошу ласково, кротко, а хочу означаетъ приказъ, волю, рѣшительный приговоръ. Дѣвушка находится въ повиновеніи у родителей или попечителей, женщина у мужа. На это старшая моя дочь Вѣра мнѣ сказала, что она изберетъ себѣ мужа, который будетъ не умнѣе ея. Но она ошибается: съ умнымъ мужемъ лучше можно поладить и убѣдить его, а дуракъ—упрямъ и въ случаѣ противорѣчія прибѣгнетъ къ физической силѣ. Кротость, ласковость, привѣтливость, снисходительность—вотъ средства умной женщины жить согласно и дружно съ мужемъ. Разсердится ли онъ на что, умная жена старается приласкаться къ нему, соглашается съ нимъ во всемъ; беретъ его привѣтливо за руку и не отходитъ отъ него, пока онъ не примирится съ нею. Можетъ быть, онъ и ошибается, можетъ быть, она права; но къ чему послужитъ противорѣчіе? Дайте ему успокоиться, и тогда объясните сущность дѣла, и повѣрьте, что правда возьметъ верхъ. Вотъ въ чемъ состоитъ торжество ума. Нерѣдко приходила мнѣ на умъ мысль, какая цѣль глубокаго изученія музыки для дѣвушки? Достигнетъ она лѣтъ 18 или 20, выйдетъ замужъ и броситъ музыку для хозяйства и дѣтей. Одно лишь, если она вый-

детъ замужъ за артиста или композитора, тогда вдвоемъ они могутъ создать оперу или что нибудь другое!..

Говорятъ, что Лейпцигъ центръ германскаго просвѣщенія. Но я не замѣчалъ ничего отличнаго: конституція шуточная, свобода мнимая... Общества почти нѣтъ; мужчины вечеромъ за пивомъ занимаются болтовней, женщины дома хозяйничаютъ; прислуга ходитъ за водою и моетъ посуду. Въ 10 часовъ всѣ ложатся спать, а въ 5 часовъ мужчины занимаются счетами и расчетами, женщины стряпаютъ, дѣвушки поютъ лидеры (пѣсни), играютъ на фортепіано «Приглашеніе на вальсъ» Вебера, иногда вечеромъ идутъ съ маменьками въ концертъ и мечтаютъ о кухенахъ (пирожное) и леденцахъ въ цвѣтныхъ бумажкахъ.

Женщины и дѣвушки здѣсь любятъ простоту въ платьяхъ, но украшаются разноцвѣтными лентами и бляхами въ родѣ браслетъ, фермуаровъ, брошекъ изъ каменьевъ, обдѣланныхъ во французское золото. Старухи неприхотливы, въ нарядахъ у нихъ два цвѣта любимые: платье черное и чепчикъ съ розовыми лентами. Всѣ, старыя и молодыя, носятъ теплую юбку съ полдюжиною юбокъ холодныхъ, накрахмаленныхъ и гладкихъ, у нѣкоторыхъ съ обручами на подолѣ, шерстяные чулки и теплые полусапожки. Лѣтомъ, на любимомъ публикою гуляньѣ въ Розенталѣ, въ саду кондитера Бонерана, гдѣ бывали часто оркестровые концерты, я видѣлъ нѣсколько молодыхъ дамъ въ бархатныхъ полусапожкахъ и готовъ былъ биться объ закладъ, что многія носили лѣтомъ ватныя юбки.

Въ музеумѣ я какъ-то познакомился съ віолончелистомъ Космаиомъ; онъ учился музыкѣ въ Парижѣ. Говорятъ, что онъ скоро будетъ учить игрѣ на віолончелѣ въ консерваторіи. Космань былъ вечеромъ у меня, слушалъ игру моихъ дочерей и, когда играла младшая этюды Карла Майера, то онъ нѣсколько разъ повторилъ:

— «Point d'enfants! point d'enfants!» [1]).

XVIII.

Политическія волненія.—Мои столкновенія съ нѣмцами въ спорахъ о политикѣ.—Народныя волненія въ Лейпцигѣ.—Робертъ Блюмъ.—Знакомство съ Листомъ.—Возвращеніе въ Россію черезъ Веймаръ.—Участіе Листа къ моимъ дочерямъ.—Загадочные незнакомцы.—Пріѣздъ въ Варшаву.

Политическія событія (Парижская революція) заставили насъ въ февралѣ 1848 года возвратиться въ Россію. Наша поѣздка въ Парижъ и Италію должна была отсрочиться на неопредѣленное

---

[1]) Нѣтъ уже дѣтей, нѣтъ уже дѣтей.

время. Но дочери въ музыкальномъ своемъ образованіи втеченіе 15-ти мѣсяцевъ пребыванія въ Лейпцигской музыкальной консерваторіи сдѣлали большіе успѣхи и, наконецъ, по выдержаніи публичнаго экзамена получили изъ консерваторіи дипломы и позволеніе своего знаменитаго профессора, Игнатія Мошелеса, называться его ученицами.

Весь городъ въ волненіи; листки газетъ въ видѣ прибавленій читались въ кофейняхъ, ресторанахъ, на улицахъ. Король Людвигъ-Филиппъ отрекся отъ престола, внукъ его, двѣнадцати-лѣтній принцъ Парижскій, провозглашенъ королемъ, и его мать правительницею. Одно время казалось, что все придетъ въ порядокъ. Однако мало надежды. Нѣсколько литераторовъ и журналистовъ изъ Лейпцига поѣхали въ Парижъ слѣдить за происшествіями. Кто-то изъ нихъ уже привезъ кусокъ разбитаго королевскаго трона и, конечно, нѣмцы стали бы брать за показъ этого куска по зильбергрошу.... Нѣмцы любятъ подражать французамъ; должно опасаться, чтобы и они не вздумали сдѣлать революцію. Въ Пруссіи и даже въ счастливой Саксоніи много недовольныхъ; либерализмъ, коммунизмъ и радикализмъ распространились повсюду. Въ музеумѣ и по улицамъ въ началѣ марта уже кричали: «Vivat respublica!».

Въ Лейпцигѣ волненіе съ каждымъ днемъ увеличивалось, но все еще было тихо, смирно, спокойно; ожидали газетъ, читали ихъ вслухъ; народъ собирался толпами и толковалъ о политикѣ; занятія были оставлены, торговля прекратилась. 4-го марта въ Schützenhaus (Стрѣлковый домъ, гдѣ помѣщался въ то время ресторанъ съ концертнымъ заломъ) было собраніе до 2-хъ тысячъ человѣкъ. Робертъ Блюмъ и нѣкоторые другіе говорили рѣчи. На слѣдующій день назначенъ былъ тамъ же банкетъ реформистовъ, или либераловъ. Я едва не поссорился въ музеумѣ съ либералами. Право, прискорбно было слышать ихъ сужденія, особенно нелѣпыя выходки противъ Россіи...

Трудно было бы рѣшить, состоится ли въ Лейпцигѣ ярмарка. Купцы, приказчики, ремесленники, артисты—всѣ и все вооружалось. Зачѣмъ и противъ кого? Боялись Россіи, ждали казаковъ, говорили, что 300 тысячъ русскаго войска на границахъ, ожидали войны... Я старался избѣгать всякаго рода споровъ и сужденій о политикѣ, хотя меня на это часто вызывали. Напримѣръ, когда я проходилъ по одной изъ залъ музеума, гдѣ вокругъ длиннаго стола сидѣли нѣсколько человѣкъ, которые по обыкновенію толковали о политикѣ и Россіи, нѣкто г. Беренсъ, купецъ, торгующій шелковыми товарами, бывшій нѣкогда въ Россіи, остановилъ меня и сказалъ:

— Постойте, г. полковникъ. Куда это вы спѣшите? Мы говоримъ теперь о Россіи.

— Это старая пѣсня,—отвѣчалъ я и хотѣлъ пройти далѣе, но Беренсъ сказалъ:

— А! Вы боитесь шпіоновъ, которые донесутъ на васъ русскому правительству?

Не успѣлъ я отвѣтить на это, какъ услыхалъ, что кто-то изъ сидящихъ за столомъ сказалъ:

— Многіе русскіе сами ѣздятъ за границу для шпіонства.

Я возразилъ, возвыся голосъ, что русскіе не могутъ быть шпіонами, потому что аристократъ и богатый человѣкъ на это не рѣшится, онъ дѣйствуетъ прямо, открыто, среднее сословіе наше не знаетъ языка, который вообще у насъ не принятъ въ общежитіи и есть языкъ ремесленниковъ и ученыхъ. Но если бы правительству русскому понадобились шпіоны и если предположить, что Россія имѣетъ за границею шпіоновъ, то это вѣрно не русскіе, а нѣмцы и евреи.

Нѣсколько человѣкъ оскорбились этимъ моимъ выраженіемъ, но тотъ же Беренсъ призналъ справедливость моихъ словъ, и я, ожидая непріятностей, пріобрѣлъ общее уваженіе. Вотъ и еще случай. Въ томъ же музеумѣ для чтенія одинъ изъ профессоровъ университета разсуждалъ о кампаніи 1812 года и, между прочимъ, сдѣлалъ рѣшительный приговоръ, что Россія обязана успѣхами своими сильнымъ морозамъ. Я не утерпѣлъ, чтобы не возразить на это:

— Позвольте васъ спросить, г. профессоръ, какъ же сами русскіе могли переносить такой сильный морозъ?

— У русскихъ солдатъ,—отвѣчалъ профессоръ,—были шубы.

На это я замѣтилъ, что у русскихъ солдатъ нѣтъ шубъ, или, какъ у насъ называютъ, полушубковъ: они одѣты въ мундиры и шинели, какъ солдатъ французскій, прусскій или саксонскій. Допустимъ даже, что русскіе имѣли шубы, но, если французы и ихъ союзники были сильнѣе русскихъ, то почему же не отняли этихъ шубъ и не надѣли на себя? Почему Наполеонъ не сказалъ: «Товарищи, вамъ холодно, позволяю вамъ снять съ русскихъ шубы и надѣть на себя!».

— Нѣтъ, господа,—продолжалъ я,—иностранцы не боятся русскихъ морозовъ. Это доказать можно тѣмъ, что многіе живущіе въ Петербургѣ иностранцы не имѣютъ шубъ, а въ 30 градусовъ мороза въ пальто или въ сюртукѣ, укутавъ только себѣ платкомъ носъ и бороду, ходятъ по улицамъ.

Мои возраженія остались безъ отвѣта.

— О, нѣтъ, — продолжалъ я,—патріотизмъ русскихъ не уступитъ никакой націи въ мірѣ. При всемъ разнообразіи племенъ, нарѣчій, образа воспитанія и степени образованія, мы, русскіе, любимъ свое отечество... Этою-то привязанностью и любовью къ родинѣ, твердымъ исполненіемъ обрядовъ религіи, Россія самостоятельна и горда.

Слухи и газетныя статьи о Россіи были нелѣпы до невѣроятности. Кто ихъ выдумывалъ, Богъ вѣсть: зависть и злоба враговъ

нашихъ разливали свою желчь, или это была биржевая спекуляція для пониженія или возвышенія денежнаго курса. Думаю—то и другое. Русскіе полуимперіалы, то-есть червонцы, повысились въ цѣнѣ; французскія ассигнаціи потеряли всю цѣну, такъ что на одной станціи желѣзной дороги, именно въ Дрезденѣ, предлагали мнѣ ассигнацію въ пятьсотъ франковъ за пять талеровъ. Но я не имѣлъ лишнихъ денегъ, да и боялся, не фальшивая ли это бумажка, и будутъ ли во Французской республикѣ признаны ассигнаціи бывшаго королевства.

Чудныя, непонятныя дѣла происходили тогда въ Европѣ. Чѣмъ все это должно было кончиться, никто не могъ сказать... Но я заговорился о политикѣ, а у насъ, русскихъ, есть превосходное народное изреченіе: «не наше дѣло, про то старшіе знаютъ»...

Говорили не задолго до нашего отъѣзда изъ Лейпцига, что закроютъ университетъ и распустятъ студентовъ. Волненіе, говоръ усиливались. Въ одной изъ комнатъ музеума бородатый нѣмецъ, или еврей, всталъ на столъ и читалъ газеты, картавя и шепелявя; въ другой комнатѣ читали бельгійскій журналъ. Неблагонамѣренные люди, коммунисты, то-есть политическіе разбойники, распускали нелѣпые, ложные слухи; но добрые саксонцы оставались спокойны, дѣла шли своимъ порядкомъ. Однако же, недавно еще было собраніе, или банкетъ, реформистовъ; собралось до 300 умныхъ головъ, говорены были рѣчи, съ полчаса говорилъ Робертъ Блюмъ... Все было, однако, еще спокойно, частные люди занимались своими дѣлами; либералы возмущали молодежь. Утромъ 6-го марта получена была прокламація изъ Франкфурта отъ Германскаго союза, приглашавшая Германію къ единодушному союзу. Патріотизмъ былъ возбужденъ, Германія вся представляла одно цѣлое. Радуясь такому успѣху германскаго единства, я сказалъ въ музеумѣ, что, вѣроятно, Германія будетъ въ союзѣ съ Россіею. Но какай-то старикъ, еще одинъ профессоръ исторіи въ университетѣ и нѣсколько другихъ профессоровъ и молодыхъ людей единогласно воскликнули:

— Нѣтъ, намъ не надо союза съ Россіей; мы сильны одни и непобѣдимы одни: насъ сорокъ милліоновъ.

Я расхохотался и счелъ благоразумнымъ не спорить, не пререкословить, переливая изъ пустого въ порожнее, хотя нѣсколько голосовъ и старались явно и умышленно вызвать меня на ссору и споръ, крича:

— Намъ не надобно казаковъ! Мы не будемъ въ союзѣ съ Россіей, пока русскіе не перемѣнятъ образа правленія и не освободятся изъ рабства.

Ошибся я въ расположеніи Германіи къ Россіи...

Недѣли за двѣ до нашего отъѣзда изъ Лейпцига былъ у насъ Мошелесъ. Я пригласилъ нѣкоторыхъ любителей музыки, но мно-

гіе не были по причинѣ того, что въ это самое время получились газеты, и потому было не до музыки; политика всѣхъ занимала. Старшая моя дочь играла третій концертъ Бетховена c—molle, а Мошелесъ партіи оркестра на другомъ роялѣ. Потомъ она же и Мошелесъ играли въ четыре руки симфоническую сонату, соч. Мошелеса; затѣмъ Мошелесъ сыгралъ нѣсколько своихъ этюдовъ и импровизировалъ; наконецъ, Вѣра играла его фантазію на оперу «Донъ Пасквале», его же этюдъ «Дѣтская сказка» и «Nocturne» своего сочиненія.

Въ 9 часовъ ожидали послѣдняго поѣзда желѣзной дороги изъ Дрездена съ депутаціею, которая вчера отправилась къ королю съ просьбою жителей Лейпцига о свободѣ книгопечатанія. Я поѣхалъ на станцію желѣзной дороги, любопытствуя видѣть картину встрѣчи депутатовъ, какъ приметъ народъ отвѣтъ короля, и какой будетъ отвѣтъ. Но, перейдя площадь, я былъ встрѣченъ и увлеченъ толпою народа до Ратгауза. Въ одну минуту площадь и боковыя улицы наполнились народомъ, всѣ окна домовъ были заняты дамами. Народъ тѣснился, толпился; лавочки, поставленныя для базара, были сломаны. Шумъ и говоръ гудѣлъ, какъ вѣтеръ, какъ волны морскія въ бурю. Почти часъ дожидались объявленія отвѣта короля. Народъ кричалъ: «отвѣтъ, отвѣтъ!»—съ другой стороны кричали: «тише, тише!». Членъ правленія вышелъ на балконъ и сказалъ, что поѣздъ желѣзной дороги еще не прибылъ, и потому, какъ скоро придетъ, тогда отвѣтъ короля будетъ сообщенъ печатно. Народъ кричалъ:

— Нѣтъ, нѣтъ! Неправда! Поѣздъ прибылъ; намъ нуженъ отвѣтъ короля!

Бургомистръ, директоръ полиціи и прочіе члены правленія вынуждены были выйти на балконъ ратуши, перила котораго освѣтились плошками, и началось чтеніе отвѣта короля при свѣтѣ факеловъ, кои держали служители ратгауза. Но народъ предчувствовалъ, что отвѣтъ неблагопріятенъ; смятеніе членовъ правленія и медлительность ихъ объявить этотъ отвѣтъ явно показывали, что они были въ затрудненіи. Народъ не давалъ прочитать этой бумаги, часто прерывая криками:

— Нѣтъ, нѣтъ! Пусть читаетъ Блюмъ!

Блюмъ вышелъ на балконъ и едва показался, какъ привѣтствованъ былъ криками:

— Браво, браво, Блюмъ!

Онъ, безъ галстуха, съ сигарою въ зубахъ, взялъ бумагу съ отвѣтомъ короля, сталъ читать, но часто былъ прерываемъ возгласами толпы. Однако же, едва только начиналъ онъ махать руками, какъ тишина водворялась. Онъ снова читалъ и опять былъ прерываемъ. Наконецъ, онъ сказалъ каламбуръ, вѣроятно, экспромтомъ:

— Господа, здѣсь (показывая на бумагу) такъ темно, что трудно читать; завтра лучше разберемъ.

Когда же крики не унимались, ропотъ на короля усиливался, то Блюмъ сказалъ:

— Господа! Король не виноватъ, у насъ правленіе конституціонное; виноваты министры. Долой министровъ! Мы ихъ замѣнимъ другими!

Народъ кричалъ:

— Браво, браво! Прочь министровъ! Браво, Блюмъ!

Этотъ демагогъ, образецъ непостижимой народной любви и привязанности, сказалъ:

— Идите спать! Доброй ночи! Завтра въ 10 часовъ сдѣлаемъ народное совѣщаніе!

И всѣ разошлись мирно, кротко, спокойно.

Оказалось, однако, что народъ не разошелся по домамъ. Толпа окружила домъ книгопродавца и издателя газеты «Algemeine Leipziger Zeitung», Брокгауза, разбила окна и разошлась. За что этотъ знакъ недоброжелательства? За то, что онъ не хотѣлъ подписать адреса депутаціи къ королю. Вотъ вамъ и свобода! Парижъ успокоился. Въ Лейпцигскомъ народномъ собраніи рѣшено было смѣнить министровъ. Посланъ другой адресъ къ королю. Король отвѣчалъ самостоятельно и твердо; посланъ былъ третій адресъ королю. Министръ внутреннихъ дѣлъ Фалькенштейнъ подалъ въ отставку и уволенъ. Свобода книгопечатанія разрѣшена; все спокойно, но по вечерамъ народъ волновался на улицахъ, особенно студенты. Патрули народной гвардіи ходили по улицамъ, однако же большаго шума не было, только пѣли. Нѣмцы рады были случаю попѣть. О Россіи печатались небылицы. Ожесточеніе нѣмцевъ противъ русскихъ было непостижимо. Французовъ здѣсь не любили, но русскихъ ненавидѣли. Въ адресѣ Лейпцига къ королю два раза было упомянуто, что̀ саксонцы не желаютъ союза съ Россіей. Во Франкфуртской газетѣ говорилось, что въ Мюнхенѣ студенты подали адресъ королю, что они готовы вооружиться противъ внѣшнихъ враговъ, то-есть, Россіи и Франціи, но охотнѣе пойдутъ противъ Россіи.

Все было тихо: въ музеумѣ, въ ресторанахъ, на улицахъ собирались кучками и толковали. Многіе носили трехцвѣтныя кокарды, и у каждаго должна была быть таковая при себѣ, потому что черезъ три дня здѣсь ожидалась революція. Эта кокарда была паролемъ, или лозунгомъ патріотовъ свободы и единства Германіи. Студенты и граждане вооружились, образовалась уже рота волонтеровъ изъ 47 человѣкъ. Наканунѣ, въ какомъ-то собраніи нѣсколько студентовъ, саксонскихъ дворянъ, пили за здоровье Россіи, провозглашая: «Vivat Russland!». Эти господа, кажется, смекнули дѣло. Частныя письма изъ Вѣны извѣщали, что министръ Меттернихъ подалъ въ

отставку. Признаюсь, въ настоящихъ обстоятельствахъ это былъ сильный ударъ для Австріи. Говорили, что Австрія была близка къ банкротству; биржевые фонды понизились.

Въ Лейпцигъ изъ Дрездена пріѣхалъ скрипачъ Липинскій и изъ Веймара піанистъ Листъ. Я былъ у нихъ, и первому передалъ поклонъ отъ Виктора Кажинскаго, а второму отдалъ письмо отъ Фольвейера.

Отправляясь въ Россію, мы заѣхали въ Веймаръ, чтобы отдать визитъ знаменитому Листу, а главное—откланяться великой княгинѣ Маріи Павловнѣ и всему ея семейству. Я имѣлъ честь быть приглашеннымъ къ обѣденному столу во дворецъ. Великая княгиня приняла меня привѣтливо, одобрила, что я возвращаюсь въ Россію, и совѣтовала служить. Великій герцогъ посадилъ меня за обѣдомъ возлѣ себя и много со мною говорилъ о разныхъ предметахъ. Въ тотъ же день въ 5 часовъ мы были у Листа. Онъ внимательно слушалъ игру моихъ дочерей, изъявлялъ свое удовольствіе и апплодировалъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми бывшими у него посѣтителями, приглашенными послушать русскихъ піанистокъ. Потомъ Листъ самъ сыгралъ двѣ піесы, вновь сочиненныя имъ. Онъ былъ такъ добръ и внимателенъ, что предлагалъ моимъ дочерямъ дать въ Веймарѣ концертъ, обѣщаясь самъ дирижировать оркестромъ. Но вдругъ все пришло въ волненіе: молодые люди спѣшили въ Берлинъ; граждане вооружались для защиты домовъ и имущества отъ неблагонамѣренныхъ людей... Листъ, желая написать что нибудь въ музыкальный альбомъ моихъ дочерей, едва успѣлъ вписать свое имя; въ 6 часовъ мы уже были на желѣзной дорогѣ. Я былъ въ раздумьи, какъ ѣхать: черезъ Берлинъ или черезъ Варшаву. . . .

. . . . . .

Ну, слава Богу! Въ Благовѣщенье мы почти дома. Доѣхавъ до Галле, узнали мы, что въ Берлинѣ волненіе усиливалось, и даже въ Галле народъ и студенты кричали и бушевали. Въ самомъ Берлинѣ не было проѣзда, потому что всѣ экипажи были останавливаемы и употребляемы для баррикадъ. Нѣсколько французовъ и поляковъ пріѣхали изъ Парижа учить, какъ устроивать баррикады. Многіе изъ нихъ, переодѣтые въ женское платье, раздавали народу деньги и оружіе, возбуждая храбрость и содѣйствуя твердому сопротивленію войскамъ, которыя вѣрно стояли за короля и мужественно выдерживали натискъ народа.

Мятежники отправили къ королю депутацію, прося для прекращенія кровопролитія вывести войско изъ города, обѣщая, что народъ тогда усмирится. Добрый король исполнилъ ихъ желаніе, и войска съ развернутыми знаменами печально, неохотно, многіе со слезами на глазахъ, прошли мимо дворца и очистили улицы. Казалось, по обѣщанію народныхъ депутатовъ, все должно было бы успокоиться, но смятеніе продолжалось. Народъ освободилъ поль-

скихъ преступниковъ изъ тюрьмы и съ торжествомъ вынесъ ихъ на рукахъ. Нѣсколько тѣлъ убитыхъ изъ народа, украшенныя лавровыми вѣнками, принесены были въ тронную залу дворца. Но король для блага отечества и для возстановленія спокойствія готовъ былъ всѣмъ пожертвовать.

Мы ѣхали по желѣзной дорогѣ спокойно, хотя на каждой станціи и были встрѣчаемы вооруженными людьми, и на каждой станціи какіе-то подозрительнаго вида люди читали вслухъ прокламаціи и возмутительныя объявленія. Не доѣзжая пяти станцій до Бреславля, мы должны были дожидаться нѣсколько часовъ соединительнаго отъ Берлина и Вѣны поѣзда. Двое проѣзжающихъ завели со мною разговоръ и, узнавъ, что я русскій, хорошо отзывались о Россіи; наконецъ, приглашали меня идти съ ними гулять и осмотрѣть какую-то фабрику. Я отказался, не смотря на ихъ убѣдительныя и неотступныя просьбы. Богъ спасъ меня ради моихъ дочерей! Не прошло получаса, какъ въ гостинницѣ желѣзной дороги сдѣлался шумъ, и поднялось смятеніе. Нѣсколько военныхъ при входѣ въ залъ слышали восклицанія одного изъ моихъ новыхъ знакомцевъ, приглашавшаго меня гулять:

— Не надобно здѣсь войска! Нѣтъ болѣе короля!

Немедленно донесено было маіору, начальнику команды, который началъ допрашивать мятежника, зачѣмъ онъ кричалъ, и кто ему сказалъ, что нѣтъ короля. Впрочемъ, благоразуміе стараго прусскаго маіора одержало верхъ надъ патріотическою преданностью королю: онъ предвидѣлъ, что въ случаѣ казни этого нарушителя общественнаго спокойствія произойдетъ народное возстаніе, а потому, лишь постращавъ, отпустилъ его.

Вскорѣ мы поѣхали далѣе, и другой товарищъ этого бунтовщика сѣлъ съ нами вмѣстѣ въ вагонъ, но прежде, чѣмъ двинулся поѣздъ, онъ заговорилъ со мною поанглійски.

Я отвѣчалъ, что не говорю на этомъ языкѣ; потомъ заговорилъ онъ со мною пофранцузски, и когда я ему, между прочимъ, сказалъ, что, судя по произношенію, онъ долженъ быть полякъ, этотъ господинъ немедленно выскочилъ изъ вагона и скрылся. Тогда одна дама, сидѣвшая съ нами въ одномъ вагонѣ, сказала намъ, что эти господа дѣйствительно поляки, и что она сама слышала ихъ разговоръ, какъ они намѣревались завлечь русскаго проѣзжающаго на прогулку, ограбить и убить.

Подъѣзжая къ Бреславлю, мы встрѣчены были вооруженными гражданами и съ трудомъ отыскали наемную карету, чтобы доѣхать до городской гостинницы. Намъ на встрѣчу безпрестанно попадались вооруженныя толпы съ ружьями, топорами, ломами и т. п. Одна толпа насъ остановила, многія звѣрскія лица начали насъ допрашивать, откуда и куда мы ѣдемъ. Но съ другой стороны моста партія благонамѣренныхъ гражданъ, вооруженныхъ для

защиты своихъ домовъ отъ грабежей, насъ пропустила. Мнѣ смѣшны показались всѣ эти вооруженія добрыхъ, кроткихъ нѣмцевъ; я отъ души хохоталъ, но старшая моя дочь Вѣра сказала мнѣ:

— Ахъ, папенька, ну, если замѣтятъ, что вы надъ ними смѣетесь, васъ и насъ повѣсятъ.

На это вторая моя дочь Наталья возразила:

— Ну, что-жъ за бѣда? Пусть повѣсятъ; вѣдь надобно когда нибудь умирать, а эта смерть сдѣлаетъ насъ извѣстными.

Въ Варшавѣ мы прожили пять сутокъ, ожидая присылки нашихъ нотъ и учебныхъ книгъ изъ пограничной таможни. Здѣсь все было тихо; оружіе у гражданъ отобрано; на площади и у главной гауптвахты стояли заряженныя орудія и каждую ночь баталіонъ войска съ заряженными ружьями. Намѣстникъ, свѣтлѣйшій князь Варшавскій, издалъ прокламацію, чтобы позже десятаго часа вечера никто не ходилъ по улицамъ безъ фонаря съ зажженною свѣчею.

Въ Ковно я купилъ бричку чуть-чуть не жидовскую; но все въ ней спокойнѣе ѣхать, нежели на перекладной почтовой телѣгѣ. Съ нами ѣхала въ Россію горничная моихъ дочерей, прусская подданная, Паулина Линдемутъ. Эта добрая, скромная, кроткая дѣвушка полюбила моихъ дочерей и привыкла къ нимъ. Она говорила, что любитъ моихъ лочерей за ихъ любовь къ музыкѣ. Это—чистая, платоническая любовь къ Апполону.

В. Н. Погожевъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНІЯ В. Н. ПОГОЖЕВА [1].

XIX.

Пріѣздъ въ Гатчино.—Петербургскіе визиты.—Таможенныя и другія мытарства.—Отъѣздъ въ деревню.—Экспромтъ П. А. Катенина, въ музыкальномъ альбомѣ моихъ дочерей.—Именинный обѣдъ.—Отзывы печати и возобновившіяся мечты.—Возвращеніе въ Петербургъ.

МЫ ВЕРНУЛИСЬ въ Россію, и въ Гатчинѣ у брата Петра Николаевича прогостили нѣсколько дней, но нигдѣ не были, кромѣ архитектора Байкова, который особенно усердно приглашалъ меня пріѣхать къ нему съ дочерьми. Но едва вторая дочь моя, Наталья, начала играть на фортепіано сонату Бетховена, какъ дочери архитектора и жена моего брата начали громкій и жаркій разговоръ о платьяхъ и прочихъ нарядахъ. Старшая моя дочь, Вѣра, не стала вовсе играть, но дочь хозяина спѣла нѣсколько романсовъ, и мы отправились домой. Вотъ первый дебютъ моихъ дочерей по возвращеніи изъ-за границы въ Россію! На другой день жена архитектора съ дочерьми пріѣзжала къ женѣ моего брата и, чтобъ уязвить меня за неодобреніе ихъ инструмента, сказала:

— У насъ былъ сегодня одинъ кирасирскій офицеръ; онъ отлично играетъ на фортепіанахъ и очень хвалилъ наши фортепіаны.

Деньги у меня почти всѣ вышли, но, получивъ отъ матушки моей 100 рублей ассигнаціями, я надѣялся прожить ими въ Пе-

[1] Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LIII, стр. 662.

тербургѣ нѣсколько времени. Сестра жены моего брата, вдова Елизавета Алексѣевна Степанова, женщина добрая и умная, пригласила моихъ дочерей гостить къ себѣ, а я на Пескахъ, близъ ихъ квартиры, нанялъ себѣ небольшую квартиру. Я много обязанъ г-жѣ Степановой и двумъ ея любезнымъ дочерямъ за радушное, дружелюбное вниманіе.

Еще изъ Лейпцига писалъ я къ графу Матвѣю Юрьевичу Віельгорскому, извѣстному любителю музыки и покровителю артистовъ, прося его покровительства моимъ дочерямъ. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что «въ настоящее время итальянская опера убила всѣ концерты, и что даже извѣстный скрипачъ Эрнстъ въ Петербургѣ въ первые свои концерты не имѣлъ выгодъ и едва только черезъ мѣсяцъ могъ что нибудь сдѣлать. Петербургъ любитъ знаменитости, и надобно быть Листомъ или Берліозомъ, чтобъ имѣть успѣхъ. Много есть артистовъ, которые не осмѣливаются давать концерты въ Дворянскомъ собраніи, а даютъ утренніе или вечерніе концерты въ частныхъ залахъ, гдѣ собирается до двухъ сотъ особъ по 3 рубля ассигнаціями за билетъ; но для этого надобно имѣть много знакомыхъ». Такой отвѣтъ Віельгорскаго не порадовалъ меня, но я вынужденъ былъ поспѣшить возвращеніемъ въ Россію по политическимъ обстоятельствамъ. Какъ бы то ни было, однако же, надобно дѣйствовать. Неужели воспитанницы Лейпцигской музыкальной консерваторіи, ученицы Мошелеса, получившія похвалы и одобренія знаменитаго Мендельсона, имѣющія почетные дипломы, побоятся соперничества и зависти артистовъ? Неужели русская публика не пойметъ и не оцѣнитъ патріотическаго самоотверженія русскаго дворянина образовать музыкальные таланты двухъ дочерей своихъ, во славу русскаго имени и на пользу отечества? Неужели нѣтъ въ Россіи меценатовъ?

Я писалъ къ брату Віельгорскаго и князю Одоевскому, но отвѣтовъ не получалъ. Сидѣлъ у моря, да ждалъ погоды... При всемъ моемъ желаніи и даже необходимости устроить концертъ моихъ дочерей не для славы, а чтобъ существовать, это не могло скоро состояться, хотя, признаюсь, червякъ честолюбія и суетнаго тщеславія и грызъ мое сердце нетерпѣніемъ похвастаться заграничными успѣхами моихъ дочерей. Но, прежде всего, мнѣ предстояли хлопоты по паспорту для горничной, съ нами пріѣхавшей. Я долженъ былъ также хлопотать, чтобы избавиться отъ платежа 150 рублей за заграничный нашъ паспортъ, за который я уже заплатилъ 75 рублей передъ поѣздкою. Я подалъ объ этомъ лично докладную записку министру внутреннихъ дѣлъ графу Льву Алексѣевичу Перовскому, который сказалъ: «хорошо»,—и дѣло пошло безконечнымъ, канцелярскимъ порядкомъ.

Скучно, хлопоты не кончались, а увеличивались новыми казусными случаями. Изъ Лейпцига везли мы съ собою ящикъ съ

нотами и книгами; на границѣ Польши ихъ остановили и переслали на мой счетъ въ Варшаву. Здѣсь я долженъ былъ въ ожиданіи этихъ нотъ и книгъ прожить пятеро сутокъ, на что̀ при безденежьи издержалъ 30 рублей ассигнаціями, да за пересылку нотъ и книгъ 12 рублей. Въ Варшавѣ цензурный комитетъ, осмотрѣвъ эти ноты и книги, возвратилъ ихъ мнѣ, но предварилъ, что ихъ вновь будутъ осматривать въ городѣ Ковно въ русской пограничной таможнѣ и оттуда отправятъ въ цензуру въ Кіевъ или Харьковъ на мой счетъ, и что эти ноты и книги получу не прежде года, а потому совѣтывали мнѣ переслать эти ноты и книги до Ковно по почтѣ, а тамъ просить таможенное начальство, осмотрѣвъ, отправить ящикъ въ с.-петербургскій цензурный комитетъ. Я послѣдовалъ этому совѣту, заплатилъ за пересылку 12 рублей серебромъ и отъ Ковно до Петербурга 45 рублей 85 коп. Трудно было мнѣ въ тогдашнихъ обстоятельствахъ заплатить эти деньги, но особенно ноты надобны были скоро. Являюсь, наконецъ, въ петербургскую таможню, тамъ открыли мой сундукъ и объявили, что я долженъ еще за переплеты книгъ и нотъ 34 рубля 20 коп. Я остолбенѣлъ; меня бросило въ холодный потъ. Не упомню, что я говорилъ въ таможнѣ, кажется, много лишняго и неумѣстнаго, но управляющій таможнею, узнавъ изъ разсказовъ моихъ, что я всѣмъ пожертвовалъ на музыкальное образованіе моихъ дочерей за границею, насказалъ мнѣ тьму комплиментовъ и приказалъ секретарю написать докладную записку директору департамента внѣшней торговли объ освобожденіи меня отъ платежа пошлинъ за переплеты нотъ и книгъ. Долго я ходилъ въ департаментъ, просилъ, кланялся чиновникамъ о скорѣйшемъ рѣшеніи моего дѣла, но мнѣ учтиво отвѣчали:

— Надобно просить лично директора.

Узнаю, что директоръ пріѣзжаетъ во второмъ часу дня. Являюсь въ это время въ департаментъ, но его превосходительство не изволилъ еще пріѣзжать. Спрашиваю у швейцара, что, можетъ быть, директоръ сегодня и вовсе не пріѣдетъ, и швейцаръ хладнокровно отвѣчаетъ:

— А, можетъ быть, и вовсе не пріѣдетъ. Впрочемъ,—прибавилъ усатый, огромный отставной гвардеецъ, служившій въ департаментѣ въ должности швейцара:—еслибъ не пріѣхалъ, то прислалъ бы курьера.

Дѣйствительно, въ половинѣ третьяго пріѣхалъ департаментскій курьеръ съ портфелемъ, а черезъ пять минутъ и самъ директоръ. Вхожу въ пріемную, но дежурный чиновникъ мнѣ говоритъ, что директора видѣть я не могу, потому что его превосходительство изволитъ принимать просителей по четвергамъ. Представьте мою досаду. Я долженъ дожидаться четверга, а сегодня пятница.

На другой день снова отправился въ таможню, но тамъ не было еще получено отвѣта по моему дѣлу. Иду въ департаментъ

податей и сборовъ узнать о дѣлѣ моемъ по наложенію взысканія за заграничный паспортъ, и тамъ объявили мнѣ, что 150 рублей за заграничный паспортъ сложить невозможно, потому что на это не существуетъ закона; но, впрочемъ, не угодно ли мнѣ по этому предмету объясниться съ начальникомъ отдѣленія, который будетъ въ департаментѣ во второмъ часу. Въ ожиданіи назначеннаго времени сталъ бродить по Невскому проспекту, зашелъ въ музыкальный магазинъ Бернара, встрѣчалъ тамъ и сямъ много знакомыхъ, выслушивалъ отъ многихъ привѣтствія и похвалы заграничнымъ успѣхамъ моихъ дочерей, и на вопросы, скоро ли онѣ дадутъ концертъ, лаконически отвѣчалъ съ пожатіемъ плечъ: «не знаю».

Пробило часъ, и я уже на лѣстницѣ департамента податей и сборовъ. Начальникъ отдѣленія сказалъ мнѣ то же, что и столоначальникъ, присовокупивъ, что хотя существуетъ законъ выдавать безпошлинные паспорты ѣдущимъ за границу для усовершенствованія своего въ наукахъ или искусствахъ, но о музыкѣ ничего не упоминается. Когда же я сказалъ, что музыка есть искусство, начальникъ отдѣленія возразилъ:

— Нѣтъ, музыка есть потѣха.

Что оставалось мнѣ дѣлать послѣ такого приговора двухъ министерствъ—финансовъ и внутреннихъ дѣлъ? Наконецъ, увидѣлъ я директора департамента внѣшней торговли, который обѣщалъ исполнить мою просьбу. И, дѣйствительно, на другой же день я получилъ изъ таможни ноты и книги безъ платежа за переплеты.

Изъ полиціи получилъ я требованіе 150 рублей за заграничный паспортъ. Что мнѣ было дѣлать? У меня не было въ карманѣ и 150 копеекъ; авось, концертъ поправитъ дѣло и дастъ способъ заплатить эти деньги. Но какъ приступить къ концерту, когда я не имѣлъ еще отвѣтовъ ни отъ графа Михаила Юрьевича Віельгорскаго, ни отъ князя Одоевскаго? Старый мой знакомый Евгеній Павловичъ Гребенка (учитель словесности во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ и извѣстный литераторъ), который съ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ дочерей моихъ любовался ими, восхищался ихъ талантами и поощрялъ,—убѣждалъ, умолялъ меня не унывать въ неудачахъ и препятствіяхъ. Онъ предложилъ мнѣ ѣхать съ нимъ къ секретарю князя Одоевскаго. Я съ нимъ отправился, пріѣзжаемъ къ секретарю, сидимъ часъ, два; хозяинъ съ Гребенкой играютъ на билліардѣ; наконецъ, уже прощаясь, заводятъ разговоръ о цѣли моего посѣщенія, чтобъ узнать, получу ли я и скоро ли отвѣтъ отъ князя на мое письмо. Секретарь далъ мнѣ обѣщаніе напомнить обо мнѣ князю, причемъ онъ выразилъ увѣренность, что князь самъ пріѣдетъ ко мнѣ . . . . . .

. . . . . .

(Здѣсь пропускъ въ дневникѣ, ибо оказались вырванными нѣсколько страницъ).

. . . . . .

Уладивъ свои дѣла въ Петербургѣ, мы получили, наконецъ, возможность уѣхать въ деревню для свиданія съ родною семьей. Пріѣхавъ въ Ярославль, мы узнали, что и здѣсь тоже холера и, на нашихъ глазахъ, когда мы проѣзжали городомъ, человѣкъ упалъ въ корчахъ. Здѣсь недавно въ лучшей части города выгорѣло 50 домовъ.

Въ Костромѣ тоже былъ огромный пожаръ, который доказывалъ явную злоумышленность и поджогъ, а не случайность пожаровъ... Вотъ мы уже въ городѣ Макарьевѣ. Съ какимъ нетерпѣніемъ ѣхали мы послѣднюю станцію; лошади мчались, какъ вихрь, а мнѣ казалось, что мы тихо подвигаемся впередъ. Завидѣвъ повозку нашу, подъѣхавшую къ воротамъ, матушка моя, при своихъ 65 годахъ, полураздѣтая, выбѣжала къ намъ на встрѣчу. Ей вынесли мантилью, и мы поздоровались, пошли вмѣстѣ къ намъ въ домъ, который былъ въ разстояніи 200 саженъ отъ матушкиной усадьбы. Насъ встрѣтили моя жена и дѣти (Софья, Петръ и Павелъ).

Дома я нашелъ все благополучно и хозяйство въ возможномъ порядкѣ. Спасибо, большое спасибо женѣ за экономію и разсчетливую распорядительность. Кто повѣритъ, чтобы съ имѣнія въ 38 душъ можно было въ 14 мѣсяцевъ выручить до 8 тысячъ рублей ассигнаціями. Однако, при этомъ надо принять въ соображеніе, что у насъ былъ дегтярный заводъ и зимою строились гусянки.

Въ день св. апостоловъ Петра и Павла, хотя у насъ были своихъ два именинника—сыновья Петръ и Павелъ, однакожъ, я долженъ былъ ѣхать къ сосѣду, генералу Павлу Александровичу Катенину. Послѣ обѣдни собралось у него дворянства особъ до двадцати пяти. Катенинъ, видѣвшій у насъ альбомъ моихъ дочерей, подаренный имъ Мошелесомъ, спросилъ, не привезъ ли я его съ собою. Я подалъ ему этотъ альбомъ, и онъ не болѣе, какъ въ четверть часа экспромтомъ написалъ слѣдующіе стихи:

«Вы здѣсь играли такъ прекрасно,
«Что про себя все думалъ я:
«Зачѣмъ нелегкая напрасно
«Несетъ ихъ въ чуждые края?
«Чего искать у иноземцевъ?
«Какъ ни премудры ихъ дѣла,
«Какъ мы ни почитаемъ нѣмцевъ,
«Все слаще русскихъ похвала.
«Я былъ неправъ: вы тамъ учились,
«Вы съ пользой время провели
«И съ честной славой возвратились
«Въ предѣлъ отеческой земли.
«Побудьте съ нами, мастерицы!
«Я не собрался до сихъ поръ
«Взглянуть на новый блескъ столицы
«Затѣмъ, что денегъ нѣтъ на сборъ;

«Но и въ Россіи прехолодной
«Морозъ и вьюга не всегда,
«И платятъ жатвою безплодной
«Поля за трудъ не всѣ года;
«Живетъ и ведро, и ненастье,
«Снѣгъ таетъ—зеленѣетъ лугъ,
«И колесо слѣпое счастья
«Вверхъ дномъ повертываетъ вдругъ.
«Авось, я въ Петербургъ пріѣду,
«А тамъ, какъ долгъ велитъ ужъ мнѣ,
«Не только земляку, сосѣду,
«Объ васъ спрошу я: «Гдѣ онѣ?»
«И мнѣ отвѣтятъ: «не ищите;
«Съ отцомъ уѣхали въ Берлинъ».
«А ужъ конецъ тогда одинъ:
«Я разсержусь; любовь къ искусству
«Досадой въ сердцѣ задушу
«И, вопреки уму и чувству,
«На васъ сатиру напишу».

Такимъ образомъ этотъ альбомъ изъ музыкальнаго сдѣлался и литературнымъ, потому что, кромѣ именъ музыкальныхъ Мошелеса, Гензельта и друг., вписаны были туда имена литературныя: Бенедиктова, Зотова, Кони, Катенина и друг.

Именинный обѣдъ у Катенина былъ весьма продолжительный и церемонный; блюдъ до 10-ти приготовлено было тремя поварами. Потомъ рѣчь зашла о министерствѣ народнаго просвѣщенія, о покойномъ Шишковѣ, котораго Катенинъ изобразилъ чековѣкомъ пустымъ, полуобразованнымъ, забывъ мудрое правило: «о мертвыхъ надобно говорить хорошо, или молчать». Я было началъ возражать, но Катенинъ рѣшительнымъ, диктаторскимъ тономъ сказалъ мнѣ:

— Вѣдь, вы, Василій Николаевичъ, не знали этого человѣка, а я его зналъ коротко и часто бывалъ у него.

Считая безполезнымъ заводить новый споръ, я замолчалъ, чтобъ не сдѣлать въ домѣ хозяина, въ день его именинъ, скандальной исторіи, потому что, я слышалъ, Катенинъ бывалъ очень дерзокъ, когда ему противорѣчатъ, особенно, когда подопьетъ.

Я чувствовалъ, что мнѣ здѣсь въ деревнѣ долго не ужиться, и рѣшилъ ѣхать въ Петербургъ.

Задумано—сдѣлано. Сундуки и чемоданы уложены, тарантасъ исправленъ, я сдѣлалъ распоряженія по хозяйству, и 12-го сентября мы пустились въ дорогу... Скучно, несносно было ѣхать на почтовыхъ по частной подорожной; рѣдко уѣдешь со станціи безъ споровъ о прибавленіи лошадей въ упряжь. Надобно было имѣть большое терпѣніе, чтобъ спокойно и хладнокровно выдержать всѣ выходки и дерзости ямщиковъ, не говоря уже о притязаніяхъ смотрителей. Вотъ начнутъ, бывало, нѣсколько ямщиковъ поднимать сзади тарантасъ, другіе считать сѣдоковъ, ссылаться на высочайшее повелѣніе о запряжкѣ лошадей по числу ѣдущихъ особъ; и пред-

ставьте себѣ, что при всей своей неисправности, не имѣя надлежащаго качества лошадей, надлежащихъ упряжи и телѣгъ, мерзавцы ямщики считали въ числѣ пассажировъ даже грудного ребенка. Наглость ихъ ничѣмъ не возможно было унять... Смотрители, по большей части, люди пьяные, находясь на содержаніи ямщиковъ или почтосодержателей, не смѣли ничего сказать въ пользу проѣзжающихъ. Конечно, на каждой станціи была книга для записи жалобъ, но кому охота дорогою заниматься писаніемъ этихъ жалобъ. Да если бы кто и написалъ, то жалоба осталась бы безъ уваженія, и даже проѣзжающій былъ бы обвиненъ, а ямщикъ и смотритель оправданы, потому что за покровительство и защиту станціи почтосодержатель платитъ почтмейстерамъ, губернскому и уѣзднымъ, «калымъ» съ каждой пары или тройки лошадей. Наконецъ 22-го сентября мы были уже въ Петербургѣ; остановились въ гостинницѣ, но на другой же день переѣхали на квартиру. Добрый, честный нѣмецъ Виртъ обѣщалъ прислать намъ свой рояль, не смотря на то, что мы ему еще за прежній должны были съ 1844 года 150 рублей.

XX.

Е. П. Гребенка.—Вечеръ у графини Клейнмихель. — Семья отца и сына Зотовыхъ. — Бенефисъ Е. Я. Сосницкой. — Переѣздъ на новую квартиру. — Участіе моихъ дочерей въ различныхъ концертахъ.—Кончина Е. П. Гребенки и его послѣдніе стихи.—Недоброжелательство земляковъ.—Концертъ въ пользу пріюта принца Ольденбургскаго.

Добрый другъ нашъ Евгеній Павловичъ Гребенка искренно обрадовался, увидавъ меня въ Петербургѣ. Онъ и поэтъ Владиміръ Григорьевичъ Бенедиктовъ знали моихъ дочерей, съ 5-ти и 7-ми-лѣтняго возроста, и постоянно восхищались ихъ музыкальными успѣхами, поощряя и убѣждая меня, не смотря на всевозможныя затрудненія и препятствія, стараться совершенствовать музыкальные таланты моихъ дочерей. Я нашелъ бѣднаго Гребенку очень больнымъ, такъ что врядъ ли онъ могъ бы поправиться. Игра на фортепіано производила чрезвычайное вліяніе на больнаго, и онъ говорилъ, что, при музыкальныхъ звукахъ, не чувствуетъ вовсе своихъ страданій, что ему легко, очень легко.

Дочери мои съ успѣхомъ играли во многихъ домахъ, и чрезъ Вонлярлярскаго я приглашенъ былъ съ ними къ графинѣ Клейнмихель. Въ этотъ вечеръ было много въ домѣ графа гостей, по случаю именинъ графини. Дочери мои играли хорошо, но такъ какъ многіе изъ гостей играли въ карты, иные же съ нетерпѣніемъ ожидали танцевъ, то игра ихъ не произвела особеннаго эффекта. Хвалила графиня, хвалили гости, и только. Милая дочь графини

(старшая) весьма ласково обошлась съ моими дочерьми и съ дозволенія матери приглашала ихъ пріѣзжать къ нимъ въ пріемные дни, по средамъ и воскресеньямъ. Но безпечность моя и этотъ случай пропустила. Графиня Клейнмихель, при выходѣ графа въ залъ, представила ему меня, но графъ сказалъ, привѣтливо улыбаясь и подавая мнѣ руку:

— Да мы съ нимъ старые знакомые. Не думаете ли, г. Погожевъ, опять на службу?

Конечно, для большаго успѣха моихъ дочерей долженъ былъ бы я искать покровительства знатныхъ особъ, меценатовъ и журналистовъ, но не могъ я переломить своего упрямства, а болѣе всего опасался, чтобы этимъ искательствомъ не уронить достоинства моихъ дочерей.

Мы были на вечерѣ у Зотовыхъ. Отецъ Рафаилъ Михайловичъ, бывшій членъ репертуара с.-петербургскаго императорскаго театра, извѣстенъ своими литературными трудами, а сынъ Владиміръ Рафаиловичъ, воспитанникъ императорскаго лицея, талантливый молодой писатель и редакторъ «Литературной Газеты». Сынъ уже былъ женатъ, и оба семейства жили въ одной квартирѣ. По воскресеньямъ бывали у нихъ скромные семейные вечера, на которыхъ собирались родные и знакомые. Въ этотъ вечеръ дочери мои играли каждая порознь и обѣ вмѣстѣ въ четыре руки. Игра ихъ до того увлекала всѣхъ, что даже отчаянные игроки оставили карты и подошли къ роялю. На этомъ вечерѣ было нѣсколько литераторовъ, артистовъ театральныхъ и музыкальныхъ, а потому оцѣнка и разцѣнка была строгая. Въ числѣ посѣтителей на вечерѣ у Зотовыхъ былъ извѣстный артистъ императорскихъ театровъ Иванъ Ивановичъ Сосницкій съ женою Еленой Яковлевной. Спустя нѣсколько дней, она пріѣхала къ намъ съ молодымъ Зотовымъ просить моихъ дочерей участвовать въ бенефисѣ ея. Долго я на это не рѣшался, совѣтовался со многими, но въ Петербургѣ трудно добиться откровенности, добросовѣстнаго совѣта и прямаго мнѣнія. Не добившись толку изъ разныхъ свѣдѣній, взвѣсивъ всѣ мнѣнія, я согласился, чтобъ дочери мои для перваго ихъ дебюта играли въ бенефисъ г-жи Сосницкой на Александринскомъ театрѣ. Репетиціи происходили два дня сряду (6-го и 7-го октября), за ними пріѣзжала театральная карета и увозила обратно домой. Въ первую же репетицію двѣ піесы дочерей моихъ («Concert Stück», Вебера и «Капричіо» Мендельсона) прошли хорошо, но я недоволенъ былъ аккомпанементомъ театральнаго оркестра, хотя имъ и дирижировалъ человѣкъ талантливый, Кажинскій. На второй репетиціи піесы съ аккомпанементомъ шли лучше; Кажинскій много хлопоталъ, но, когда при исполненіи Капричіо, Allegro con fuoco, оркестръ не держалъ ровнаго такта, то Кажинскій сказалъ

Наташѣ, чтобы она согласовалась съ оркестромъ, но она отвѣчала на это:

— Я концертантка, играю соло, а потому оркестръ долженъ за мною слѣдовать, а не я за оркестромъ.

Каково? Вотъ смѣлая артистическая выходка дебютантки противъ капельмейстера, доказывающая самобытность таланта, прочность музыкальнаго образованія и увѣренность въ себѣ.

Дочери мои послѣ бенефиса, въ 12 часовъ ночи, усталыя, съ тріумфомъ возвратились домой изъ театра. Первый ихъ дебютъ, слава Богу, кончился весьма удачно. На другой день было повтореніе бенефиса, и дочери мои, по приглашенію театральной дирекціи, играли еще разъ на Александринскомъ театрѣ, и публика оба раза принимала ихъ восторженно и нѣсколько разъ вызывала. Г-жа Сосницкая пріѣзжала благодарить моихъ дочерей и подарила имъ по парѣ серегъ.

Вскорѣ (въ концѣ октября) мы перебрались на новую квартиру къ Знаменью, близъ Невскаго проспекта, которую нашелъ я случайно и нанялъ оригинально, благодаря музыкѣ. Проходя по Знаменской улицѣ, увидалъ я на воротахъ приклеенный билетъ объ отдачѣ въ наемъ квартиры. Вхожу на дворъ, спрашиваю дворника о квартирѣ; онъ показываетъ флигель, объявляя цѣну 700 рублей ассигнаціями въ годъ, по контракту. На вопросъ мой, нельзя ли эту квартиру отдать помѣсячно, безъ контракта, дворникъ предложилъ мнѣ самому лично переговорить съ хозяиномъ г. Мальгинымъ. Я отправился въ комнаты хозяина, но онъ съ перваго слова наотрѣзъ отказался отдать квартиру безъ контракта, но когда я уже уходилъ, то онъ, вѣроятно, изъ любопытства спросилъ меня, съ кѣмъ онъ имѣлъ удовольствіе говорить. Когда же я сказалъ, что я такой-то, то Мальгинъ спросилъ меня, не родственницы ли мнѣ дѣвицы Погожевы, которыя играли на Александринскомъ театрѣ въ бенефисъ г-жи Сосницкой. Едва успѣлъ я выговорить, что это мои дочери, какъ онъ закричалъ:

— Наденька! Наденька! (имя его жены). У насъ г. Погожевъ, отецъ русскихъ артистокъ Вѣры и Натальи Васильевны, нанимаетъ квартиру.

Въ залу вышла молодая, привѣтливая дама, и супруги въ одинъ голосъ сказали мнѣ, что для меня квартира будетъ отдана безъ контракта и помѣсячно, за 600 рублей ассигнаціями въ годъ.

На этой квартирѣ мы жили спокойно, но всего пріятнѣе было, что мы въ Мальгиныхъ, хозяевахъ дома, пріобрѣли истинныхъ друзей. Они были бездѣтны и, кажется, полюбили моихъ дочерей, какъ своихъ. Г-жа Мальгина ходила съ ними гулять, ѣздила въ театръ, концерты, на музыкальные вечера въ университетъ, въ симфоническое общество и на духовные концерты въ император-

скую придворную капеллу. Намъ Богъ послалъ квартиру у такихъ добрыхъ людей, какъ Мальгины. Онъ и она были большіе любители музыки, въ особенности онъ—страстный любитель. У нихъ въ первый четвергъ каждаго мѣсяца бывали замѣчательные музыкальные вечера, на которыхъ собирался даже небольшой оркестръ любителей. Мальгинъ, Иванъ Глѣбовичъ, служилъ архитекторомъ при государственномъ заемномъ банкѣ и женатъ былъ на дочери протоіерея Герасима Павскаго.

Въ концѣ ноября дочери мои съ огромнымъ успѣхомъ играли въ симфоническомъ обществѣ на двухъ роялляхъ сочиненіе Мошелеса «Hommage à Haendel», и когда восторженное общество любителей и музыкантовъ привѣтствовало ихъ криками «браво, браво, bis»,—дочери мои, вмѣсто повторенія той же пьесы, сыграли своего сочиненія вальсъ въ четыре руки изъ русскихъ пѣсенъ; восторгъ общества усилился еще болѣе. Дочери мои удостоились поступить почетными членами въ с.-петербургское симфоническое общество. Въ антрактѣ музыкальнаго вечера графъ Матвѣй Віельгорскій подошелъ ко мнѣ и извинялся, что не отвѣчалъ на мое письмо, потому что былъ занятъ какимъ-то особеннымъ порученіемъ государыни императрицы, и много наговорилъ мнѣ лестнаго о музыкальномъ талантѣ моихъ дочерей. Спасибо и за то, что пощекоталъ мое самолюбіе...

Съ графомъ Михаиломъ Юрьевичемъ мы встрѣтились въ Пассажѣ, и онъ тоже много хвалилъ игру моихъ дочерей и стремленіе ихъ къ совершенству, совѣтуя дать концертъ въ новой залѣ Пассажа. Какъ было не послушать русскаго мецената? Я устроилъ этотъ концертъ и, признаюсь, сдѣлалъ этимъ большую ошибку во всѣхъ отношеніяхъ. Главное былъ дурной выборъ пьесъ, и при томъ въ такой большой залѣ безъ оркеста, предъ публикой, большая часть которой не могла понимать фортепіанной игры и серьезныхъ, или такъ называемыхъ классическихъ пьесъ, какъ, напримѣръ, сонаты Бетховена, на двухъ роялляхъ «Hommage à Haendel» Мошелеса и концертъ Моцарта, тоже на двухъ роялляхъ. Однимъ словомъ, слѣдовало бы дать концертъ съ оркестромъ, и хотя дочерямъ моимъ много аплодировали, много вызывали ихъ, бросали имъ превосходные и изящные букеты, но я, всетаки, недоволенъ былъ этимъ концертомъ.

19-го декабря 1848 года, въ 11 часовъ утра, въ церкви Андрея Первозваннаго, на Васильевскомъ островѣ, происходило отпѣваніе рано похищеннаго смертью талантливаго литератора, Евгенія Павловича Гребенки. Вотъ послѣдніе стихи Е. П. Гребенки, написанные акростихомъ въ альбомъ моихъ дочерей:

«Лейпцигъ, городъ музыкальный,
«Вамъ не разъ рукоплескалъ
«И въ отчизнѣ вашей дальней

«Вамъ успѣхи предрекалъ.
«Вотъ опять послѣ разлуки
«Съ нами вы, и ваши звуки
«Насъ чаруютъ и живятъ,
«И покоятъ сердца муки,
«И отрадою гремятъ!..
«Такъ играйте-жъ много, много,
«Намъ въ созвучьяхъ говоря,
«И игрой хвалите Бога
«И Россію, и царя».

Успѣхъ моихъ дочерей въ Петербургѣ былъ медленный, отравляемый и замедляемый завистью нѣкоторыхъ учителей музыки и мелкихъ артистовъ. Впрочемъ, и Мошелесъ, прощаясь съ нами, говорилъ моимъ дочерямъ:

— Vous serez partout bien reçue, où l'on comprend la bonne musique; tachez seulement à eviter la jalousie des petits maîtres [1]).

Старый Мошелесъ, вѣроятно, нечаянно сказалъ каламбуръ... Дѣйствительно, справедливы оказались слова графа Матв. Юрьев. Віельгорскаго, что публика русская охладѣла къ концертамъ и виртуозности. Я самъ убѣдился, что безъ особеннаго покровительства трудно русскимъ артисткамъ имѣть блестящій и скорый успѣхъ. Благотворительные концерты дочерей моихъ не обратили даже ни малѣйшаго вниманія кого либо изъ императорскаго дома. Можетъ быть, распущены были слухи въ разныхъ слояхъ общества, что Погожевы не имѣютъ особаго таланта, кромѣ смышленности и смѣлаго навыка, что отецъ ихъ спекулянтъ, разсчитывающій чрезъ дочерей нажить деньги, и т. п. Однако, самобытность музыкальныхъ достоинствъ моихъ дочерей признана уже была музыкальными авторитетами Германіи и Россіи. Намѣренія мои были чисты, и я никогда не думалъ о деньгахъ. Основная моя цѣль была образовать музыкальныя способности моихъ дочерей, замѣтя призваніе къ тому свыше, ибо ни я, ни жена моя не играли ни на какомъ иструментѣ. Главное, я желалъ, чтобы дочери мои современемъ принялись за преподаваніе музыкальныхъ уроковъ юнымъ соотечественницамъ, преимущественно въ дѣвичьихъ институтахъ. Я былъ увѣренъ, что дочери мои преподаваніемъ уроковъ разовьютъ въ Россіи музыкальное образованіе въ истинномъ значеніи, безъ фокусовъ и обмановъ нѣкоторыхъ учителей музыки, и, не увлекаясь самолюбіемъ, давая скромно за небольшую плату уроки, будутъ самостоятельны, самобытны и безбѣдны. Но, чтобъ постоянно имѣть уроки, надобно давать ихъ въ императорскихъ институтахъ, потому что тамъ уроки положительные; приватные же уроки весьма измѣнчивы, то по болѣзни ученицы, то отца или матери, то по случаю именинъ или бала и по другимъ разнымъ причинамъ.

---

[1]) Вы будете приняты хорошо вездѣ, гдѣ понимаютъ хорошую музыку; йтесь только избѣгать зависти маленькихъ музыкантовъ.

Дочери мои давали свой концертъ 20-го февраля 1842 года въ Михайловскомъ театрѣ съ участіемъ пѣвицы г-жи Брюннингъ и пѣвца Гумбини. Мало было надежды на хорошій сборъ, и я не зналъ, чѣмъ заплатить въ театръ за освѣщеніе и оркестръ. Страшно, а дѣлать было нечего: отказаться нельзя, и поздно, и стыдно. Но благодареніе Всевышнему! Его императорское высочество принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій прислалъ за ложу ту самую сумму, за которую онъ абонируетъ во французскомъ спектаклѣ—100 рублей, а часа черезъ два взялъ еще двѣ ложи по обыкновеннымъ цѣнамъ. Итакъ, я уже не боялся матеріальной неудачи концерта, а въ техническомъ отношеніи въ успѣхѣ былъ увѣренъ.

Послѣ другаго концерта, въ пользу пріюта принца Ольденбургскаго, предсѣдатель комитета этого пріюта, статскій совѣтникъ Я. Я. Деринъ, пригласилъ моихъ дочерей, 6-го марта, въ церковь пріюта къ обѣднѣ. По окончаніи божественной службы насъ пригласили въ залу, гдѣ собраны были дѣти пріюта, привѣтствовавшія русскихъ піанистокъ троекратнымъ пѣніемъ «многія лѣта». Послѣ того, завѣдующій дѣлами комитета, г. Григоровскій, прочелъ актъ о благодарности дѣтей и комитета за оказанное вниманіе и значительное пособіе пріюту исполненіемъ концерта 27-го февраля. По прочтеніи акта, четыре малютки-дѣвочки поднесли на подносѣ моимъ дочерямъ вышитую салфетку, на которой вышиты были слова: «Вѣрѣ и Натальѣ Погожевымъ отъ благодарныхъ дѣтей пріюта принца Ольденбургскаго». Эта умилительная дѣтская признательность, замѣшательство и слезы душевнаго восторга молодыхъ русскихъ артистокъ невольно заставили прослезиться и всѣхъ присутствующихъ. Предсѣдатель комитета пріюта вручилъ моимъ дочерямъ отъ имени принца Ольденбургскаго два изящно и со вкусомъ сдѣланныхъ браслета. Восторженныя похвалы, появлявшіяся всякій разъ въ печати, отчасти повредили дочерямъ моимъ въ успѣхѣ ихъ концертовъ, т. е. въ успѣхѣ матеріальномъ, а не артистическомъ, потому что всѣ концерты посѣщаемы были истинными любителями музыки и первоклассными артистами. Гензельтъ, Дамке и многіе другіе каждый концертъ Вѣры и Натальи Погожевыхъ удостоивали своимъ посѣщеніемъ. И, конечно, мелкіе, завистливые учителя музыки недовольны были, что такое вниманіе оказывалось молодымъ русскимъ артисткамъ. Злобныя выходки нѣкоторыхъ журналовъ, какъ-то: «Отечественныхъ Записокъ» и «Современника», и не совсѣмъ доброе расположеніе «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» рѣзко выразились въ нѣкоторыхъ статьяхъ. Однако, многіе любители музыки послѣ концертовъ дочерей моихъ желали познакомиться съ ними въ моемъ домѣ, гдѣ постоянно продолжались музыкальные вечера.

XXI.

Стихотвореніе Венедиктова.—Новое назначеніе.—Дорожные сборы.—Отъѣздъ въ Москву.—Прибытіе въ Кострому.—Крестный ходъ на Волгу.—Мѣстныя церкви.—Обѣдъ у губернатора.—Скука въ ожиданіи пріѣзда семьи.—Архимандритъ Агаѳангелъ.—Музыкальный самородокъ и интрига противъ него.—Концертъ во время дворянскихъ выборовъ въ Костромѣ.

По поводу одной изъ первыхъ музыкальныхъ пьесъ моихъ дочерей («Пѣсни безъ словъ»), посвященной родинѣ, В. Г. Бенедиктовъ написалъ слѣдующее стихотвореніе:

КЪ РОДИНѢ.

«Слухъ, возрадуйся, воскресни!
Сердце русское, воспрянь!
Вотъ безъ словъ четыре пѣсни,
Двухъ пѣвицъ отчизнѣ дань.
Здѣсь тебя, отчизна наша,
Нашихъ радостей пріютъ,
Наши, Вѣра и Наташа,
Двѣ Погожевы поютъ.
Гдѣ языкъ нашъ безсловесенъ,
Сердцу внятенъ сердца кликъ,
Здѣсь безъ словъ въ аккордахъ пѣсенъ
Слышенъ русскій нашъ языкъ.
Звуки музыки здѣсь дружно
Чувствомъ къ родинѣ горятъ.
Этимъ пѣснямъ словъ не нужно:
Звуки сами говорятъ.
Въ нихъ привѣтъ единодомцамъ,
Родшимъ, ближнимъ и друзьямъ,
Незнакомцамъ и знакомцамъ,
Руси дщерямъ и сынамъ;
Въ нихъ поклонъ орлу родному,
Слава русскому царю,
Слава царственному дому
И Господню алтарю!
Русь, увѣнчанная духомъ
Воздаянья и любви,
Преклонись же чуткимъ слухомъ:
Вотъ двѣ дочери твои!
Вдохновеньемъ въ сладкихъ мукахъ
Ихъ сердца окрещены,
И тебѣ въ сихъ первыхъ звукахъ,
Какъ родной, посвящены.
Русь! Отчизна безъ границы,
Подъ морозомъ теплый кровъ,
Вотъ двѣ русскія пѣвицы,
Вотъ и пѣсни ихъ безъ словъ!
Здѣсь ихъ душъ начальный трепетъ
Въ даръ тебѣ: прими его,
Такъ, какъ мать пріемлетъ лепетъ
Устъ младенца своего!»

Въ концѣ апрѣля я отвезъ третью свою дочь, Софью, въ институтъ принцессы Ольденбургской, куда она принята была пансіонеркой принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго въ награду двумъ сестрамъ ея, Вѣры и Натальи, за концертъ, данный ими въ пользу дѣтскаго пріюта его высочества. Въ это же время я снова поступилъ на службу въ министерство путей сообщенія, въ Костромѣ. Здѣсь жилъ я сперва одинъ и очень скучалъ, хотя былъ знакомъ со всѣмъ высшимъ обществомъ города, но потомъ ко мнѣ пріѣхали жить жена и дочери Вѣра и Наталья, и жизнь значительно измѣнилась. Вѣра начала давать уроки музыки, но ихъ было мало, притомъ и брали ихъ неакуратно.

Въ Костромѣ я имѣлъ удовольствіе познакомиться съ архимандритомъ Агаѳангеломъ, ректоромъ Костромской семинаріи. Это весьма образованный и въ полномъ смыслѣ слова просвѣщенный человѣкъ и весьма замѣчательный по уму и учености монахъ, самой благочестивой жизни. Онъ хорошо зналъ французскій и особенно нѣмецкій языки и занимался германскою литературою, слѣдя за русскою и французскою. Онъ обладалъ артистическимъ вкусомъ и любилъ изящныя искусства: живопись, пѣніе и музыку. Я видѣлъ у него превосходныя итальянскія картины, слышалъ его умилительное и духовное восторженное пѣніе съ акомпанементомъ фортепіано. Но вотъ лучшее доказательство доброты души его и артистическаго вкуса. Въ Костромѣ въ числѣ пѣвчихъ архіерейскаго хора былъ 15-лѣтній мальчикъ Платонъ Козыревъ съ большою наклонностью къ музыкѣ, такъ что онъ самоучкою на купленной имъ скрипкѣ, нѣчто въ родѣ гудка, выучился играть нѣсколько духовныхъ пѣсенъ по слуху. Другіе пѣвчіе разсказывали мнѣ, что бывало въ свободное время, когда они гуляли или занимались между собою разговорами, Козыревъ уйдетъ на чердакъ и тамъ играетъ на скрипкѣ. Любя музыку, я пожелалъ у себя на квартирѣ послушать пѣніе архіерейскихъ пѣвчихъ, а дочери мои имѣли намѣреніе во время великаго поста составить духовные концерты, на подобіе бывшихъ въ императорской придворной капеллѣ. Однажды мы и пригласили пѣвчихъ, но тотчасъ увидѣли невозможность что либо устроить порядочное изъ этого хора. Послѣ пѣнія пѣвчихъ, по просьбѣ регента, и дочери мои исполнили на роялѣ какую-то пьесу въ четыре руки. Онѣ уже окончили игру, пѣвчіе уже выходили изъ двери зала, а Козыревъ стоялъ, понуря голову, все на одномъ мѣстѣ, какъ бы въ оцѣпенѣніи, какъ бы въ столбнякѣ. Уже послѣ смѣха товарищей своихъ онъ опамятовался, но продолжалъ стоять на томъ же мѣстѣ.

— Развѣ ты любишь музыку?—спросилъ я его.

— Да-съ, очень люблю,—отвѣчалъ онъ.

— Онъ у насъ и на скрипкѣ играетъ,—замѣтилъ регентъ.

— Желалъ ли бы ты учиться играть на этомъ инструментѣ?—сказалъ я, указывая на рояль.

— Желалъ бы-съ, да это невозможно,—отвѣчалъ молодой пѣвчій.

— Наташа!—сказалъ я второй своей дочери.—Вотъ тебѣ случай сдѣлать доброе дѣло, а вѣдь ты жалуешься на то, что мало дѣлаешь добра на свѣтѣ. Давай уроки этому пѣвчему, и посмотримъ, что изъ него выйдетъ. Приходи-ка, братъ, завтра часовъ въ девять утра къ намъ со своею скрипкою,—сказалъ я Козыреву.

Онъ низко поклонился и вышелъ вслѣдъ за своими товарищами.

На другое утро Козыревъ пришелъ къ намъ со скрипкою топорной работы, заигралъ: «О тебѣ радуется, Благодатная!» и послѣ перваго аккорда я съ дочерью переглянулся, мы невольно вмѣстѣ одобрительно улыбнулись, а по окончаніи игры дочери мои рѣшили, что у молодаго пѣвчаго большія музыкальныя способности. Дочь моя, Наталья, сказала ему, чтобъ онъ приходилъ каждый день, и Козыревъ началъ учиться игрѣ на фортепіано. Регентъ архіерейскихъ пѣвчихъ, дьяконъ Бѣловскій, сталъ завидовать молодому пѣвчему, опасаясь, что онъ займетъ его мѣсто. Этотъ безталанный регентъ доложилъ преосвященному Леониду, что Козыревъ спалъ съ голоса, а потому безполезенъ для хора, и что на его мѣсто можно взять изъ семинарскаго хора хорошаго баса. Узнавъ объ этомъ, я просилъ преосвященнаго оставить Козырева хотя на время въ хорѣ, впредь до полученія мною отвѣта отъ генерала Алексѣя Ѳедоровича Львова, котораго я и дочери мои просили о помѣщеніи Козырева въ императорскую пѣвческую капеллу. О томъ же просилъ преосвященнаго и архимандритъ Агаѳангелъ. Епископъ исполнилъ нашу просьбу, но спустя мѣсяцъ, во время отсутствія моего изъ Костромы по дѣламъ службы, его преосвященство утвердилъ вторичный докладъ регента о замѣщеніи Козырева другимъ пѣвчимъ—басомъ. Козыревъ остался безъ мѣста, безъ семинарскаго полнаго образованія, безпріютнымъ сиротою, потому что у него не было уже въ живыхъ отца, а старушка мать жила въ большой бѣдности. Тогда архимандритъ Агаѳангелъ пріютилъ Козырева у себя и назначилъ его регентомъ семинарскихъ пѣвчихъ, и чрезъ три мѣсяца эти пѣвчіе превзошли архіерейскихъ. Ровное, согласное пѣніе, безъ вскрикиваній и крика, соблюденіе форте и піано, выборъ сочиненій для обѣдни и благоговѣйное пѣніе очень понравились костромскимъ жителямъ. На свадьбы стали приглашать пѣвчихъ семинарскихъ, ко всенощной и обѣднѣ начали ходить въ ту церковь, гдѣ они пѣли, особенно тамъ, гдѣ служилъ архимандритъ Агаѳангелъ. Но зависть терзала регента архіерейскихъ пѣвчихъ, и вотъ онъ успѣлъ выхлопотать у преосвященнаго разрѣшеніе о запрещеніи семинарскимъ пѣвчимъ пѣть на свадьбахъ и въ приходскихъ церквахъ, кромѣ монастырской, гдѣ служилъ архимандритъ, ректоръ семинаріи. Наконецъ, я получилъ письмо отъ генерала А. Ѳ. Львова, который съ комплиментами дочерямъ моимъ изъявлялъ согласіе принять въ пѣвческую капеллу

молодаго Козырева для обученія преподаванію пѣнія, но съ тѣмъ, чтобы содержаніе онъ имѣлъ собственное. Я было началъ составлять подписку на предметъ отправленія Козырева въ Петербургъ и содержаніе его тамъ года на два; но помѣщикъ Март. Никол. Сипягинъ сказалъ мнѣ, чтобы я не хлопоталъ о подпискѣ, что онъ свезетъ самъ Козырева въ Петербургъ и устроитъ его музыкальное образованіе. Въ самомъ дѣлѣ Сипягинъ вскорѣ отправился въ Петербургъ, взялъ съ собою Козырева, одѣлъ его тамъ съ ногъ до головы и помѣстилъ у извѣстнаго капельмейстера и артиста Людвига Маурера, у котораго Козыревъ и сталъ учиться на скрипкѣ, а игрѣ на фортепіано и генералъ-басѣ—у Деккера. Для изученія преподаванія пѣнія онъ ходилъ въ императорскую пѣвческую капеллу.

Въ городѣ Костромѣ, по случаю дворянскихъ выборовъ, дочери мои, 21-го ноября 1850 г., давали концертъ, въ которомъ участвовали мѣстные любители музыки: Алексѣй Павловичъ Шиповъ, Ѳедоръ Семеновичъ Унковскій и Елизавета Петровна Голохвастова, дочь костромскаго помѣщика. Не смотря на то, что помѣщики еще не съѣхались на зиму въ городъ, на концертѣ присутствовало двѣсти особъ изъ мѣстныхъ дворянъ и чиновниковъ съ ихъ семействами и человѣкъ пятнадцать изъ купечества. Замѣчательно, что въ этомъ концертѣ превосходно игралъ оркестръ помѣщика г. Горняковскаго, и всѣхъ крайне порадовало, что еще существуютъ въ провинціи частные оркестры. Оркестромъ управлялъ Захаръ Шацкій, вольноотпущенный помѣщика Карцева и капельмейстеръ его оркестра. Шацкій учился сперва играть на скрипкѣ у капельмейстера домашняго оркестра г. Карцева, усовершенствовался у Маурера и, наконецъ, образовалъ нѣсколько домашнихъ оркестровъ. Шацкій отличный музыкантъ и на концертѣ игралъ съ одною изъ моихъ дочерей партію на скрипкѣ въ дуэтѣ Беріо.

XXI.

Болѣзнь дочери моей Натальи вслѣдствіе чрезвычайнаго нервнаго утомленія занятіями музыкой и смерть ея въ Старой Руссѣ.—Безграничная скорбь объ утратѣ и опасенія за здоровье другой дочери-артистки.—Предостереженіе родителямъ противъ равняго развитія духовныхъ силъ дѣтей.—Путевыя впечатлѣнія.—Старая Руса и жизнь на минеральныхъ водахъ.—Нервное разстройство дочери Вѣры и ея кончина.

Вторая дочь моя, Наталья, года два страдала разстройствомъ нервъ отъ занятій музыкою и умозрительными науками. Она кашляла, замѣтно худѣла и слабѣла. Спустя девять лѣтъ послѣ того, какъ она, въ 1847 году, заболѣла въ Лейпцигѣ воспаленіемъ легкаго и лечилась у профессора Лейпцигскаго университета, д-ра

Кларуса-сына, который увѣрилъ, что у нея послѣ болѣзни «будетъ здоровая грудь и сильный голосъ», медики въ Костромѣ, Павловъ и Даниловъ, запрещали ей пѣть. Весною 1856 года извѣстный профессоръ Московскаго университета Ѳед. Ив. Иноземцевъ запретилъ ей заниматься музыкой и уроками и настоятельно приказывалъ какъ можно скорѣе отправиться въ Италію на зиму, а на лѣто въ Эмсъ на минеральныя воды. Къ сожалѣнію, житейскія обстоятельства воспрепятствовали этой поѣздкѣ. Московскій воздухъ тяготилъ больную, и она вздумала ѣхать въ городъ Старую Руссу, гдѣ жили двѣ сестры жены моей, у которыхъ былъ домъ съ садомъ. Мать проводила ее туда и возвратилась въ Москву къ другимъ дѣтямъ. Въ Ярославлѣ я получилъ вскорѣ два письма по почтѣ сразу: больная дочь моя очень слаба и меня вызывали поспѣшить пріѣздомъ...

Страшно, до чего я дожилъ! Дочь моя лишилась разсудка! Но неужели это сумасшествіе? Нѣтъ, это усиленное разстройство нервовъ, потому что больная говорила много дѣльнаго, исповѣдалась, причастилась св. таинъ и соборовалась. Состояніе больной ясно доказывало истощеніе жизненныхъ силъ и преобладаніе духа надъ тѣломъ... Во время соборованія она была въ полной памяти, сидѣла, держала въ рукѣ горящую свѣчу, пламенно, со слезами молилась и даже внятно повторяла за священникомъ молитвы и семь евангелій. По окончаніи соборованія она опять начала говорить и пѣть, дѣлала изумительные вопросы священнику—своему духовнику, который умиленъ былъ ея набожностью и благочестіемъ. Она съ сотворенія міра пересказала св. исторію, прибавивъ:

— Я должна страдать; я сораспинаюсь Христу. Богъ явился мнѣ во снѣ, назвалъ меня своею дочерью и повелѣлъ страдать. О, какъ дурны, какъ грѣшны люди!

Она пересмотрѣла всѣ свои вещицы, раздарила, распредѣливъ, кому что останется послѣ нея. Подарки ихъ императорскихъ высочествъ—великой княгини Маріи Павловны, золотую съ каменьями брошку, и принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго, браслетъ, передала она сестрѣ Вѣрѣ.

Она давно уже изъявляла желаніе умереть, послѣдній годъ она постоянно твердила о смерти, но во время болѣзни подходила къ растворенному окну и, восхитительно улыбаясь, говорила:

— Боже, какъ прекрасенъ міръ! Какъ весело жить!

Сестра спросила у нея, что она чувствуетъ. Больная отвѣчала:

— Блаженство, блаженство! Мнѣ такъ легко, такъ хорошо! Я здорова; ты страдаешь; мнѣ жаль тебя, а помочь не могу. Вдыхай въ себя, мой другъ Вѣра, мое дыханіе, вдыхай скорѣе, а то оно скоро улетитъ; мое дыханіе чисто.

Д-ръ Ридеръ прописалъ страдалицѣ порошки, но послѣ перваго пріема у нея пошла кровь горломъ, густая, черная; втеченіе трехъ

дней вышло болѣе двухъ фунтовъ. Д-ръ Гауделингъ пустилъ больной полчайной ложки крови, дабы остановить кровь изъ горла. Она впала въ безпамятство; восемь дней не пила, не ѣла; потомъ показался аппетитъ, но страдалица впала въ безуміе. Она десять сутокъ пѣла громко и восхитительно, особенно одинъ меланхолическій напѣвъ, который приводилъ въ умиленіе и невольно заставлялъ плакать даже сосѣдей, нарочно проходившихъ, чтобъ послушать дивное, неземное, не человѣческое пѣніе.

Я пріѣхалъ въ Старую Руссу въ началѣ іюня 1856 года, въ 6 часовъ утра, но меня безъ доктора къ страдалицѣ не пустили. Въ 8 часовъ пріѣхалъ д-ръ Ридеръ и прошелъ прямо въ садъ въ бесѣдку, гдѣ была больная, безумная дочь грѣшнаго, тщеславнаго отца. Я показался у окна, она простерла руки, вскричавъ: «Папенька, отецъ!». Я вбѣжалъ въ бесѣдку, палъ на колѣни передъ дочерью. Она обняла меня, поцѣловала нѣсколько разъ мою руку, кротко и привѣтливо улыбнулась; слеза скатилась изъ одного глаза по щекѣ и на половинѣ щеки остановилась... Нѣтъ, не могу всего выразить словами... Я еще могу плакать, и слезы облегчаютъ грудь мою. Скоро дочь моя опять впала въ прежнее состояніе...

Когда я подходилъ къ окну бесѣдки (мнѣ запрещали ей часто показываться), она мнѣ привѣтливо улыбалась и кланялась, кивая головой. Иногда она не узнавала меня, но просила денегъ заплатить за грѣхи.

— Дай мнѣ 500 тысячъ! Заплати же за меня!

Я страшно изстрадался, но Богъ милосердъ ко мнѣ: я еще могу плакать... Голова моя горѣла, сердце хотѣло выскочить... До чего я дожилъ? Страшно... О, гордость житейская, о славолюбіе и тщеславіе! Вотъ и всемірная слава! Дочь моя очень, очень любила меня. Въ 1855 году одна добрѣйшая, образованнѣйшая и любезнѣйшая статсъ-дама, супруга генералъ-адъютанта, впослѣдствіи оренбургскаго военнаго губернатора, В. И. Катенина, приглашала дочь мою въ Петербургъ, обѣщаясь, что она будетъ представлена къ императорскому двору. Она было согласилась, но на другой день, замѣтивъ мою грусть, бросилась ко мнѣ на грудь и съ чувствомъ сказала:

— Нѣтъ, папенька! Я васъ никогда не оставлю.

Все исчезаетъ... Нѣтъ ни малѣйшей надежды на исцѣленіе... У меня остались еще слезы и страданія; жена и дочь Вѣра не могутъ плакать... слезы изсякли... Я теряю голову... Больная запѣла восхитительную импровизированную мелодію:

— Je vous prie une rose... la France, la France... l'Italie... une bonne education... non, non, jamais une russe... Papa, у насъ paradis terrestre... Италія была... Ой, какъ мнѣ больно... больно отцу моему...

Она поетъ менѣе и тише; послѣдней лебединой пѣсней ея была— «Ангелъ», слова Лермонтова, музыка Варламова.

Да, я убійца дочери! Я погубилъ дочь, а, можетъ быть, обѣихъ, развитіемъ ихъ музыкальныхъ способностей. Я увлекся самолюбіемъ и тщеславіемъ видѣть въ семействѣ моемъ замѣчательныхъ артистокъ, отчуждивъ дочерей моихъ отъ обыкновенной, домашней жизни... И Богъ наказалъ меня за мою кичливую гордость... Но я по притчѣ евангельской желалъ усовершить Богомъ данные дочерямъ моимъ таланты...

По временамъ несчастной страдалицѣ становилось какъ бы легче, но звонъ колоколовъ и въ паркѣ музыка ее сильно волновали. Она все твердила:

— Папа! Заплати за меня, заплати доктору... Вѣдь, докторъ и чортъ все равно.

Пріѣзжихъ въ Старую Руссу на ванны въ тотъ годъ было такъ много, что не было свободныхъ квартиръ, особенно отдѣльныхъ для успокоенія больной. Въ домѣ же нашихъ родныхъ красили въ комнатахъ полы, и запахъ масла былъ невыносимъ для больной. Что же мнѣ оставалось дѣлать? Доктора рѣшили, что возможно больную перевезти въ Москву. Я на это рѣшился, тѣмъ болѣе, что женѣ моей непремѣнно надобно было возвратиться въ Москву, гдѣ оставались четверо маленькихъ сыновей на попеченіи третьей моей 14-ти-лѣтней дочери. Мнѣ непремѣнно надобно было поспѣшить на службу для исполненія имѣвшихся у меня порученій. Слѣдовательно, на кого мы могли оставить больную и душею и тѣломъ дочь? Горничная, или, лучше сказать, другъ больной (прусская подданная Паулина Линдемутъ изъ Мансфельда), истомилась въ уходѣ за больной и сама была въ опасности захворать. Отслуживъ путевой молебенъ, мы купили тарантасъ, больную помѣстили, обложивъ подушками, между матерью и горничною. Больная охотно отправлялась, просила даже ѣхать скорѣе. . . . . .

. . . . . .

Все кончено. Проѣхавъ двѣ станціи, дочь моя начала кончаться. Мать и горничная не смѣли плакать, боясь обезпокоить и потревожить умирающую. Я дрожалъ всѣмъ тѣломъ... кровь во мнѣ застывала... Что мнѣ оставалось дѣлать? Я рѣшился возвратиться въ Старую Руссу, но, проѣхавъ назадъ шагомъ двѣ версты, дочь моя на рукахъ матери скончалась младенческою кончиною тихо, какъ и жила кроткою жизнью... Мать и горничная, предупрежденныя мною, что если будутъ плакать, то насъ не повезутъ въ городъ, и придется намъ дочь нашу схоронить въ ближайшемъ селѣ,— не смѣли плакать... И вотъ, не ужасно ли было состояніе матери, которая не смѣетъ плакать по усопшей дочери! Представьте себѣ положеніе матери и горничной—23 версты ѣхать шагомъ, держа на рукахъ покойницу! Онѣ, выѣхавъ изъ Старой Руссы въ 10 часовъ вечера, возвратились обратно на другой день въ 2 часа, то-есть просидѣли, не вставая изъ тарантаса, 16 часовъ.

Родные наши были удивлены нашимъ возвращеніемъ. Покойницу внесли въ домъ, обмыли и положили на столъ... Плакали родные и сторонніе, плакала и рыдала горничная, но мать и отецъ... были безъ слезъ; они оба окостенѣли или одеревенѣли... Эта дочь такъ была кротка, скромна, такъ не любила тщеславія и похвалъ.

Усопшую одѣли въ бѣлое платье; ее подняли и въ сидячемъ положеніи она казалась живою, полусонною, пальцы на рукахъ даже не окостенѣли... Я долго сомнѣвался, не жива ли она. Д-ръ Ридеръ два раза пріѣзжалъ и рѣшилъ, что она мертва, но вотъ уже четвертыя сутки со дня ея кончины, и никакого измѣненія нѣтъ... Заунывное, протяжное чтеніе псалтыря, пѣніе паннихидъ, положеніе во гробъ при пѣніи пѣвчихъ штаба военныхъ поселеній, душу раздирающее рыданіе и вопли матери и горничной, плачъ родныхъ и посѣтителей; наконецъ, привезли погребальную колесницу съ балдахиномъ, пришли пѣвчіе, священники и діаконы съ причтомъ; пріѣхалъ архимандритъ съ іеродіакономъ; послѣдняя литія... появились нѣсколько городскихъ дѣвушекъ, вынесли гробъ и несли его до церкви... Совершилась литургія, потомъ отпѣваніе; послѣдняя надгробная пѣснь, прощаніе и рыданія... Вся церковь плакала, всѣ присутствующіе, даже и архимандритъ съ прочимъ духовенствомъ, прослезились... Всѣ жалѣли о ранней кончинѣ молодой дѣвицы 19 лѣтъ, жалѣли, глядя только на прекрасное лицо усопшей... И болѣе бы жалѣли, еслибъ знали ея житейскія достоинства, ея музыкальный талантъ и какую пользу она приносила отцу и матери, братьямъ и третьей своей сестрѣ Софьѣ, а равно преподаваніемъ музыки юнымъ соотечественницамъ [1])...

Въ тотъ же день мы съ женою и горничной Паулиной уѣхали изъ Старой Руссы... Я по возможности старался скрывать мои страданія... Дочь моя оставила меня и еще живая отреклась отъ меня, называя себя «дочерью Бога». Притомъ, дочь моя Вѣра въ то время уже все хворала; здоровье ея съ малолѣтства было слабо... Что же будетъ, если и эта дочь, эта опора моего семейства, эта утѣха и надежда моей старости, умретъ, не довершивъ своего великаго подвига—воспитать, образовать, поднять на ноги четырехъ братьевъ своихъ?...

Съ самаго малолѣтства Вѣра была болѣзненна, а вслѣдствіе этого капризна, своевольна. Оттого образовался у нея характеръ желчный, подозрительный, недовѣрчивый, неуважительный даже къ отцу; мать она любила, но, повидимому, не уважала. Одаренная отъ природы впечатлительнымъ характеромъ, отличными способностями для сцены и музыки, она не имѣла при этомъ терпѣнія достигать совершенства постепенно, а музыкальному успѣху своему

---

[1]) Некрологъ Н. В. Погожевой былъ напечатанъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1857 г., т. X, № 13, стр. 59—63.

обязана болѣе природнымъ способностямъ. И это ясно доказывается тѣмъ, что давно уже, именно въ 1848 году, то-есть съ выхода изъ Лейпцигской консерваторіи, она мало занималась музыкою, а начавъ давать музыкальные уроки въ императорскихъ московскихъ институтахъ, почти вовсе перестала сама играть, развѣ только въ дни рожденія своего и именинъ, а иногда и въ другое время, когда бывали гости.

Къ чему отнести это? Полагаю, причиною тому разстройство нервъ отъ институтскихъ уроковъ, которые она давала часовъ по десяти въ день. И, въ самомъ дѣлѣ, сидячая жизнь, слушаніе однѣхъ и тѣхъ же гаммъ и этюдовъ, лѣность и непонятливость ученицъ, зависть нѣкоторыхъ учителей и учительницъ, поневолѣ сдѣлаютъ дѣвушку съ энергичною душою желчною и оттого раздражительною. Желчь разлилась по тѣлу; ноги, руки до локтей уже года три постепенно болѣе и болѣе желтѣли; она ночью мало спала и если засыпала, то находилась въ тревожномъ состояніи духа, такъ что малѣйшій шорохъ ее пробуждалъ. Однимъ словомъ, она находилась въ напряженномъ состояніи духа. Все это страшило меня до такой степени, что я не могъ оставить службу, ожидая съ ужасомъ, что Вѣра будетъ имѣть участь подобную сестрѣ ея Натальѣ. Она близка къ сумасшествію, потому что нервы ея сильно разстроены, головныя боли усилились до того, что она находилась по цѣлымъ суткамъ и болѣе въ безчувственномъ состояніи. Разстроившись отъ уроковъ, она возвращалась домой, вмѣшивалась въ мелочныя домашнія дрязги и до такой степени заботилась о чистотѣ комнатъ и мебели, особенно половъ и даже дверей, что даже братьямъ своимъ не позволяла входить въ залъ и гостиную и другія комнаты, кромѣ спальни ихъ и столовой. И дѣйствительно, комнаты были всегда въ отличной чистотѣ, полы натерты воскомъ, мебель благовидная и во всемъ убранствѣ комнатъ изящный вкусъ.

Послѣ одной изъ нашихъ ссоръ по поводу ея строптивыхъ замѣчаній о чистотѣ комнатъ, дочь моя съ восьми часовъ вечера до трехъ часовъ по полудни другаго дня въ забытьи лежала, закрывъ глаза, руками держась за вѣки, стонала и, видимо, мучилась головной болью. Такое состояніе повторялось не разъ; она значительно уменьшила музыкальные уроки и, вѣроятно, придется и совсѣмъ оставить эти уроки. Что же это и чѣмъ все это кончится? Дочь моя увлекалась какими-то странными идеями о жизни, о грѣхахъ, и даже сказала мнѣ, что не можетъ уважать меня до тѣхъ поръ, пока я не очищусь отъ грѣховъ, пока я не перестану грѣшить... Боже Всемогущій, неужели и эту дочь потеряю я? Неужели и эта дочь лишится разсудка и должна меня оставить? Страшно! Кровь застываетъ, въ головѣ горитъ, сердце морально изсыхаетъ или разбивается на части. Однажды, въ концѣ октября 1858 года, Вѣра возвратилась изъ института въ 5 часовъ вечера; я въ это время

лежалъ въ кабинетѣ, запершись. Она стала стучать въ дверь и, когда я отворилъ, принесла свѣчу и зажгла ею у меня на столѣ стоявшую. Затѣмъ до 12-ти часовъ слѣдующаго дня она просидѣла въ образной комнатѣ и не ложилась спать. Она не могла хладнокровно на меня смотрѣть, присутствіе мое раздражало ее... Что-жъ мнѣ дѣлать? Оставить ее жаль по человѣчеству и по чувствамъ отца. Умъ ея помраченъ, разсудокъ затмевался; она желала умереть, и можно было опасаться, что она уморитъ себя голодомъ. Къ кому обратиться за совѣтами? Кого изъ знакомыхъ болѣе уважаетъ она? Кто бы могъ обратить ее къ жизни? Хотѣлъ было я послать за священникомъ, но приметъ ли она его? Я терялъ голову... До четырехъ часовъ по полудни она оставалась въ образной комнатѣ, но въ забытьи, въ полулежачемъ положеніи; голоса отца и матери не можетъ слышать, допуская къ себѣ только сестру Софью. На предложеніе пригласить доктора или священника отвѣчала отрывисто:

— Не надобно, я ихъ въ шею выгоню; я скажу сама, когда позвать священника.

Въ семь часовъ вечера она пожелала получить мое благословеніе. Я вошелъ въ образную; она была очень слаба, голова горѣла какъ жаръ, пульсъ едва бился, дыханіе въ горлѣ сперлось отъ запекшейся мокроты и крови. Я ее трижды перекрестилъ, она взяла меня за руку, мать за другую, позвала сестру Софью... холодный потъ выступилъ на лицѣ ея, она, казалось, отходила въ другой міръ, но за священникомъ послать не соглашалась, говоря, что она не умираетъ еще. Она ничего не могла проглотить, все ей было противно, но я приказалъ принести святой воды, и она проглотила три чайныхъ ложки. Это ее ободрило и даже, можно сказать, воззвало къ жизни. Она уже сама показала рукою дать ей еще святой воды и, опять проглотивъ три ложечки, сказала, что теперь она еще поживетъ. Она проглотила шесть чайныхъ ложекъ чаю и забылась, задремавъ или заснувъ. Но часы ея уже были сочтены... Я потерялъ и эту дочь...

В. Н. Погожевъ.